

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 4 (47) 2022

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 4 (47) 2022

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Муталов Р.О.</i> Относительные предложения с эргативной конструкцией в даргинском литературном языке.....	7
<i>Борисова Н.М.</i> Экзотическая лексика языка саха в медиатексте (по материалам сайта «Якутия daily»).....	14
<i>Голайденко Л.Н., Сальников В.Б.</i> Морфологический статус русского слова <i>вправе</i>	19
<i>Бахтина Е.В.</i> Особенности неологизмов китайского языка в период пандемии коронавируса (COVID-19).....	28
<i>Кольцова Л.М., Кубышкин И.А.</i> Виды и функции сегментированных синтаксических конструкций в русском политическом дискурсе.....	33
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Ковалев Г.Ф.</i> Биографизм ономастики А.А. Платонова.....	38
<i>Олейникова О.Н.</i> Иноязычные вкрапления в текстах научного стиля А.А. Ахматовой.....	48
<i>Подтележникова Е.Н., Луценко А.Ю.</i> Текстовые маркеры идиостиля Е. Некрасовой	53
<i>Устинова Н.Н.</i> Аспекты изучения библионимов.....	60
<i>Белова А.В.</i> «Личный» элемент в тексте рассказа Александра Чехова «Бабы горе».....	64
Лингвокультурология	
<i>Бугакова Н.Б.</i> Особенности вербализации бинарной оппозиции «жизнь-смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур».....	69
<i>Сухова К.И.</i> Фитонимический код в лирике В.А. Солоухина (на примере цветочных растений)	76
Межкультурная коммуникация	
<i>Попова Ю.С., Сулемина О.В.</i> Образ женщины в арабской и русской национальных картинах мира (на материале паремологии).....	84
<i>Шамсутдинова Р.Г.</i> Анализ снов в романах Ф.М. Достоевского и Г. Ибрагимова.....	88
Концептология	
<i>Чжан Цзин</i> Репрезентация и содержание концепта <i>вода</i> в фольклоре (на материале народных русских сказок А.Н. Афанасьева).....	95
<i>Бутенко Е.Ю.</i> Синонимические репрезентации концепта <i>Eeyorishness (Пессимизм)</i> в английской лексикографии.....	102
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Журавель О.Д., Шишкина Н.Е.</i> Жанры и форматы новых медиа: к вопросу о границах нового феномена в медиадискурсе.....	109
<i>Алексеев А.Б.</i> Языковые игры в политическом дискурсе США 2015–2016 гг.....	117
<i>Попов С.А.</i> О роли лингвокраеведения в профессиональной деятельности журналистов региональных СМИ.....	126
Язык СМИ	
<i>Самкова М.А.</i> Инвектива в читательских комментариях.....	132
<i>Халина Е.Е.</i> Жанровая дифференциация политического дискурса: критерии выделения и градация типов.....	137
Правила оформления статей	142

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Mutalov R.O.</i> Relative clauses with an ergative construction in the Dargin literary language.....	7
<i>Borisova N.M.</i> Exotic vocabulary of the Sakha language in the media text (based on the materials of the Yakutia daily website).....	14
<i>Golaydenko L.N., Salnikov V.B.</i> Morphological status of the Russian word <i>vprave</i>	19
<i>Bakhtina E.V.</i> Features of neologisms of the Chinese language during the coronavirus (COVID-19) pandemic.....	28
<i>Koltsova L.M., Kubyshkin I.A.</i> Types and functions of segmented syntactic constructions in Russian political discourse.....	33
Literary text: aspects of study	
<i>Kovalev G.F.</i> Biographism of onomastics by A.A. Platonov.....	38
<i>Oleynikova O.N.</i> Foreign language inclusions in the scientific style texts of A.A. Akhmatova.....	48
<i>Podtelezhnikova E.N., Lutsenko A.U.</i> Text markers of E. Nekrasova's idiosyncrasy.....	53
<i>Ustinova N.N.</i> Aspects of studying of biblionyms.....	60
<i>Belova A.V.</i> «Personal» element in the text of Alexander Chekhov's story «The woman's sorry».....	64
Language and culture studies	
<i>Bugakova N.B.</i> Peculiarities of verbalization of the binary opposition "life - death" in A. Platonov's novel "Chevengur".....	69
<i>Sukhova K.I.</i> Phytonymic code in V.A. Soloukhin's lyrics (by the example of flower plants).....	76
Intercultural communication	
<i>Popova Y.S., Sulemina O.V.</i> The image of a woman in the Arab and Russian national pictures of the world (based on the material of paremiology).....	84
<i>Shamsutdinova R.G.</i> Analysis of dreams in the novels of F.M. Dostoevsky and G. Ibragimov.....	88
Concept studies	
<i>Zhang Jing</i> Representation and content of the concept water in folklore (on the material of Russian folk tales by A.N. Afanasyev).....	95
<i>Butenko E.Y.</i> Synonymic representations of the concept eeyorishness in the English lexicography.....	102
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Zhuravel O.D., Shishkina N.E.</i> Genres and formats of new media: on the issue of the boundaries of a new phenomenon in media discourse.....	109
<i>Alexeyev A.B.</i> Language games and language plays in the political discourse of the USA (2015–2016).....	117
<i>Popov S.A.</i> On the role of linguistic local history in the professional activities of journalists of regional media.....	126
Language of mass media	
<i>Samkova M.A.</i> Invective vocabulary in reader's comments.....	132
<i>Khalina E.E.</i> Genre specificity of political discourse: criteria of identification and gradation of the genres.....	137
Layout of the articles	142

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок седьмой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Лингвокультурология», IV – «Концептология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 21 научная работа.

Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие относительные предложения с эргативной конструкцией в даргинском литературном языке (Р.О. Муталов), анализирующие экзотическую лексику языка саха в медиатексте (по материалам сайта «Якутия daily») (Н.М. Борисова), уточняющие морфологический статус русского слова вправо (Л.Н. Голайденко, В.Б. Сальников), выявляющие особенности неологизмов китайского языка в период пандемии коронавируса (COVID-19) (Е.В. Бахтина), устанавливающие виды и функции сегментированных синтаксических конструкций в русском политическом дискурсе (Л.М. Кольцова, И.А. Кубышкин). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, выявляющие специфику биографизма ономастики А.А. Платонова (Г.Ф. Ковалев), функции иноязычных вкраплений в текстах научного стиля А.А. Ахматовой (О.Н. Олейникова), рассматривающие текстовые маркеры идиостиля Е. Некрасовой (Е.Н. Подтележникова, А.Ю. Луценко), представляющие аспекты изучения библионимов (Н.Н. Устинова) и др. Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые эксплицируют особенности вербализации бинарной оппозиции «жизнь-смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур» (Н.Б. Бугакова) и принципы фитонимического кода в лирике В.А. Солоухина (на примере цветочных растений) (К.И. Сухова). В разделе «Межкультурная коммуникация» исследуется образ женщины в арабской и русской национальных картинах мира (на материале паремииологии) (Ю.С. Попова, О.В. Сулемина), проводится анализ снов в романах Ф.М. Достоевского и Г. Ибрагимова (Р.Г. Шамсутдинова). Раздел «Концептология» включает статьи, рассматривающие репрезентацию и содержание концепта *voda* в фольклоре (на материале русских сказок А.Н. Афанасьева) (Чжан Цзин) и синонимические репрезентации концепта *Eeyorishness* (Пессимизм) в английской лексикографии (Е.Ю. Бутенко). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» представлены жанры и форматы новых медиа: к вопросу о границах нового феномена в медиадискурсе (О.Д. Журавель, Н.Е. Шишкина), языковые игры в политическом дискурсе США 2015–2016 гг (А.Б. Алексеев), взаимосвязь лингвокраеведения с профессиональной деятельностью журналистов региональных СМИ (С.А. Попов). Раздел «Язык СМИ» рассказывает об инвективах в читательских комментариях (М.А. Самкова) и жанровой дифференциации политического дискурса (Е.Е. Халина).

Содержащиеся в выпуске 4(47) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.351.22

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.54.76.001

*Институт языкознания РАН
доктор филологических наук, профессор, глав-
ный научный сотрудник
Муталов Р.О.
Россия, г. Москва,
e-mail: mutalovr@mail.ru*

*The Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences, Chief Researcher, Doctor of Philology,
Professor,
Mutalov R. O.,
Russia, Moscow,
e-mail: mutalovr@mail.ru*

Р.О. Муталов

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ В ДАРГИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблемам функционирования относительных предложений с переходным глаголом в даргинском литературном языке (нахско-дагестанская группа языков). Актуальность темы заключается в том, что подобные конструкции дагестанских языков остаются слабо исследованными с позиций современных синтаксических теорий. В статье используются методы синхронного исследования языка, а также метод тестирования. Рассматриваются факторы, влияющие на образование относительных предложений. Это, прежде всего, характер кореферентного элемента, который может выступать в семантической роли агенса, пациенса или актанта непереходного глагола. Во-вторых, позиция зависимой клаузы, которая может функционировать перед, внутри или после главного предложения. И, в третьих, непосредственный или опосредствованный контакт предиката зависимой клаузы и кореферентного элемента. Установлено, что кореферентный элемент в относительной конструкции предложении может заменяться на анафорическое местоимение *сай* «сам» или сокращается, а глагол приобретает форму причастия. В результате проведенного исследования выявлены все возможные относительные конструкции, которые являются грамматически правильными. Выявление ограничений на использование той или иной конструкции, которые вызваны грамматическим запретом или семантикой, имеет важное значение в проведении исследований типологического и когнитологического характера.

Ключевые слова: даргинские языки, синтаксис, сложное предложение, зависимая клауза, эргативная конструкция, релятивизация, кореферентность, актанты.

R.O. Mutalov

RELATIVE CLAUSES WITH AN ERGATIVE CONSTRUCTION IN THE DARGIN LITERARY LANGUAGE

The article is devoted to the problems of functioning of relative sentences with a transitive verb in the Dargin literary language (the Nakh-Dagestanian group of languages). The relevance of the topic is in the fact that such constructions of the Dagestanian languages remain not enough studied from the standpoint of modern syntactic theories. The methods of synchronous language research and a testing method are used in this work. The factors that make influence on the formation of relative sentences are considered. Such as, first of all, the role of the coreferent element, which can act in the semantic role of an agent, patient or an actant of an intransitive verb. Secondly, the position of the dependent clause, which can function before, inside or after the main clause. And, thirdly, the direct or indirect contact of the dependent clause predicate and the coreferential element. It is established that the coreferential element in the relative construction of the sentence can be replaced by the anaphoric pronoun *sai* "himself" or abbreviated, and the verb takes the form of a participle. As a result of this study, all possible relative constructions that are grammatically correct have been identified. Identification of restrictions on the use of a definite construction, which are caused by a grammatical prohibition or semantics, is important in this typological and cognitive research.

Key words: the Dargin languages, syntax, complex sentence, relative clause, ergative construction, relativization, coreference, actants.

Даргинские языки (общее число говорящих по переписи 2010 г. около 510 тыс. человек)

относятся к нахско-дагестанской группе кавказских языков и распространены в Центральном Дагестане. Традиционно они рассматривались в качестве одного языка, однако существующие между ними значительные расхождения позволяют говорить о группе языков, число которых доходит до 15 [1; с. 141-148].

Даргинский литературный язык, материал которого использован в настоящей статье, был создан в 20-е годы прошлого века на основе акушинского диалекта [2; с. 5]. На литературном языке было издано большое число художественных произведений даргинских писателей и поэтов. Сравнение устной и письменной речи даргинцев дает возможность выявить разницу в их функционировании. Одна из особенностей письменной речи, по сравнению с устной, проявляется в более широком использовании полипредикативных конструкций. В данной статье речь будет идти об относительных конструкциях, являющихся одним из видов сложных предложений.

Относительные предложения представляют собой сложные конструкции, которые состоят из главной и зависимой частей и «описывают какую-либо именную группу в главном предложении через его участие в ситуации, обозначенной в зависимой предикации» [3; с. 461]. Процесс образования относительной конструкции называется релятивизацией.

Относительное предложение можно разложить на два самостоятельных простых предложения. Так, предложение *Сидевший за столом Петя читал книгу* разлагается на предложения а) *Петя сидел за столом*; б) *Петя читал книгу*. При их объединении повторяющийся элемент *Петя* в зависимой части сокращается, а глагол приобретает форму причастия. Но не при всяком соединении этих двух предложений могут образоваться грамматически правильные относительные конструкции. Правильно, например, предложение *Петя, сидевший за столом, читал книгу*. Но не соответствует нормам русского языка конструкция **Петя читал книгу, сидевший за столом*. Т.е. при образовании относительных конструкций действуют определенные ограничения, которые вызваны грамматическим запретом либо чрезмерной нагрузкой на когнитивные системы. Целью данной статьи является выявление правильных и неправильных относительных конструкций даргинского языка, предикатом которых выступает переходный глагол.

Даргинское предложение *Чудни дарибси Аминатли дурх1ни букахъес жибариб* «Аминат, которая испекла пироги, пригласила детей обедать» можно разбить на два простых предложения: 1) *Аминатли чудни дариб* «Аминат испекла пироги» и 2) *Аминатли дурх1ни букахъес жибариб* «Аминат пригласила детей обедать». В результате объединения этих предложений образуется относительная конструкция. При этом в новом предложении отмечаются определенные изменения. Прежде всего в зависимой части меняется повторяющийся актант *Аминат*, который называют кореферентным элементом. Данный элемент может либо сокращаться ($\rightarrow \emptyset$), либо заменяться на рефлексивное местоимение *сай* (*сари, саби*) «сам (сама, само)», которое выполняет анафорическую функцию. При функционировании зависимой части внутри главного предложения (либо после него) к данному местоимению присоединяется частица *-ра*: *сай-ра* (*сари-ра, саби-ра*): *Салимат, сари-ра шилизир х1ерриуси, даг Дербентлизи рьякун* «Салимат, которая живет в селении, вчера поехала в Дербент».

С другой стороны, финитная форма глагола, которая представлена в исходном предложении, в зависимой части приобретает форму причастия, маркированного атрибутивным показателем *-си* (*-ти* во мн. числе): *дариб* «испекла» (форма аориста) – *дариб-си* «испекшая».

В традиционных научных грамматиках, посвященных изучению даргинских языков, конструкции, образованные посредством причастного оборота, рассматривались в качестве осложненных предложений [4; с. 318]. Такого же подхода придерживаются авторы и вышедшего в 2014 году коллективной монографии «Современный даргинский язык» [5; с. 566]. В учебниках же, как школьных, так и вузовских, применяется подход, заимствованный из практики преподавания русского языка – такие предложения названы простыми предложениями, содержащими обособленное определение. В даргиноведческих работах последних лет подобные конструкции считаются сложными предложениями [6; 7; 8; 9; 10].

Причастие, функционирующее в качестве предиката зависимой части относительной конструкции, выражается переходным или непереходным глаголом. Непереходный глагол может управлять одним актантом, представленным в именительном падеже. *Мурад дуц1ухъун* «Мурад побежал». Переходный глагол может иметь 2 актанта: *агенс* (А), функционирующий в эргативном падеже и *пациенс* (Р) в именительном падеже: *Мурадли шин держиб* «Мурал (агенс) выпил воды (пациенс)».

Конструкции с переходным (двухвалентным) глаголом в дагестанских языках называются эргативными [11].

В нашей работе [12] были исследованы проблемы функционирования относительных предложений даргинского языка, предикат зависимой клаузы которых выражен непереходным глаголом. В настоящей статье будут рассмотрены реляционные предложения, в которых одна или обе части предложения представляют собой эргативные конструкции.

Выше было сказано о том, что кореферентный элемент в относительной конструкции предложении может заменяться на анафорическое местоимение *сай* «сам» или сокращается. Как указано в работе [12], это зависит от нескольких обстоятельств. Прежде всего «от характера кореферентного актанта, представленного в главной клаузе, который может выступать в семантической роли S-актанта (актант непереходного глагола), либо актантов переходного глагола А (агенс) или Р (пациенс). Во-вторых, важна сама позиция зависимой клаузы относительно главного. Причастные обороты, как правило, предшествуют определяемому имени», но они могут функционировать внутри главной клаузы или после нее. В третьих, имеет также значение то обстоятельство, насколько близко расположена зависимая клауза к вершине. Возможны 2 варианта: непосредственно близкое расположение или опосредствованная близость зависимой клаузы к вершине» [12; с. 94].

В зависимости от того, чем выражен кореферентный элемент в составе главной и зависимой частей, относительные предложения с переходным глаголом можно распределить на 6 групп: 1. Кореферентный элемент в главном предложении (ГП) - агенс, в зависимом предложении (ЗП) – актант непереходного глагола; 2. Кореферентный элемент в ГП - агенс, в ЗП – агенс; 3. Кореферентный элемент в ГП - агенс, в ЗП – пациенс; 4. Кореферентный элемент в ГП - пациенс, в ЗП – актант непереходного глагола; 5. Кореферентный элемент в ГП - пациенс, в ЗП – агенс; 6. Кореферентный элемент в ГП - пациенс, в ЗП – пациенс.

Для выявления грамматически правильных относительных предложений даргинского литературного языка, предикат которых выражен переходным глаголом, была проведена проверка на грамматичность конструкций. С этой целью с учетом приведенных выше трех факторов были составлены нижеследующие таблицы.

Рассмотрим каждый их этих видов по отдельности (сокращения в таблицах таковы: ГП - главное предложение, ЗП - зависимое предложение, непосредств. – непосредственный (контакт), опосредств. – опосредствованный (контакт), кореф. – кореферентный (элемент); символ Θ означает сокращение кореферентного элемента; знак* сигнализирует о неграмматичности конструкции).

Таблица 1

Кореферентный элемент в главном предложении (ГП) - агенс, в зависимом предложении (ЗП) – актант непереходного глагола: *Кагъар белкӀунси Мухтар айзур* «Мухтар, который написал письмо, встал».

		сокращение кореф. элемента	замена кореф. элемента на местоимение
ЗП предшествует ГП	контакт непосредств.	Θ <i>кагъар белкӀунси Мухтар айзур.</i>	<i>сунени кагъар белкӀунси Мухтар айзур.</i>
	контакт опосредств.	* Θ <i>кагъар белкӀунси айзур Мухтар.</i>	* <i>сунени кагъар белкӀунси айзур Мухтар.</i>
ЗП внутри ГП	контакт непосредств.	* <i>Мухтар, Θ кагъар белкӀунси, айзур.</i>	<i>Мухтар, суненира кагъар белкӀунси, айзур.</i>
	контакт опосредств.	* <i>Мухтар разили, Θ кагъар белкӀунси, айзур.</i>	* <i>Мухтар разили, суненира кагъар белкӀунси, айзур.</i>
ЗП следует за ГП	контакт непосредств.	<i>айзур Мухтар, Θ кагъар белкӀунси.</i>	<i>айзур Мухтар, суненира кагъар белкӀунси.</i>
	контакт опосредств.	* <i>Мухтар айзур, Θ кагъар белкӀунси.</i>	* <i>Мухтар айзур, суненира кагъар белкӀунси.</i>

Из таблицы видно, что сокращение кореферентного элемента происходит лишь в двух случаях из шести. Грамматичной является конструкция с кореферентным элементом в препозиции, который находится в непосредственном контакте с предикатом: *Θ кагъар белкӀунси Мухтар айзур* (букв. «Письмо написавший Мухтар встал»). Однако сомнительна правильность конструкции при опосредствованном контакте с предикатом. Не являются правильными конструкции с кореферентным элементом внутри как в непосредственном, так и в опосредствованном контакте с предикатом. Грамма-

тически правильна конструкция с кореферентным элементом в постпозиции, в непосредственном контакте с предикатом. Но она не грамматична при опосредствованном контакте.

Замена кореферентного элемента на местоимение возможна в трех случаях. Конструкция с кореферентным элементом в препозиции, в непосредственном контакте с предикатом, является распространенной в даргинском литературном языке. Но не встречается она при опосредствованном контакте с предикатом. Такую же ситуацию имеем в предложениях с кореферентным элементом внутри главной части. При непосредственном контакте с предикатом данные предложения грамматичны, особенно часто они встречаются в письменной речи. Но не представлены данные конструкции при опосредствованном контакте с предикатом. Если кореферентный элемент расположен в постпозиции и в непосредственном контакте с предикатом, то предложение грамматично. И не грамматично, если данный элемент имеет опосредствованный контакт с предикатом.

Таблица 2

Кореферентный элемент в ГП - агенс, в ЗП – агенс: *Кьял бицибси Запирли урчи асиб* «Запир, который продал корову, купил коня».

		сокращение кореф. элемента	замена кореф. элемента на местоимение
ЗП предшествует ГП	контакт непосредств.	<i>Ө кьял бицибси Запирли урчи асиб.</i>	<i>сунени кьял бицибси Запирли урчи асиб.</i>
	контакт опосредств.	<i>*Ө кьял бицибси асиб Запирли урчи.</i>	<i>*сунени кьял бицибси асиб Запирли урчи.</i>
ЗП внутри ГП	контакт непосредств.	<i>*Запирли, Ө кьял бицибси, урчи асиб.</i>	<i>Запирли, суненира кьял бицибси, урчи асиб.</i>
	контакт опосредств.	<i>*Запирли асиб Ө кьял бицибси, урчи.</i>	<i>*Запирли асиб, суненира кьял бицибси, урчи.</i>
ЗП следует за ГП	контакт непосредств.	<i>*?урчи асиб Запирли, Ө кьял бицибси.</i>	<i>урчи асиб Запирли, суненира кьял бицибси.</i>
	контакт опосредств.	<i>*Запирли урчи асиб, Ө кьял бицибси.</i>	<i>*Запирли урчи асиб, суненира кьял бицибси.</i>

Как видно из примеров, сокращение кореферентного элемента в данных конструкциях возможна лишь в одном случае – при предшествовании зависимой части главной и непосредственном его контакте с причастием. В аналогичной ситуации возможна также замена кореферентного элемента на местоимение. Теоретически возможны еще два случая замены на местоимение – при непосредственном контакте кореферентного элемента с предикатом зависимой части и функционировании ее внутри главного предложения или после него. Данные конструкции, как правило, встречаются чаще в письменной речи и поэзии.

Таблица 3

Кореферентный элемент в ГП - агенс, в ЗП – пациент: *Жузи архуси ХIямзат Кьасумли уциб* «Касум поймал Гамзата, который уносил книги»

		сокращение кореф. элемента	замена кореф. элемента на местоимение
ЗП предшествует ГП	контакт непосредств.	<i>Ө жузи архуси ХIямзат Кьасумли уциб</i>	<i>сунени жузи архуси ХIямзат Кьасумли уциб</i>
	контакт опосредств.	<i>*Ө жузи архуси Кьасумли ХIямзат уциб</i>	<i>*сунени жузи архуси Кьасумли ХIямзат уциб</i>
ЗП внутри ГП	контакт непосредств.	<i>Кьасумли Ө жузи архуси ХIямзат уциб</i>	<i>Кьасумли сунени жузи архуси ХIямзат уциб</i>
	контакт опосредств.	<i>Кьасумли Ө жузи архуси уциб ХIямзат</i>	<i>Кьасумли сунени жузи архуси уциб ХIямзат</i>
ЗП следует за ГП	контакт непосредств.	<i>Кьасумли уциб ХIямзат, Ө жузи архуси.</i>	<i>Кьасумли уциб ХIямзат, суненира жузи архуси.</i>
	контакт опосредств.	<i>*Кьасумли ХIямзат уциб, Ө жузи архуси.</i>	<i>Кьасумли ХIямзат уциб, суненира жузи архуси.</i>

В данной группе довольно много грамматически правильных предложений – из 12 возможных грамматичными являются 9. По сути, грамматичными являются предложения и второй строки, но в них будет подразумеваться, что кореферентным элементом является непосредственно примыкающий к предикату зависимого предложения слово Касум, а не Гамзат: *Жузи архуси Къасумли ХІямзат уциб* «Уносивший книги Касум поймал Гамзата». *Сунени жузи архуси Къасумли ХІямзат уциб* «Касум, который уносил книги, поймал Гамзата».

Таблица 4

Кореферентный элемент в ГП - пациенс, в ЗП – актанта непереходного глагола: *Рашидли хІядурбарибти дурхІни школализи арбякьун* «Дети, которых подготовил Рашид, пошли в школу».

		сокращение кореф. элемента	замена кореф. элемента на местоимение
ЗП предшествует ГП	контакт непосредств.	<i>Рашидли Θ хІядурбарибти дурхІни школализи арбякьун</i>	<i>Рашидли саби хІядурбарибти дурхІни школализи арбякьун</i>
	контакт опосредств.	<i>?Рашидли Θ хІядурбарибти школализи арбякьун дурхІни</i>	<i>?Рашидли саби хІядурбарибти школализи арбякьун дурхІни</i>
ЗП внутри ГП	контакт непосредств.	<i>*дурхІни, Θ Рашидли хІядурбарибти, школализи арбякьун</i>	<i>дурхІни, сабира Рашидли хІядурбарибти, школализи арбякьун.</i>
	контакт опосредств.	<i>*дурхІни школализи, Θ Рашидли хІядурбарибти, арбякьун</i>	<i>*дурхІни арбякьун, сабира Рашидли хІядурбарибти, школализи.</i>
ЗП следует за ГП	контакт непосредств.	<i>школализи арбякьун дурхІни, Рашидли Θ хІядурбарибти.</i>	<i>школализи арбякьун дурхІни, сабира Рашидли хІядурбарибти.</i>
	контакт опосредств.	<i>дурхІни школализи арбякьун, Рашидли Θ хІядурбарибти.</i>	<i>дурхІни школализи арбякьун, сабира Рашидли хІядурбарибти.</i>

Грамматична также большая часть предложений данной группы. Сомнительна грамматичность конструкций второй строки, т.е. предложений, в которых зависимая часть предшествует главной, а контакт кореферентного элемента с предикатом зависимой части является опосредствованным. В речи невозможны конструкции, в которых зависимая часть находится внутри главной, а контакт кореферентного элемента с ее предикатом является опосредствованным.

Таблица 5

Кореферентный элемент в ГП - пациенс, в ЗП – агенс: *Мура кадухибси Идрисли унци тІашаиб* «Идрис, который принес сено, остановил волов»

		сокращение кореф. элемента	замена кореф. элемента на местоимение
ЗП предшествует ГП	контакт непосредств.	<i>Θ мура кадухибси Идрисли унци тІашаиб.</i>	<i>сунени мура кадухибси Идрисли унци тІашаиб.</i>
	контакт опосредств.	<i>*Θ мура кадухибси унци тІашаиб Идрисли</i>	<i>*сунени мура кадухибси унци тІашаиб Идрисли</i>
ЗП внутри ГП	контакт непосредств.	<i>*Идрисли, Θ мура кадухибси унци тІашаиб.</i>	<i>Идрисли, суненира мура кадухибси, унци тІашаиб.</i>
	контакт опосредств.	<i>*Идрисли унци, Θ мура кадухибси, тІашаиб.</i>	<i>*Идрисли унци, суненира мура кадухибси, тІашаиб.</i>
ЗП следует за ГП	контакт непосредств.	<i>унци тІашаиб Идрисли, Θ мура кадухибси.</i>	<i>унци тІашаиб Идрисли, суненира мура кадухибси</i>
	контакт опосредств.	<i>*Идрисли унци тІашаиб, Θ мура кадухибси.</i>	<i>*Идрисли унци тІашаиб, суненира мура кадухибси</i>

Как можно судить по примерам, в данной группе предложений практически невозможны конструкции при опосредствованном контакте предиката зависимой части с кореферентным элементом. Также исключено сокращение кореферентного элемента в конструкции, где зависимая часть функционирует внутри главной, а контакт является непосредственным.

Кореферентный элемент в ГП - пациенс, в ЗП – пациенс. *Ө дурхІнани витибси Шарип Абакарли тухтурличи ваахъиб* «Абакар довел до врача Шарипа, которого избил сверстники»

		сокращение кореф. элемента	замена кореф. элемента на местоимение
ЗП предшествует ГП	контакт непосредств.	<i>Ө дурхІнани витибси Шарип Абакарли тухтурличи ваахъиб.</i>	<i>сай дурхІнани витибси Шарип Абакарли тухтурличи ваахъиб.</i>
	контакт опосредств.	<i>*Ө дурхІнани витибси Абакарли Шарип тухтурличи ваахъиб (вершина – Абакар).</i>	<i>*сай дурхІнани витибси Абакарли Шарип тухтурличи ваахъиб</i>
ЗП внутри ГП	контакт непосредств.	<i>Абакарли Ө дурхІнани витибси Шарип тухтурличи ваахъиб.</i>	<i>Абакарли сай дурхІнани витибси Шарип тухтурличи ваахъиб.</i>
	контакт опосредств.	<i>Абакарли тухтурличи Ө дурхІнани витибси ваахъиб Шарип</i>	<i>Абакарли тухтурличи сай дурхІнани витибси ваахъиб Шарип.</i>
ЗП следует за ГП	контакт непосредств.	<i>Абакарли тухтурличи ваахъиб Шарип, Ө дурхІнани витибси.</i>	<i>Абакарли тухтурличи ваахъиб Шарип, сайра дурхІнани витибси.</i>
	контакт опосредств.	<i>Абакарли Шарип тухтурличи ваахъиб, Ө дурхІнани витибси.</i>	<i>Абакарли Шарип тухтурличи ваахъиб, сайра дурхІнани витибси.</i>

Наибольшее число грамматически правильных конструкций отмечено в последней группе примеров, где кореферентными элементами как в составе главного, так и в составе зависимого предложений выступают два Пациенса. Неграмматичными являются предложения лишь во второй строке – не подвергаются сокращению и не замещается местоимением кореферентный элемент при функционировании зависимой части в препозиции и отсутствии прямого контакта с предикатом зависимой части.

Таким образом, судя по вышеприведенным таблицам, по рассматриваемой проблеме можно сделать следующие выводы. Сокращение кореферентного элемента и замена его на рефлексивное местоимение происходят всегда при непосредственном контакте данного элемента с предикатом зависимого предложения при функционировании зависимой части перед главной частью. Такая же картина наблюдается и при функционировании зависимой части после главной, за исключением случая, когда как в главной, так и в зависимой частях выступают два самостоятельных Агенса. Сокращение кореферентного элемента или замена его на местоимение невозможны во всех тех случаях, когда зависимая часть предшествует главной, но контакт анафорического элемента и предиката является опосредствованным.

В случаях, когда зависимая часть функционирует внутри главного предложения, при непосредственном контакте кореферентного элемента и предиката зависимой части всегда возможна замена данного элемента на местоимение; сокращение же его возможно при условии, что в главной и зависимой частях функционируют два самостоятельных пациенса. И, наконец, грамматичными являются конструкции, в которых зависимая часть следует за главной частью, контакт является опосредствованным, и оба кореферентных элемента выражены двумя самостоятельными пациенсами. Таким образом, чаще других грамматичными являются случаи сокращения и замещения кореферентной ИГ при функционировании в предложении пациенса.

Выявление в языках различных типов ограничений на использование той или иной конструкции, вызванные грамматическим запретом или чрезмерной нагрузкой на когнитивные системы, имеет важное значение в проведении как типологических, так и когнитивных исследований.

Библиографический список

1. Коряков Ю.Б. (2021) Даргинские языки и их классификация. Дурхъаси хазна // Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова. М.: Буки-Веди. С. 139-154.
2. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Дагучпедгиз, 194. 218 с.

3. Лютикова Е.А. Относительное предложение: Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари// / ред. А.Е.Кибрик; ред. К.И.Казенин, Е.А.Лютикова, С.Г.Татевосов. Москва: Наследие 2001. С. 461- 481.
4. Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971. 480 с.
5. Абдуллаев З.Г., Абдусаламов А.А., Мусаев М.-С.М., Темирбулатова С.М. Современный даргинский язык. Издательство ИЯЛИ ДНЦ РАН. Махачкала, 2014. 614 с.
6. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 805 с.
7. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icar Dargwa. München: LINCOM EUROPA. 2003. – 216 с.
8. Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. (2014) Даргинский говор селения Танта. Грамматический очерк // Вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры. 752 с.
9. Forker D. (2020) A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 628 p.
10. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) (2019).The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 366 p.
11. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
12. Муталов Р.О. Функционирование относительных предложений с непереходным глаголом в даргинском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Том 12, № 4. Махачкала, 2018. С. 92-95.

References

1. Koryakov Yu.B. (2021) Dargin languages and their classification. Durkhasi khazna // Collection of articles for the 60th anniversary of R.O. Mutalov. M.: Buki-Vedi. pp. 139-154.
2. Abdullaev S. N. Grammar of the Dargin language (phonetics and morphology). Makhachkala: Daguchpedgiz, 194. 218 p.
3. Lyutikova E.A. Relative sentence: Bagvalinsky language. Grammar. Texts. Dictionaries// / ed. A.E.Kibrik; ed. K.I.Kazenin, E.A.Lyutikova, S.G.Tatevosov. Moscow: Heritage 2001. pp. 461- 481.
4. Abdullaev Z.G. Essays on the syntax of the Dargin language. M., 1971. 480 p.
5. Abdullaev Z.G., Abdusalamov A.A., Musaev M.-S.M., Temirbulatova S.M. Modern Dargin language. Publishing house of IYALI DNC RAS. Makhachkala, 2014. 614 p.
6. Testelets Ya. G. Introduction to general syntax. M., 2001. 805 p.
7. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icar Dargwa. München: LINCOM EUROPA. 2003. – 216 p.
8. Sumbatova N.R., Lander Yu.A. (2014) Darginsky dialect of the village of Tanta. Grammatical essay // Questions of syntax. M.: Languages of Slavic culture. 752 pp .
9. Forker D. (2020) A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 628 p.
10. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) (2019).The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 366 p.
11. Kibrik A. E. Essays on general and applied issues of linguistics: universal, typical and specific in language. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1992. 336 p
12. Mutalov R.O. Functioning of relative sentences with an intransitive verb in the Darginsky language // Izvestiya Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities. Volume 12, No. 4. Makhachkala, 2018. pp. 92-95.

УДК 811.512.157

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.41.24.002

*Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики
Борисова Н.М.
Россия, г. Якутск, тел. +7(964) 446-85-01;
e-mail: borisovanm1963@mail.ru*

*North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov
Ph.D. in Philology,
Associate Professor of Journalism Department
Borisova N.M.
Russia, Yakutsk, tel. +7(964) 426-85-01
e-mail: borisovanm1963@mail.ru*

Н.М. Борисова

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ЯЗЫКА САХА В МЕДИАТЕКСТЕ (по материалам сайта «Якутия daily»)

В статье предпринята попытка описать функционирование экзотической лексики языка саха в медиатексте. Материалом исследования послужил русскоязычный сайт «Якутия daily». Мы выделили лексико-семантические группы, в которых экзотическая лексика в основном употребляется относительно мифологии и фольклора, утвари и блюд якутской кухни, якутских построек и жилищ, военного дела, национальных видов спорта, а также общественно-политической жизни. Целью данного исследования является выявление национальной специфики экзотизмов языка народа саха. Следует отметить, что экзотическая лексика языка саха не является экзотикой для сахаязычных массмедиа и, наоборот, для русскоязычных массмедиа эти лексемы будут экзотичными. В исследовании отмечается, что экзотическая лексика языка саха в массмедиа как особый тип лексем характеризуется номинативным характером, т.е. данные экзотизмы представляют с собой конкретные существительные. Кроме того, при переводе экзотизмов языка саха, как правило, сохраняется его внутреннее содержание. А внешняя форма лексики иногда подвержена изменениям, поскольку язык саха (тюркская группа) отличается по своей фонетике от русского языка (славянская группа). Это связано с тем, что в одном языке не может быть двух фонематических систем и других разных правил акцентологии. В целом, истинная сила народа заключается не столько в экономическом благополучии, сколько в сохранении национальных традиций, которые не повторяются не в одной другой стране мира, и использование журналистами экзотической лексики, естественно, было продиктовано практическими и повседневными потребностями. Нам кажется, что восприятие культуры и языка региона помогает разным народам жить в мире и согласии.

Ключевые слова: экзотическая лексика, русскоязычный сайт, мифология и фольклор, утварь и блюда якутской кухни, якутские постройки и жилище, военное дело, национальные виды спорта, общественно-политическая жизнь.

N.M. Borisova

EXOTIC VOCABULARY OF THE SAKHA LANGUAGE IN THE MEDIA TEXT (based on the materials of the Yakutia daily website)

The article attempts to describe the functioning of the exotic vocabulary of the Sakha language in the media text. The material for the study was the Russian-language website "Yakutia daily". We have identified lexico-semantic groups in which exotic vocabulary mainly refers to mythology and folklore, utensils and dishes of Yakut cuisine, Yakut buildings and dwellings, military affairs, national sports, as well as socio-political life. The purpose of this study is to identify the national specifics of the exotisms of the Sakha language. It should be noted that the exotic vocabulary of the Sakha language is not exotic for the Sakha-speaking media and, conversely, for the Russian-speaking media, these lexemes will be exotic. Thus, the exotic vocabulary of the Sakha language in the mass media as a special type of lexemes is characterized by a nominative character, i.e. these exotisms represent specific nouns. In addition, when translating exotisms of the Sakha language, as a rule, its internal content is preserved. And the external form of vocabulary is sometimes subject to changes, since the Sakha language (Turkic group) differs in its phonetics from the Russian language (Slavic group). This is due to the fact that there cannot be two phonemic systems and other different rules of accentology in one language. In general, the true strength of the people lies not so much in economic well-being as in pre-

servicing national traditions that will not be repeated in any other country in the world, and the use of exotic vocabulary by journalists was naturally dictated by practical and everyday needs. It seems to us that the perception of the culture and language of the region helps different peoples to live in peace and harmony.

Key words: exotic vocabulary, Russian-language website, mythology and folklore, utensils and dishes of Yakut cuisine, Yakut buildings and dwellings, military affairs, national sports, socio-political life.

Республика Саха (Якутия) (далее – РС (Я)) является крупнейшим административно-территориальным регионом России. Здесь живет один из коренных народов Сибири – саха. Их численность составляет 466,5 тыс. человек (49,9% от общей численности населения республики). Эти данные составляют 97,6% от общего числа якутов, проживающих в Российской Федерации [13]. Надо сказать, что народ саха долгое время жил в изоляции и на расстоянии от других этнических групп, что позволило им сохранить уникальную самобытную культуру. До прихода русских среди саха была распространена вера в три мира: верхний, срединный и нижний, а также почитание священных мест: гор, деревьев, рек. Здесь ежегодно отмечается в честь духов Айыы и возрождения природы национальный праздник Ысыах.

Сегодня в многонациональной РС (Я) современные достижения соседствуют с традициями, и благодаря, как нам кажется, такому почитанию своей культуры народу Саха удается сохранить ее и передать богатое наследие будущим поколениям. Соответственно, экзотическая лексика, отражающая реалии национальной картины мира, используется для информирования о национально-культурной специфике народа Саха в русскоязычных медиа региона. Такие экзотизмы не имеют точного эквивалента в языке получателя, поскольку они характеризуются ярко выраженным национальным колоритом и используются для придания речи особого (местного) колорита. Следует отметить, что данные лексемы языка саха не являются экзотикой для сахаязычных медиа.

Итак, в статье, посвященной исследованию экзотической лексики медиа, в частности, русскоязычного сайта «Якутия daily» (далее – ЯД), основное внимание было уделено выделению некоторых лексико-семантических групп.

1. Экзотическая лексика, связанная с мифологией и фольклором.

БАЙАНАЙ ‘Байанай’ – общее название духов леса, воды, покровительствующих охотничьим и рыболовным промыслам [11; с. 130]. *Старейшины улуса отметили, что дух-хозяин природы Байанай проявил благосклонность к сплотившимся в непростое время борьбы с коронавирусной инфекцией жителям* (ЯД 12:45 09.06.2020).

АБААҤЫ ‘абасы’ – чудовища, враждебные племени айыы и выступающие в сражения с богатырями светлого мира [10; с. 222]. *Когда в Верхневиллюйском народном театре ставили «Нюргуна Боотура Стремительного», его позвали на роль богатыря абасы* (ЯД 10:33 19.06.2022).

ИЧЧИ ‘иччи’ – особый ряд существ, пребывающих в определенных предметах и явлениях природы, духи-хозяева [12; с. 803]. *К слову, якутяне с опаской относятся к работе по восстановлению старинных домов. Бытуют легенды о духах иччи, мешающих работе* (ЯД 17:02 27.07.2021). *Якутский фильм «Иччи» вошел список лучших хорроров 2021 года* (ЯД 16:48 27.12.2021).

АЛҔЫС ‘алгыс’ – особые слова, обращенные к людям с пожеланием им добра; слова, произносимые по разным жизненным случаям с просьбой, мольбой о благополучном исходе, благопожелания [10; с. 412]. **АЛҔЫСЧЫТ** ‘алгысчылт’ – знаток нужных особых слов-благопожеланий, мастерски говорящий, поющий эти слова; тот, кто славится действенностью своих благопожеланий, признанностью своего доброжелательного красноречья [10; с. 413]. *Посвященный Ысыаху алгыс прозвучит в радиозфере* (ЯД 17:38 20.06.2021). *Известный алгысчылт Афанасий Федоров отмечает 80-летний юбилей* (ЯД 14:11 07.04.2021).

КЫЛЫҤАХ ‘кылысах’ – Звук, производимый хорошо натренированными ложными голосовыми связками певца, являющийся украшением мелодии якутской народной песни [2; с. 252]. *Ещё Мива три дня брала уроки по тойуку у Никандра Прокопьевича Тимофеева из Театра Олонхо, который сказал, что «у этой девочки есть кылысах»* (ЯД 13:07 10.02.2020).

ОЛОНХО ‘олонхо’ – якутский героический эпос. Описательная часть исполняется речитативом, а монологи героев олонхо поются [4; с. 260]. **ОЛОНХОҤУТ** ‘олонхосут’ – исполнитель олонхо [4; с. 260]. *Дом Олонхо открыли в Верхневиллюйском районе Якутии* (ЯД 20:47 20.06.2022). *Сертификат на 700 тысяч рублей вручили победителю конкурса олонхосутов в Якутии* (ЯД 21:57 21.06.2022).

ОҤУОХАЙ ‘осуохай’ – якутский национальный круговой танец, сопровождаемый хорovým пением – импровизацией участников (при этом все участники танца, взявшись за руки, вращаются в

круговом танце) [4; с. 359]. *Тысячи мужчин станцевали в Якутске осуохай в поддержку ВС РФ — фото, видео* (ЯД 19:27 22.04.2022).

ХОМУС ‘хомус’ – якутский народный музыкальный инструмент – варган [8; с. 567]. **ХОМУСЧУТ** ‘хомусист’ – игрок на хомусе [8; с. 567]. *Видео: флешмоб массовой игры на хомусе в Якутске с высоты птичьего полёта* (ЯД 14:08 16.06.2022). *III международный: как выбирали хомусистов-виртуозов мира* (ЯД 08:58 25.06.2022).

2. Экзотическая лексика, обозначающая утварь и блюда якутской кухни.

ЧОРООН ‘чорон’ – якутская национальная посуда: украшенный резными узорами деревянный кубок на одной или трех ножках для питья кумыса, который может иметь различные размеры [9; с. 193]. *Владимиру Жириновскому вручили памятный якутский чорон* (ЯД 23:24 18.12.2019).

КЫТЫЙА ‘кытыйа’ – деревянная долбленая чаша средней величины [2; с. 402]. *Выход в свет книги Иннокентия Потапова «Художественная резьба по дереву» «вернул» нам чороны, кытыйа и прочую утварь* (ЯД 16:32 14.03.2022).

КЫМЫС ‘кумыс’ – кисломолочный напиток из кобыльего молока [2; с. 261]. *Кумыс может стать брендом Якутии* (ЯД 15:02 04.07.2019).

КҮӨРЧЭХ ‘керчях’ – Взбитые мутовкой сливки [2; с. 67]. **САЛАМААТ** ‘саламат’ – густая каша особого приготовления из муки, сваренная на масле и разбавленная небольшим количеством воды [8; с. 173]. *На столе дымится свежееиспеченная якутская лепешка, только что взбитый керчях с ягодами, саламат* (ЯД 09:25 15.05.2020).

СУОРАТ ‘сорат’ – кисломолочный продукт, получаемый путем заквашивания кипяченого молока [6; с. 148]. *Хотя зачем гоняться за птичьим..., то есть оленьим молоком, родной сорат в помощь* (ЯД 18:00 16.11.2019).

3. Экзотическая лексика, обозначающая якутские постройки и жилище.

БАЛАҔАН ‘балаган’ – якутская юрта в виде усеченной пирамиды из тонких стоячих бревен, поставленных одно к другому и опирающихся на раму из бревен, укрепленную на четырех столбах [11; с. 149]. *Глава АЛРОСА отобедал в Сунтаре якутском балагане* (ЯД 23:09 07.10.2019).

САЙЫЛЫК ‘сайылык’ – летняя усадьба с пастбищем, летнее жилище, летник [5; с. 157]. *Репортаж: как в Якутии перегоняют скот в сайылыки* (ЯД 08:33 22.05.2022).

СЭРГЭ ‘сэргэ’ – в старину: устанавливаемый перед входом в дом, т.е. с восточной стороны, столб для привязывания лошадей, коновязь (в настоящее время эти коновязи, предназначенные для приема гостей, трансформировались в символ счастья и семейного благополучия, в символ якутского гостеприимства) [6 с. 588]. *Он со своим земляком Августом Михайловым сделал и установил сэргэ при поддержке администрации Наговского сельского поселения и постпредства Якутии* (ЯД 10:55 23.02.2020).

УРАҔА ‘ураса’ – старинное стационарное летнее жилище якутов и переносное – кочевых народов в виде высокого конического шалаша из наклонно поставленных длинных жердей, плотно оптянутых чем-л. (напр., пластинами бересты или шкурами) [7; с. 251]. *Арктический центр эпоса и искусств с высоты птичьего полета будет похож на алас (круглое поле или круглый луг в лесу) с тремя урасами* (ЯД 20:30 13.12.2019).

ХОТОН ‘хотон’ – специальное зимнее помещение для скота, хлев, коровник [8; с. 622]. *Во-первых, летом они отбирают выпасы у коров, которые зимой стоят в теплых хотонах* (ЯД 10:34 21.03.2020).

4. Экзотическая лексика, связанная с военным делом и национальными видами спорта.

БАТЫЙА ‘батыя’ – короткое охотничье копье, пальма: длина широкого и толстого ножа – около 30 см, древка – около 1,5 м. [11; с. 273]. *За ночь они должны выковать ножи из железной руды, а также батыя и ножицы* (ЯД 09:07 20.06.2022).

БООТУР ‘боотур’ – у древних якутов: человек с большой физической силы, обладающий также воинской выучкой, воин, витязь у древних якутов: человек с большой физической силы [11; с. 382]. *Сегодня из Якутии для участия в СВО выехал добровольческий отряд «Боотур»* (ЯД 12:19 28.07.2022).

КЫЛЫЫ ‘кылыы’ – прыжки в длину на одной ноге на десять-двенадцать метров [2; с. 255]. **КУОБАХ** ‘куобах’ – прыжки в длину на двенадцать метров на двух ногах вместе [1; с. 483]. **ЫСТАҔА** ‘ыстанга’ – вид якутской национальной спортивной игры: прыжки в длину на каждой ноге попеременно на двенадцать метров с завершающим прыжком на обе ноги [12; с. 515]. *В первый день*

соревнований спортсмены состязались в национальных прыжках «Үс төгүл үс» – три прыжка «кылыы» (на одной ноге), три прыжка «ыстанга» (с ноги на ногу), три прыжка «куобах» (на двух ногах), а также в якутской вертушке и перетягивании палки (ЯД 08:57 03.07.2021).

ХАПСАҒАЙ ‘хапсагай’ – якутский национальный вид борьбы: участники независимо от личного веса, должны стараться уронить противника; проигрывает тот, кто коснулся земли первым [8; с. 320]. *ХАБЫЛЫК* ‘хабылык’ – настольная игра у якутов: игрок берет в ладони какое-л. Количество палочек-лучинок длиной в двадцать сантиметров и, подбрасывая их вверх, ловит на тыльную, затем на внутреннюю сторону ладони, побеждает тот, кто поймает наибольшее количество лучинок (играют двое или более человек) [8; с. 164]. *ХААМЫСКА* ‘хаамыска’ – настольная игра “камешки”: играют пятью кубиками, один из которых имеет отметину... [8; с. 100]. *Борьба хансагай и якутские прыжки, национальная стрельба из лука и якутская вертушка, хабылык и хаамыска – все эти национальные виды спорта сохраняют актуальность и активно развиваются* (ЯД 11:07 23.04.2021).

МАС ТАРДЫҒЫЫ ‘мас-рестлинг’ – перетягивание палки: проигрывает тот, кто первым выпускает палку или тот, кого перетягивает на свою сторону противник [3; с. 242]. *Традиционное состязание якутских боотуров завоевывает популярность по всему миру: федерации мас-рестлинга есть уже в 50 странах* (ЯД 11:07 23.04.2021).

5. Экзотическая лексика, связанная с общественно-политической жизнью.

УЛУУС ‘улус’ – административная единица Якутии, улус, район [7; с. 138]. *Саранча угрожает полям семи сельскохозяйственных улусов Якутии* (ЯД 11:02 15.07.2022).

УРУЙ-АЙХАЛ ‘уруй-айхал’ – благословение и благопожелание [7; с. 259]. *Искренне желаю вам крепкого здоровья и неиссякаемой энергии, успехов и удачи во всех начинаниях, счастья и благополучия, мира и добра! Уруй-айхал!* (ЯД 08:51 27.04.2022). Сегодня восклицания «Уруй!», «Айхал!» используется как возглас, аналогично русскому «Слава!». Они могут употребляться поодиночке или как неразделимая устойчивая фраза в виде парного слова: уруй-айхал!

Таким образом, экзотическая лексика языка саха в массмедиа как особый тип лексем характеризуется номинативным характером, т.е. данные экзотизмы представляют с собой конкретные существительные. Кроме того, при переводе экзотизмов языка саха, как правило, сохраняется его внутреннее содержание. А внешняя форма лексики иногда подвергается изменениям, поскольку язык саха (тюркская группа) отличается по своей фонетике от русского языка (славянская группа). Это связано с тем, что в одном языке не может быть двух фонематических систем и других различных правил акцентологии.

Бытует мнение, что в эпоху глобализации трудно сохранить этническую культуру. Однако истинная сила народа заключается не столько в экономическом благополучии, сколько в сохранении национальных традиций, которые не повторяются не в одной другой стране мира, и использование журналистами экзотической лексики, естественно, было продиктовано практическими и повседневными потребностями. Нам кажется, понимание культуры и языка региона помогает разным народам жить в мире и согласии.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VII (буквы Њ, О, Ө, П) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VIII (буква С – сөллөбөр) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. IX (буква С: сөллөй – сээн, буква һ) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XII (буквы У, Ү) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIII (буква Х) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. 639 с.

9. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIV (буквы Ч, Ы) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.
10. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с. (Буква А).
11. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с. (Буква Б).
12. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).
13. Демографическая статистика: [Электронный ресурс] http://stat.sakha.gks.ru/interesno/files/07_16-20_demografija.pdf (Дата обращения: 28.07.2022).

References

1. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2007). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. IV. (Letter K). Novosibirsk, Nauka. 672 p. (In Yakut, in Russian).
2. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2008). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. V. (Letter K: kyølehis gyn – keechere). Novosibirsk, Nauka. 616 p. (In Yakut, in Russian).
3. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2009). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. VI. (Letters L, M, N). Novosibirsk, Nauka. 519 p. (In Yakut, in Russian).
4. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2010). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. VII. (Letters N', O, Ø, P). Novosibirsk, Nauka. 519 p. (In Yakut, in Russian).
5. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2011). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. VIII. (Letter S – sølløŕ). Novosibirsk, Nauka. 572 p. (In Yakut, in Russian).
6. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2012). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. IX. (Letter S søllej – seen, letter h). Novosibirsk, Nauka. 630 p. (In Yakut, in Russian).
7. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2015). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. XII (Letters U, Y). Novosibirsk, Nauka. 598 p. (In Yakut, in Russian).
8. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2016). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. XIII (Letters H). Novosibirsk, Nauka. 639 p. (In Yakut, in Russian).
9. A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yta: in 15 vols (2017). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. Vol. XIV (Letters CH, Y). Novosibirsk, Nauka. 592 p. (In Yakut, in Russian).
10. Explanatory Dictionary of the Yakut Language (2004). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. (Letter A). Novosibirsk, Nauka. 680 p. (In Yakut, in Russian).
11. Explanatory Dictionary of the Yakut Language (2005). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. (Letter B). Novosibirsk, Nauka. 912 p. (In Yakut, in Russian).
12. Explanatory Dictionary of the Yakut Language (2006). Pod obshch. red. P. A. Sleptsova. (Letters G, D, D', I). Novosibirsk, Nauka. 844 p. (In Yakut, in Russian).
13. Demographic statistics: [Electronic resource] http://stat.sakha.gks.ru/interesno/files/07_16-20_demografija.pdf (Accessed: 07/28/2022). (In Russian).

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.64.24.003

Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики

Голайденко Л.Н.

Россия, г. Уфа, тел. 89174270433

e-mail: lngolaydenko@gmail.com

магистрант

Сальников В.Б.

Россия, г. Уфа, тел. 89373047351

e-mail: asztlhjin@yandex.ru

Institute of Philological Education and Intercultural Communications of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

PhD, Associate Professor of the Chair of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics

Golaydenko L.N.

Russia, Ufa, phone number 89174270433

e-mail: lngolaydenko@gmail.com

undergraduate

Salnikov V.B.

Russia, Ufa, phone number 89373047351

e-mail: asztlhjin@yandex.ru

Л.Н. Голайденко, В.Б. Сальников

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РУССКОГО СЛОВА *ВПРАВЕ*

Настоящая статья посвящается проблеме частеречной принадлежности русского слова *вправе*. Актуальность данной проблемы обуславливается тем, что в современной русистике морфологический статус этой единицы определяется неоднозначно, отчего она остаётся своеобразной лакуной русской грамматики и до сих пор вызывает устойчивый исследовательский интерес. Целью статьи является, по возможности, точная частеречная квалификация слова *вправе*. Основными методами исследования выступают морфологический и синтаксический анализ соответствующей единицы в изолированном и контекстном употреблении при доминировании последнего, а также метод изучения лексикографических источников. Итог исследования – развёрнутая морфологическая характеристика слова *вправе* на материале текстов Национального корпуса русского языка (из основного корпуса текстов). Результаты исследования могут быть применены в лексикографической практике и в практике составления справочников современного русского языка, вузовских и школьных учебников и пособий, полезны при освоении русской морфологии в вузе и школе. Полученные результаты будут способствовать дальнейшему изучению спорных случаев в области частеречной принадлежности русских слов, многоаспектному анализу лексем неясного грамматического статуса, особенно лишённых словоизменения и формообразования. Проведённое исследование приводит к следующим выводам: во-первых, в современном русском литературном языке слово *вправе* – это несклоняемое относительное (качественно-относительное) имя прилагательное, которое имеет модальную семантику и выполняет преимущественно синтаксическую функцию сказуемого; во-вторых, вследствие усиления тяготения современной русской грамматики к аналитизму рассматриваемый феномен не является совершенно чуждым для русского языка.

Ключевые слова: слово *вправе*, морфология, аналитизм, морфологический статус, частеречная квалификация, критерии разграничения частей речи, омокомплекс, морфологический анализ, синтаксический анализ.

L.N. Golaydenko, V.B. Salnikov

MORPHOLOGICAL STATUS OF THE RUSSIAN WORD *VPRAVE*

This article is devoted to the problem of part-of-speech attribution of the Russian word *vprave* ‘to be entitle, to do rightly, to do justly’. The relevance of this problem is due to the fact that in modern Russian studies the morphological status of this unit is determined ambiguously, which is why it remains a kind of gap in Russian grammar and still arouses steady research interest. The purpose of the article is, if possible, the exact partial qualification of the word *vprave*. The main research methods are the morphological and syntactic analysis of the corresponding unit in isolated and contextual usage with the latter dominating, as well as the method of studying lexicographic sources. The result of the study is a detailed morphological characteristic of the word *vprave* on the material of the texts of the National Corpus of the Russian Language (from the main corpus of texts). The results of the study can be applied in

lexicographic practice and in the practice of compiling reference books of the modern Russian language, university and school textbooks and manuals, and are useful in mastering Russian morphology at a university and school. The results obtained will contribute to the further study of controversial cases in the field of part-of-speech attribution of Russian words, a multidimensional analysis of lexemes of unclear grammatical status, especially those devoid of inflection and form formation. The conducted research leads to the following conclusions: firstly, in the modern Russian literary language, the word *vprave* is an indeclinable relative (qualitative-relative) adjective, which has modal semantics and performs mainly the syntactic function of a predicate; secondly, due to the growing tendency of modern Russian grammar towards analyticism, the phenomenon under consideration is not completely alien to the Russian language.

Keywords: word *vprave*, morphology, analyticism, morphological status, part-of-speech qualification, criteria for delimiting parts of speech, omocomplex, morphological analysis, syntactical analysis.

Современный русский литературный язык, несмотря на определённые тенденции к аналитизму, продолжает сохранять особенности синтетического грамматического строя. С точки зрения морфологии как раздела грамматики это означает существенную важность морфологического критерия при определении частеречного статуса той или иной лексемы и, следовательно, при её морфологическом анализе. Вместе с тем в русском языке нередки такие случаи, когда установление частеречного статуса слова вне контекста (порой и в контексте) с опорой преимущественно на морфологические признаки является невозможным. Чаще всего подобные факты связаны с неизменяемыми лексемами (наречиями, неполнозначительными и служебными словами).

Например, вне контекста невозможно морфологически квалифицировать слова (функциональные омонимы) типа *холодно* (*Помещение было холодно* – имя прилагательное; *В помещении было холодно* – категория состояния; *Нас встретили холодно* – наречие); *больше* (*Этот дом больше нашего* – имя прилагательное; *Мы прошли ещё больше* – наречие; *Возьми больше денег* – неопределённо-количественное числительное); *это* (*Это море скоро высохнет* – словоформа местоимения *это*; *Как это нехорошо...* – субстантиват местоимения *это*; *Кто это пришёл?* – частица; *Москва – это столица России* – частица-связка; *Москва? Это столица России* и *Что Ноздрёв лгун отъявленный, это всем известно* – сложные синкретичные образования [1]) и т.п. Даже в заданном контексте не поддаются однозначной частеречной квалификации слова *хаки* (*Она надела брюки цвета хаки* – имя прилагательное (ср. *брюки пыльного цвета*) или имя существительное (ср. *брюки цвета пыли*), *хватит* (*Хватит гулять по ночам!* – частица (ср. *Не гулять по ночам!*) или глагол (ср. *Перестань гулять по ночам!*) и др.

Обычно частеречная квалификация в подобных случаях – в рамках омокомплексов – производится с помощью синтаксического критерия: *Помещение было холодно*; *В помещении было холодно*; *Нас встретили холодно*. Конечно, каждый лексико-грамматический разряд, даже не имея специфических показателей конкретной части речи (особых аффиксов, словоизменительной парадигмы и др.), непременно обладает особой, свойственной ему синтаксической функцией. Однако в русском языке существуют такие «демаркирующие» синтаксические позиции, в которых частеречная квалификация с опорой на синтаксические признаки становится затруднительной и порой невыполнимой. Яркий пример тому – постпозитивное определение: употребление в его позиции неизменяемого слова (не наречия) обуславливает невозможность однозначно утверждать, существительным или прилагательным является данное неизменяемое слово. Например, слово *хаки*, с одной стороны, обозначает непроцессуальный признак предмета и должно являться прилагательным, но, с другой стороны, в литературном языке оно почти не употребляется без слова *цвет* и потому гипотетически могло бы трактоваться как существительное (ср. *брюки цвета вишни*, *обои цвета оливы* и т.п.). Е.Н. Сидоренко подчеркивает: «Слова типа *бордо*, *хаки* могут быть омонимичными существительным и прилагательным, но <...> у нас недостаточно оснований говорить о переходе имён существительных *бордо* и под. в имена прилагательные» [2; с. 130].

Самая сильная «демаркирующая» синтаксическая позиция в русском языке – позиция сказуемого. Это объясняется в том числе тем, что сказуемое может включать в себя слова всех знаменательных (иногда некоторых неполнозначительных и служебных) частей речи: существительное – *Солнце является звездой*; прилагательное – *Твой сон был сладок*; числительное – *Книга на полке лежала всего одна*; местоимение – *Бонифатий – другой*; глагол – *Благомир читал книгу*; инфинитив – *...И царица хохотать...* [3], *Мне этого не перенести*; причастие – *Я встревожен вашим приходом*, *Разве вы – нашидшие эту книгу?*; категорию состояния – *Здесь душно*; наречие – *Мы дома!*; предлог – *Я против!*; междометие – *Прогулка была ой-ой-ой!*; звукоподражание – *И тут часы «бом-м-м!»*.

Отсюда слово любой части речи, употребляясь в функции сказуемого, утрачивает свои типичные синтаксические свойства, и его морфологическая квалификация в случае неизменяемости лексемы становится практически неосуществимой: *Прогулка была так себе* (Сочетание местоимений? Новое местоимение? Особое, неместоимённое образование?).

Нечто подобное наблюдается при функционировании русской лексемы *вправе*. Это неизменяемое слово, употребляемое исключительно в позиции сказуемого в двусоставных предложениях типа *Я **вправе** знать, что случилось; Серафима была **вправе** отказаться от замужества; Скоро мы будем **вправе** печататься в главной газете города* и т.п. Полное отсутствие какой-либо словоизменительной и формообразовательной парадигмы вкуче с единственно возможной синтаксической функцией сказуемого существенно затрудняют частеречную квалификацию лексемы *вправе*. Более того, названные факторы приводят многих исследователей к малообоснованным и не вполне корректным решениям относительно морфологического статуса данной единицы.

Рассмотрим, как представлена лексема *вправе* в русской лексикографии. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля это слово имеет значение «по праву, власти, властен; могу по совести, по закону» [4] и обозначается с точки зрения частеречной принадлежности как наречие. «Малый академический словарь» А.П. Евгеньевой приводит два омонима *вправе*: один со значением «имеет право, имеет основания» (*Есть чувства в человеческой душе, Которыми она гордится **вправе***) [5], другой (с пометой *устар.*) со значением «справа» (*Пугачев, оставя Оренбург **вправе**, пошел к Сакмарскому городку* [5]); оба квалифицированы морфологически как наречия. «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой указывает, что слово *вправе* употребляется, когда речь идёт «о наличии у кого-л. права, основания на что-л.» [6], и характеризует данную единицу как «предикатив» [6]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова приводится значение «имеет право» [7; с. 127] и даётся только синтаксическая характеристика этого слова: «*в знач. сказ., с неопр.*» [7; с. 127] (то есть оно употребляется только в позиции сказуемого и в сочетании с инфинитивом). «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова [8] содержит практически идентичную характеристику лексемы *вправе*. В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова [9] имеется почти то же лексикографическое описание, но *вправе* вновь определяется как наречие.

«Морфемно-орфографический словарь» А.Н. Тихонова [10] предлагает морфемный разбор слова *вправе* как состоящего из префикса, корня и суффикса, а также традиционно указывает, что данная лексема является наречием. В Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) [3] и в различных справочных интернет-ресурсах эта лексема квалифицируется как «предикатив».

Весьма интересна частеречная трактовка в «Словаре синонимов русского языка» В.Н. Тришина [11]: слово *вправе* (к которому приводятся, помимо прочих, синонимы *может* и *можно*) характеризуется как наречие, однако сочетание *был вправе* определяется как имя прилагательное. К сожалению, не совсем понятно, из каких принципов при частеречной квалификации исходил автор словаря, поскольку в качестве имён прилагательных в данном лексикографическом источнике также указываются сочетания *был впереди* и *был водителем*. Возможно, морфологический разбор осуществлялся автоматической компьютерной программой.

Таким образом, в словарях лексема *вправе* представлена как единица, которая имеет модальное значение возможности, разрешённости, допустимости и т.п., выполняет синтаксическую функцию сказуемого, употребляется с инфинитивом и морфологически является наречием или «предикативом». В русском языке прошлых эпох *вправе* рассматривалось как омокомплекс, включающий в свой состав «наречие»-«предикатив» (*Мы* (Что говорится о предмете речи?) *вправе посещать этот парк*) и собственно наречие места (*Этот парк находился (где?) **вправе***). В современном русском литературном языке наречие *вправе* полностью вытеснено наречием *справа* с аналогичной семантикой, и потому с синхронической точки зрения *вправе* больше не является омокомплексом (например, в словаре Ю.Н. Гребеневой [12]).

Если с семантической и синтаксической характеристиками лексемы *вправе* в лексикографических источниках можно полностью согласиться, то приведённая в них же морфологическая квалификация вызывает большое сомнение. Во-первых, *вправе*, если не говорить о его архаичном омониме, не обладает ни одним признаком наречия (кроме неизменяемости, которая вследствие наличия также у неполнознаменательных и служебных слов не может считаться характерным признаком именно наречий): оно не обозначает «непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства» [13; с. 701] и вообще не способно «зависеть от глагола <...>, прилагательного <...>, другого наречия <...>, существительного <...> или от предложения в це-

лом <...> и выполнять функцию обстоятельства» [14; с. 257]. Иными словами, *вправе* никогда не выступает в речи в качестве наречия и, следовательно, таковым не является.

Термин «предикатив» весьма неопределён. В морфологии предикативами называются или слова категории состояния ([14], [15], [16]; например, «ПРЕДИКАТИВ (категория состояния), слово, обозначающее физическое или психическое состояние живого существа, окружающей среды, характеристику действия, нередко с модальной окраской и выражением оценки» [15]), или слова особой части речи, сочетающие в себе свойства глаголов и прилагательных: «В китайском языке различаются имя, предикатив (глагол, прилагательное)...» [17]. Предикатив во втором значении в русском языке отсутствует вследствие синтетизма русской грамматики и чёткой формальной разграниченности русских глаголов и прилагательных. Что касается предикатива – категории состояния, то *вправе* действительно очень похоже на безлично-предикативное слово: оно имеет семантику модальности (ср. *Мы вправе посещать институт* = *Мы можем посещать институт* = *Нам можно посещать институт*) и употребляется со связкой и инфинитивом только в функции сказуемого (ср. *Мы вправе были посещать институт*; *Нам холодно было сидеть внизу*; *Фламину страшно было сказать нам о случившемся*). Однако в предложениях с категориями состояния невозможно подлежащее (нельзя сказать **Я холодно было сидеть внизу*), в то время как в предложениях с *вправе* подлежащее не только возможно, но и необходимо (нельзя сказать **Нам вправе было посещать институт*). Так как сказуемое с *вправе* употребляется исключительно с подлежащим и используется синтетической системой русского языка, слово *вправе* не является предикативом ни в каком из представленных значений этого термина: ни категорией состояния, ни единицей, аналогичной китайским словам 白 (*bái* ‘белый’, ‘белеть’) и 爱 (*ài* ‘любить’, ‘любимый’, ‘любовь’).

Чтобы дать исследуемой лексеме более корректную частеречную квалификацию, необходимо провести её полный морфологический анализ. Для этого обратимся к критериям разграничения частей речи, указанным в работах Е.Н. Сидоренко: знаменательность / незнаменательность, способ выражения действительности, категориальное значение, морфологический, синтаксический, словообразовательный [2]. В рамках морфологического анализа примеры речевого употребления слова *вправе* взяты нами из НКРЯ.

С точки зрения знаменательности / незнаменательности лексема *вправе* является знаменательной, так как обладает конкретной лексической семантикой (‘мочь, иметь право’): *...Раз юридически отцу исполняется сто лет 11-го, то вправе ли сыновья юбиляра вносить коррективы?* [3]. Рассматриваемая единица не выполняет сугубо грамматических функций и потому не является союзом, предлогом или частицей.

Способ отражения действительности словом *вправе* – номинация, поскольку *вправе* называет конкретное явление объективной реальности (модальную характеристику – хотя модальная оценка является объективной только в человеческом представлении, с позиций антропоцентризма): *Теперь Кеплер вправе сказать, что постиг Вселенную <...>* [3]. Данная лексема не характеризуется прономинальностью и поэтому не является местоимением.

Категориальное значение *вправе*, что явственно вытекает из приведённых в толковых словарях лексических значений этого слова, – модальный предикативный признак предмета речи: *На это время он вправе отключить себя от системы циркуляции БД...* [3] (ср. *На это время он может // имет право отключить себя от системы...*, то есть отключение от системы циркуляции БД с помощью предиката *вправе* предстаёт как действие возможное, разрешённое, допустимое). Как утверждают Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов [18], общая лингвистическая категория модальности может выражаться специальными лексическими средствами: вводно-модальными словами, модальными глаголами, существительными, прилагательными и наречиями. Кроме того, модальное значение могут иметь и категории состояния. Отсюда слово *вправе*, в силу своего категориального значения, не может быть числительным, междометием и звукоподражанием.

С собственно морфологической точки зрения лексема *вправе* характеризуется полной неизменяемостью – отсутствием форм числа, рода падежа, лица и т.д. Это означает, что данная единица не может определяться как глагол (в том числе и как глагольная форма: причастие, деепричастие, инфинитив), поскольку все русские глаголы способны к словоизменению и формообразованию и обладают рядом формальных показателей. Однако НКРЯ содержит немногочисленные примеры сочетаемости *вправе* со словами *более* (5 случаев), *не менее* (1 случай) и *менее всего* (1 случай): *...Мы вправе отложить перо – еще более вправе читатель отложить роман* [3]; *Но я сделал что мог и чувствую*

*себя более **вправе**, чем Пилат, «умыть руки»...* [3]; *Если б я рассказал жизнь Феденьки <...>, я думаю, что читатель **был бы более вправе** упрекнуть меня в искажении...* [3]; *При Вас я **бы считал себя более вправе** на то...* [3]; *Да не в тысячу ли раз она **более вправе** упрекать вас в скудости и развращенности чувства?* [3]; *Если вы считаете нужным исследовать природу моей жажды, то я **не менее вправе определять** причину вашей сытости* [3]; *Ты **всего менее вправе** употреблять се *malencontreux* «ттрах»* [3]. Учитывая неактуальность большей части употреблений *вправе* с данными единицами, крайне малое количество случаев (семь) на весь НКРЯ, а также широту синтагматических связей слов *более* и *менее*, было бы не совсем верно утверждать, что слово *вправе* имеет парадигму аналитических степеней сравнения (отметим, что сочетания типа *наиболее / наименее вправе* и *более всего вправе* в НКРЯ не зафиксированы вообще).

Наиболее яркими особенностями лексемы *вправе* являются синтаксические. Как отмечается в толковых словарях, *вправе* употребляется исключительно в функции сказуемого (почти всегда в сочетании с инфинитивом), что уже исключает морфологическую трактовку данной единицы как модального слова или наречия, поскольку модальные слова и наречия обязательно способны употребляться как вводные компоненты и обстоятельства соответственно. Хотя модальные слова и наречия могут занимать позицию сказуемого („Ты выйдешь погулять?” – „Я – **возможно**”; Дверь **была настезь**), основная их синтаксическая функция – функция вводного компонента (Я, **возможно**, выйду погулять) и обстоятельства (Дверь была открыта **настезь**; Кто открыл дверь **настезь**?).

Предложения со словом *вправе* почти всегда двусоставные, с обязательным наличием подлежащего, что не позволяет квалифицировать *вправе* как категорию состояния. Односоставные предложения с *вправе* также возможны, например, обстоятельственные придаточные цели (пример см. ниже), но, во-первых, не существует главных предикативных частей в сложноподчинённых предложениях или простых односоставных предложениях с лексемой *вправе*, а во-вторых, в таких предложениях связка приобретает форму инфинитива, в то время как связка при категории состояния никогда не употребляется в форме инфинитива. Следовательно, даже в подобных редких случаях употребления без подлежащего слово *вправе* не становится категорией состояния.

Выделим основные модели сказуемого с *вправе* в его структуре:

1) *вправе* + отвлечённая связка *быть* (в форме изъявительного наклонения прошедшего, настоящего и будущего времени, сослагательного наклонения, инфинитива) + инфинитив полнозначного глагола (как совершенного, так и несовершенного вида). *Но это вовсе не значит, что <...> родители могут считать свою миссию выполненной и **вправе** полностью **переложить** ответственность на учителя* [3]; *... Что он лишь безразличный атом, который не только **не вправе**, но и **не властен обладать** поглотившим его миром* [3]; *Однако Митя знал, что на большее <...> он теперь **надеяться был не вправе**: раз назвался питерским писателем, полезай в свой кузов навсегда* [3]; *В этом случае <...> постаревшая мать **вправе будет ожидать** от дочери не только <...> благодарности, но и жалости* [3]; *... То **не будут ли вправе** тогда представители этих религий **прийти и громить** НАШИХ храмы?* [3]; *Приступая к анализу расположения лунных кратеров, мы **вправе** были бы **ожидать**, что на западной стороне Луны <...> их будет больше...* [3];

2) *вправе* + знаменательный глагол в функции связки (как правило, (по)считать, чувствовать, найти, ощутить, называть) + возвратное местоимение *себя* в форме винительного падежа + основная часть (выраженная инфинитивом полнозначного глагола, реже прилагательным, существительным или падежной формой существительного с предлогом на). *...Всего, что узнала <...>, сказать не могу, да и не надо, поскольку **не считаю себя вправе** ни «унижать» истину, ни «возвышать» обманом* [3]; *Конгресс <...> назвал это происшествие «незаконным актом, проведенным людьми, считающими себя **вправе** скрытно от всех решать судьбу документов»...* [3]; *Не считая себя **вправе** торговаться в теперешнее <...> самочувствие Владимира Осиповича, я написал в книгу...* [3]; *... Отец отечества **не нашёл себя вправе** выжечь либерализм сынов отечества* [3]; *... Он с предубеждением относился к клоунде, но сейчас **ощутил себя вправе** пойти на смешение жанров* [3]; *Эти оперативники были постарше <...> лет на пять-семь, следовательно <...>, **чувствовали себя вправе** быть **высокомерными и грубыми** с молодым сыщиком...* [3]; *Япония **вправе** называть себя Страной восходящей солнечной энергетики* [3]; *По отношению к сестре Клара **чувствовала себя** вполне **вправе** на эту поездку* [3];

Вызывают интерес два представленных употребления *вправе* в структуре определения и обстоятельства. Эти факты могли бы мотивировать тезис о том, что *вправе* может выполнять также и другие синтаксические функции, кроме сказуемого. Однако указанные функции обуславливаются не особенностями самого слова *вправе*, а причастной и деепричастной формами знаменательного глаго-

ла. Здесь наблюдаются не типичные определение и обстоятельство, а полупредикативные обороты, варианты сворачивания предикации. Следовательно, в данных оборотах *вправе* не утрачивает своего предикативного значения полностью, а возникающие вследствие преобразования формы связочного глагола другие синтаксические функции не влияют на частеречный статус данного слова.

3) модальный глагол + отвлечённая связка *быть* в форме инфинитива + *вправе* + инфинитив полнозначного глагола. *Он сказал, что рад вступить в ТОИВ, но хочет быть вправе когда угодно из него выйти* [3];

4) *вправе* + отвлечённая связка *быть* + сочетание инфинитива *быть* и страдательного причастия прошедшего времени (аналогичного инфинитиву в форме страдательного залога). *Более того, эта книга вправе быть названа предвестницей нового стиля...* [3];

5) *вправе* + отвлечённая связка *быть* в форме инфинитива + инфинитив полнозначного глагола (такая конструкция встречается только в придаточных предложениях с союзами *чтобы*, *для того чтобы* и др.). *Чтобы быть вправе говорить о предметах, о которых впервые было писано на греческом и латинском языках, мать моя овладела этими языками...* [3].

Из приведённых моделей сказуемых самыми частотными и наиболее распространёнными в современном русском литературном языке являются первая (*вправе* + сор + inf), особенно с глаголом-связкой в форме изъявительного наклонения настоящего времени, и вторая (*вправе* + V_r-сор + себя + Inf). Очевидно, что *вправе* всегда входит в структуру сложного сказуемого смешанного типа (или же в структуру полупредикативного оборота, полученного путём преобразования форм связочного глагола из аналогичного сказуемого) в качестве именной связки с модальным значением.

На основании первых пяти критериев разграничения частей речи можно предположить, что слово *вправе* является либо существительным, либо прилагательным. Учитывая синтаксические особенности данной лексемы, сложно признать *вправе* существительным: во-первых, оно никогда не выполняет функцию подлежащего или дополнения; во-вторых, в русском языке уже имеется омофон – предложно-падежная форма существительного *в праве*, но её употребление в предложениях принципиально иное (ср. *Я вправе читать эту книгу* и *Я сомневаюсь в праве читать эту книгу*, а также *Читать эту книгу – не в моём праве*; из НКРЯ: *В моем праве сейчас встряхнуть всю эту улицу* [3]).

Если существительные в подобной синтаксической позиции в русском языке не употребляются, то для прилагательных с модальным / оценочным значением типа *рад*, *должен*, *обязан* и др. эта позиция является типичной: синтаксически тождественными являются конструкции *Я вправе был читать эту книгу*; *Я рад был читать эту книгу*; *Я должен был читать эту книгу*; *Я обязан был читать эту книгу*. Так же, как и *вправе*, данные прилагательные употребляются исключительно в функции сказуемого (довольно часто – сложного смешанного типа) и почти всегда используются в двусоставных предложениях. Сопоставляя предложения со словом *вправе* и с данными модальными / оценочными прилагательными, а также учитывая всё вышеизложенное, можно сделать вывод, что слово *вправе* с точки зрения морфологии целесообразно квалифицировать как имя прилагательное (предикативное, функционирующее только как предикат, а не атрибут).

Рассмотрим данную лексему в рамках последнего, словообразовательного критерия. Возможны два варианта словообразовательного разбора *вправе*:

1) прилагательное *вправе* образовано от существительного *право* (*Я вправе сидеть тут = Я имею право сидеть тут*) при одновременном присоединении префикса *в-* и суффикса *-е-* (ср. образование наречия *справа*), способ словообразования – морфологический, префиксально-суффиксальный;

2) прилагательное *вправе* образовано от предложно-падежной формы *в праве* (*Я вправе сидеть тут ≈ Я нахожусь в праве сидеть тут*) с фиксированным порядком следования компонентов (ср. образование слова *навыкате*), способ словообразования – неморфологический, лексико-синтаксический.

Вероятен и третий вариант разбора: *вправе* ‘может’ (имя прилагательное) от *вправе* ‘справа’ (наречие), способ образования – неморфологический, морфолого-синтаксический. Однако такому разбору препятствует совершенно разная семантика как производных слов, так и производящих.

Оба способа словообразования характерны для имён прилагательных (*приморский*, *вышеперечисленный*), хотя в данном случае словообразовательный критерий не играет существенной роли в определении частеречного статуса исследуемой единицы.

Полный анализ по всем дифференцирующим критериям показывает, что слово *вправе* является именем прилагательным. Другие трактовки морфологического статуса *вправе* происходят из «де-

маркирующей» постоянной позиции сказуемого (причём сложного смешанного типа) и полной неизменяемости, поскольку *вправе* относится к группе так называемых несклоняемых (иначе – неизменяемых, аналитических) прилагательных. Большую часть несклоняемых именных образований в русском языке составляют заимствования, что также усиливает трудность морфологического анализа лексемы *вправе*, однако «встречаются и исконно русские аналитические прилагательные» [19; с. 88], следовательно, этимология данной единицы не влияет на её морфологический статус. Языковеды-русисты, говоря о несклоняемых прилагательных, отмечают, что «в современном русском языке их количество неизменно увеличивается в соответствии с тенденцией к аналитизму» [19; с. 88–89]. Действительно, помимо *вправе*, имеются слова наподобие *замужем* (*Она замужем за сторожем; У меня есть подруга замужем*) и *навыкате* (*Его глаза навыкате меня пугали; Глаза Сергея были навыкате*), которые в современной речи функционируют исключительно как имена прилагательные, обозначая непроцессуальный признак предмета и выполняя синтаксическую функцию определения или сказуемого. Очень часто употребляются как прилагательные и приближаются к переходу в прилагательные наречия *навеселе, настороже, наготове, начеку, навыпуск* и др. Многие из них имеют морфемную структуру, схожую со структурой лексемы *вправе* (префикс-корень-суффикс), и образованы сходным словообразовательным способом, хотя их образование лексико-синтаксическим способом происходило ещё на момент их функционирования в качестве наречий (ср. *Она сидела* (где?) *за му-жем* → *Она жила* (каким образом?) *за мужем*, префиксально-суффиксальный или лексико-синтаксический способ → *Она* (что говорится о предмете речи?) *была замужем*, морфолого-синтаксический способ). Следовательно, слово *вправе* не представляет собой уникального явления в русской языковой системе, его статус соотносится со статусом аналогичных единиц, и факт квалификации несклоняемого слова как имени прилагательного уже не считается чем-то чуждым или противоестественным для русского языка.

В завершение анализа попытаемся определить лексико-грамматический разряд прилагательного *вправе*. Поскольку данное слово обозначает модальный непроцессуальный признак предмета (не признак по принадлежности некоему лицу) и в его структуре отсутствуют суффиксы *-ов-* (*-ев-*), *-ин-* (*-ын-*) и *-ий-*, можно предположить, что это прилагательное не притяжательное, а качественное или относительное.

Е.Н. Сидоренко выделяет такие признаки разрядов прилагательных [2]:

1) качественные: наличие степеней сравнения, полных и кратких форм, форм субъективной оценки, особых суффиксов (*-ов-*, *-лив-*, *-ист-* и др.), возможность сочетания с наречиями меры и степени, словообразовательная непроизводность (иногда), возможность образования от них наречий с суффиксами *-о-* (*-е-*), *-и-* и отвлечённых существительных;

2) относительные: отсутствие всех признаков качественных прилагательных, синонимия с именами существительными (иногда).

В.Н. Мусатов добавляет к приведённым признакам следующие [20]:

1) качественные: способность образовывать антонимические пары с другими качественными прилагательными, способность управлять зависимым словом;

2) относительные: производная основа.

Рассмотрим прилагательное *вправе* в аспекте наличия / отсутствия указанных признаков. Слово *вправе* не имеет степеней сравнения (исключения единичны: *...я бы считал себя **более** вправе на то...* [3]) и иных грамматических форм, не содержит суффиксов «качественности», не может сочетаться с наречиями меры и степени (исключения редки: *По аналогии с двигательными клетками <...>, мы **вполне** вправе предположить, что и все <...> клетки не настолько поражены...* [3]), обладает производной основой, не способно быть производящей базой, не образует антонимическую пару той же части речи, крайне редко управляет существительными с предлогом *на* (типа *Он вправе на этот поступок*) и имеет синонимичное существительное *право* (ср. *Мы **вправе** тут гулять* и *Мы **имеем** право тут гулять*). Из этого следует, что прилагательное *вправе* является относительным, крайне редко выступающим в речи как качественное (в предложениях типа *Я вправе на выходной; Но я **более** вправе на отдых* и *Они **вполне** вправе утверждать это*).

Таким образом, морфологический статус слова *вправе* – несклоняемое относительное (качественно-относительное) прилагательное. Его употребление синтаксически ограничивается позицией именного модального компонента в составе сложного сказуемого смешанного типа (или аналогичного полупредикативного оборота). Исследование этого неоднозначного по своим грамматическим особенностям слова показывает и подтверждает следующее:

- 1) современный русский литературный язык действительно тяготеет к аналитизму в морфологии, что выражается в наличии и пополнении класса неизменяемых слов в составе частей речи, обычно характеризующихся ярко выраженным словоизменением;
- 2) вследствие роста аналитизма частеречная квалификация слова обязательно должна совершаться с учётом широкого и многоаспектного применения синтаксического критерия;
- 3) традиционная практика неаргументированного – инерционного – отнесения всех морфологически неопределённых неизменяющихся лексем к классу наречий является неэффективной.

Библиографический список

1. Бабайцева В.В. Местоимение *это* и его функциональные омонимы: монография. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 168 с.
2. Сидоренко Е.Н. Морфология современного русского языка. Части речи и контаминанты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 368 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения – 30.04.2022).
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal> (дата обращения – 23.04.2022).
5. Евгеньева А.П. Малый академический словарь. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas> (дата обращения – 23.04.2022).
6. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (дата обращения – 23.04.2022).
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. 1376 с.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov> (дата обращения – 23.04.2022).
9. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения – 23.04.2022).
10. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. URL: <http://www.slovorod.ru/der-tikhonov/tihv.htm> (дата обращения – 23.04.2022).
11. Тришин В.Н. Словарь синонимов русского языка. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения – 23.04.2022).
12. Гребенева Ю.Н. Словарь омонимов и омоформ русского языка. М.: Айрис-пресс, 2008. 352 с. (От А до Я).
13. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.
14. Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.
15. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3174975> (дата обращения – 27.04.2022).
16. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения – 23.04.2022).
17. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/578b.html> (дата обращения – 27.04.2022).
18. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов: В 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
19. Русский язык: Морфология: учебник для вузов / Под ред. Г.Г. Инфантовой. М.: Академический Проект, 2010. 351 с.
20. Мусатов В.Н. Русский язык: Морфология: учебник. М.: ФЛИНТА, 2019. 464 с.

References

1. Babaytseva V.V. Pronoun *eto* and its functional homonyms: monograph. 3rd ed., ster. M.: FLINTA: Nauka, 2016. 168 p.
2. Sidorenko E.N. Morphology of the modern Russian language. Parts of speech and contaminants: tutorial. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 368 p.
3. National corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (date of application – 30.04.2022).
4. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal> (date of application – 23.04.2022).
5. Yevgenyeva A.P. Small academic dictionary. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas> (date of application – 23.04.2022).

6. Yefremova T.F. New explanatory and derivational dictionary of the Russian language. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (date of application – 23.04.2022).
7. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions / Ed. L.I. Skvortsova. 24th ed., rev. M.: ONIKS-LIT, Mir i Obrazovaniye, 2012. 1376 p.
8. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the Russian language. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov> (date of application – 23.04.2022).
9. Kuznetsov S.A. Great Dictionary of Russian language. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (date of application – 23.04.2022).
10. Tihonov A.N. Morphemic spelling dictionary. URL: <http://www.slovorod.ru/der-tikhonov/tih-v.htm> (date of application – 23.04.2022).
11. Trishin V.N. Dictionary of synonyms of the Russian language. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (date of application – 23.04.2022).
12. Grebeneva Y.N. Dictionary of homonyms and homoforms of the Russian language. M.: Iris-press, 2008. 352 p. (From A to Ya).
13. Russian grammar: In 2 vols. Vol. 1: Phonetics. Phonology. stress. Intonation. Word formation. Morphology / Ch. ed. N.Y. Shvedova. M.: Nauka, 1980. 789 p.
14. Russian language: encyclopedia / Ch. ed. Y.N. Karaulov. 2nd ed., revised. and additional M.: Great Russian Encyclopedia; Drofa, 1997. 703 p.
15. Great Russian Encyclopedia. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3174975> (date of application – 27.04.2022).
16. Russian corpus grammar. URL: <http://rusgram.ru> (date of application – 23.04.2022).
17. Linguistic encyclopedic dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/578b.html> (date of application – 27.04.2022).
18. Shanskiy N.M., Tihonov A.N. Modern Russian language. A textbook for students ped. in-ts: At 3 parts. Part 2: Word formation. Morphology. 2nd ed., rev. and additional. M.: Obrazovaniye, 1987. 256 p.
19. Russian language: Morphology: A textbook for universities / Ed. G.G. Infantova. M.: Akademicheskij Proyekt, 2010. 351 p.
20. Musatov V.N. Russian language: Morphology: textbook. M.: FLINTA, 2019. 464 p.

УДК 81.242

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.41.98.004

*Дальневосточный Федеральный Университет
старший преподаватель
кафедры китаеведения ВИ-ШРМИ
Бахтина Е.В.
Россия, г. Владивосток
тел. +79025066627
e-mail: bakhtina.ev@dyfu.ru*

*Far Eastern Federal University
The Oriental Institute – School of Regional and
International Researches
The chair of Chinese studies
Senior lecture of
Bakhtina E.V.
Russia, Vladivostok +79025066627
e-mail: bakhtina.ev@dyfu.ru*

Е.В. Бахтина

ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (COVID-19)

Лингвистические исследования показали, что многие люди обладают склонностью к языковой игре, а именно к такому явлению, как лингвокреативность. В период пандемии коронавирусной инфекции во всех языках стало появляться большое число неологизмов, некоторые из которых были наделены признаками языковой игры, выдающими новые ассоциативные поля, и именно данные языковые единицы стали предметом исследования в данной работе. В настоящее время данная лексика представляет большой интерес для исследователя. Можно выделить слова, которые стали использоваться в исходном языке и проникли в другие. Исследование и сопоставление таких языковых единиц позволяет выявить закономерности и причины их появления в языке. На наш взгляд, некоторые неологизмы китайского языка созданы для того, чтобы привлечь внимание к проблеме борьбы с коронавирусной инфекцией. Кроме того, следует сказать, что в некоторых случаях лингвокреативность оказала отрицательное влияние на отдельный бренд и финансовую стабильность компании в целом, тогда как некоторые предприимчивые граждане воспользовались неблагоприятными эпидемиологическими условиями и с помощью лингвокреативности сумели использовать ситуацию для привлечения внимания к своему товару, и как следствие, продвижению своего дела. При написании статьи были выбраны языковые единицы, которые появились в английском и китайском языках в период пандемии и, по нашему мнению, оказали определенное влияние на культуру в целом. Статьи, используемые при написании работы находятся в открытом доступе сети Интернет. Важно отметить, что неологизмы в период пандемии COVID -19 появляются стремительно, некоторые получают широкое использование в повседневной жизни людей, но поскольку борьба с вирусом еще не окончена, то новая лексика будет появляться и представлять не меньший интерес исследователей.

Ключевые слова: лингвокреативность, неологизмы, коронавирус, пандемия, китайский язык.

E.V. Bakhtina

FEATURES OF NEOLOGISMS OF THE CHINESE LANGUAGE DURING THE CORONAVIRUS (COVID-19) PANDEMIC

Linguistic research has shown that many people have a tendency to language play, namely to such a phenomenon as linguistic creativity. During the coronavirus pandemic, a large number of neologisms began to appear in all languages, some of them were endowed with signs of language play, issuing new associative fields, it was these language units that became the subject of research in this work. Currently, this vocabulary is of great interest to the study. It is possible to distinguish words that began to be used in the original language and penetrated into others. The study and comparison of such language units makes it possible to identify patterns and reasons for their appearance in the language. In our opinion, some neologisms of the Chinese language are created in order to draw attention to the problem of combating coronavirus infection. In our opinion, some neologisms of the Chinese language are created in order to draw attention to the problem of combating coronavirus infection. In addition, it is worth saying that in some cases linguistic creativity had a negative impact on a certain brand or the financial stability of a company in general, while some enterprising citizens took advantage of unfavorable epidemiological conditions and linguistic creativity managed to use the

situation to attract attention to their product, and as a result, promote their business. Writing this article, we chose language units that appeared in English and Chinese during the pandemic and, in our opinion, had a certain impact on the culture as a whole. Articles used in writing a work are in the public domain of the Internet. It is worth noting that neologisms during the COVID-19 pandemic appear rapidly, some are widely used in people's daily lives, but since the struggle with the virus is not yet over, new vocabulary will appear, and as a result will be of interest to researchers.

Key words: linguistic creativity, neologisms, coronavirus, pandemic, Chinese language.

В данной статье рассматриваются неологизмы, возникшие в период пандемии COVID-19, обладающие признаками лингвокреативности, в основном использующиеся для привлечения к проблемной зоне и имеющие цель воздействовать на людей, призвать выполнять или не выполнять определенные действия в условиях пандемии коронавируса. Лингвистическую креативность в данной статье мы определяем согласно формулировкам А.В. Галкина [1, с. 163] и В.Б. Базилевич [2, с. 20] «как способность использовать оригинальные, нестандартные стилистические приемы и средства выражения мысли»; кроме того, в данной работе также даны примеры лингвистической инновации. Под лингвистической инновацией мы понимаем определением Е.М. Александровой: «Новую речевую единицу, созданную при помощи использования нестандартных способов применения ресурсов языка и речи, для того чтобы реализовать/замаскировать новую идею с целью достижения определенного эффекта» [3; 7]. Приведем также определение Е.А. Энгель: «Лингвокреативность является способностью создавать что-то новое, нестандартное в языке с помощью языка» [4, с. 1161].

Материалом для данной работы послужили статьи на китайском языке различных направлений, находящиеся на открытых электронных ресурсах.

Целью данной работы является изучение лингвистических инноваций, а также способов их появления в китайском языке в период пандемии коронавирусной инфекции. Данная цель определяет следующие задачи: выявить особенности влияния лингвистического креатива на определенные проблемы в период пандемии для их решения; выявить основные способы создания языкового креатива в китайском языке.

В данной работе неологизмы соответствуют следующему утверждению: «新词语包括两种形式:一种是以往汉语中没有的,新时期里随着新生事物、新概念、新制度的产生而产生的词语;一种是以往汉语中有的,但是在新时期的语言交际中增加了新的义项,并且该义项以较高的频率被使用的词语» (xīn cí yǔ bāo kuò liǎng zhǒng xíng shì : yì zhǒng shì yǐ wǎng hàn yǔ zhōng méi yǒu de , xīn shí qī lǐ suí zhe xīn shēng shì wù 、 xīn gài niàn 、 xīn zhì dù de chǎn shēng ér chǎn shēng de cí yǔ ; yì zhǒng shì yǐ wǎng hàn yǔ zhōng yǒu de , dàn shì zài xīn shí qī de yǔ yán jiāo jì zhōng zēng jiā le xīn de yì xiàng , bìng qiè gāi yì xiàng yǐ jiào gāo de pín lǜ bèi shǐ yòng de cí yǔ) [5, с. 5]. Неологизмы включают две группы слов: в первую группу входят слова, ранее не имевшиеся в китайском языке, а появившиеся в течение недавнего времени в след за возникновением новых предметов действительности, новых концепций и т.д.; во вторую — слова, издавна существовавшие в китайском языке, но в последнее время в процессе языкового общения получившие новые значения, и с достаточной частотой употребляющиеся в этих новых значениях [5, с. 536].

М.С. Тихомирова отмечает, что «важнейшим проявлением лингвокреативности является языковая игра. Под данным термином могут пониматься языковые явления разного рода, когда говорящий «играет» с формами и содержанием речи, когда форма речи получает эстетическое задание, например, шутка, острота, каламбур, различные виды тропов. Лингвокреативность – это способность индивида создавать новые слова, словосочетания» [6, с. 149]. В современном китайском языке языковая игра нередко строится на омонимии. Большинство лингвистов считают, что формой лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на выполнение определенной функции, является языковая игра.

Например, выражение 防疫不要逆時鐘 fáng yì bú yào nì shí zhōng берёт своё начало на Тайване в самом начале распространения коронавирусной инфекции. В этом выражении имя ставшего известным министра здравоохранения 陳時中 chén shí zhōng Чэнь Шичжуна, на наш взгляд, используется в качестве социальной рекламы. Выражение на китайском языке записывается следующими иероглифами: 防疫不要逆時鐘-衛福部長 陳時中 fáng yì bú yào nì shí zhōng - fú bù chén shí zhōng «в борьбе с пандемией главное - не упустить время (министр здравоохранения Тайваня Чэнь Шичжун)» [8].

В последующем данная фраза приобрела следующий вид:

據傳政府高層最近流傳一句話，「防疫要順時鐘（時中），不要逆時鐘（時中）」，就是對他專業的最大肯定 jù chuán zhèng fǔ gāo céng zuì jìn liú chuán yí jù huà , 「 fáng yì yào shùn shí zhōng (zhōng) , bú yào nì shí zhōng (zhōng) 」 , jiù shì duì tā zhuān yè de zuì dà kěn dìng, а компонент 順時中 shùn shí zhōng рассматривают как возможный товарный знак [8].

На наш взгляд, наиболее точный перевод омонимии в данном выражении удалось передать авторам работы «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) А.В. Савченко, Лай Янь-Цзюнь «防疫不要逆時中 Fángyì bù yào nì shí zhōng «профилактика эпидемии не должна идти против Ши Чжуана»[9].

Во время пандемии в Китае вышла серия работ, освещающая экономическое положение известного во всем мире товарного знака «Корона». Как утверждают китайские электронные СМИ, долгое время пиво марки «Корона» занимало на рынке лидирующие позиции, начиная еще с 1925 года. Однако распространение одноименного вируса не прошло незаметно для бренда. Согласно данным, предоставленным поисковой системой Google, в первые дни вспышки новой коронавирусной инфекции многие пользователи по всему миру стали искать в Интернете связь между пивом и распространением инфекции; многие заявляли, что болезнь начинается после употребления одноименного пива [11].

Следует отметить, что на китайском языке название пива корона затранскрибировано, поэтому для китайцев не существует прямой взаимосвязи между названием бренда и вируса.

Название, которое ранее ассоциировалось у европейцев с определенным удовольствием стало вызывать страх и недоумение. Так, 25 февраля компания «Corona America» разместила в Твиттере не совсем удачный рекламный слоган четырех новых продуктов «coming ashore soon», который в переводе на русский язык звучит «корона скоро выйдет на берег». Многие пользователи увидели в этом угрозу [11].

Таким образом, можно говорить о том, что в период особенно остро стоящих проблем лингвистический креатив может оказать противоположный эффект. «За счёт оригинального использования языка и самовыражения говорящие могут насыщать текст новыми смыслами, в этом случае межъязыковая игра может выступать средством создания новых смыслов, ассоциативных связей между смыслами слов» [3, с. 151].

Для того, чтобы продемонстрировать последствия беспечного поведения одного гражданина, в период пандемии появилось и стремительно распространилось выражение, основанное на оригинальности языка - 晉江毒王 jìn jiāng dú wáng «Король вирусов из Цзиньцзяна». Данное словосочетание появилось в контексте того, что один гражданин вернулся в свой город Цзиньцзян из Уханя, при этом подал ложные данные, что не был в Ухане, а вернулся из Таиланда. После возвращения молодой человек побывал на свадьбе, где пообщался со всеми присутствующими. Приблизительно 3000 человек были контактными, и «благодаря» действиям «короля вирусов» им был причинён значительный вред и ущерб.

Термин 毒王 dú wáng «король вирусов» означает стремительное распространение заразной инфекции. С появлением коронавирусной инфекции данное выражение используется по отношению к людям, которые являются бессимптомным носителем болезни. Вследствие их активных контактов происходит стремительное распространение инфекции среди большого количества людей. При заражении бесконтактным больным более десяти человек в Китае используют термин 毒王 dú wáng «король вирусов» [12].

С необходимостью ношения масок связан следующий неологизм китайского языка: 口罩混蛋 kǒu zhào hún dàn. Данное выражение образовано путем сложения двух основ: «口罩 kǒu zhào маска» и «混蛋 hún dàn подлец, сволочь». Данное словосочетание стало использоваться в период пандемии, например: «新冠肺炎期间不戴口罩的混蛋 xīn guān fèi yán qī jiān bú dài kǒu zhào de hún dàn ублюдок без маски в период пандемии». В сочетании с выражением 口罩洞 kǒu zhào dòng mask+hole «безмасочный туннель» приобрело значение «не будь подлецом без маски, прикрой лицо» [12].

Появилась социальная реклама с призывами бороться с коронавирусом, которая звучала как 不要当不戴口罩的白痴 bù yào dāng bú dài kǒu zhào de bái chī – «не будь идиотом, надень маску», а

также мем, на котором изображался осел, также в данном контексте появилось выражение 防疫猪队友 fǎng yì zhū duì yǒu «противоэпидемический горе-напарник», дословный перевод «противоэпидемические свиньи - товарищи».

Этим словам противопоставлено следующее выражение 药袋哥 yào dài gē «брат-аптечка/ аптечный брат». Это выражение обозначает людей, которые в разгар пандемии объезжали (в том числе на велосипедах) людей всех близлежащих окрестностей, доставляя им необходимые лекарства.

Стремительное распространение ранее неизвестного по последствиям вируса, отсутствие лекарства для борьбы с данной болезнью требовали новых, ранее невиданных действий. Практически во всех странах люди столкнулись с проблемой недостатка больничных мест, в ногу со временем полевые госпитали были заменены быстровозводимыми модульными больницами. В Китае в городе Ухань начали возведение 方舱医院 fāng cāng yī yuàn «модульных больниц». Одну из первых построенных в Ухане модульных больниц назвали 生命的方舟 shēng mìng de fāng zhōu «ковчег жизни». Несмотря на то, что данное название использовалось ранее (например, так назывался одноименный фильм, снятый в 2017 году в Пекине, и литературное произведение Виктора Вана (2013 г.) и не является неологизмом, на наш взгляд, оно является примером лингвистического креатива, который использовался для того, чтобы для жителей Китая название этого госпиталя дало новую веру в стабилизацию ситуации с заболевшими, веру в их выздоровление, в то, что человек и его жизнь очень важны и правительство сделает всё возможное ради заботы о своих гражданах.

Особое место в жизни всех людей планеты стали играть защитные медицинские маски. В Китае стали популярны маски «N95 口罩» kǒuzhào «маска профессионального уровня; маска-респиратор защитная», где 口罩 kǒuzhào «маска на рот и нос» от 口 kǒu «рот» + 罩 zhào «колпак, чехол; капот, кожух, крышка, щиток», а № 95 соответствует американскому стандарту FDA N95. Она состоит из 5 слоев, благодаря чему способна задерживать 95% всевозможных частиц. Дословный перевод: «маска № 95». Поскольку пандемия случилась перед началом празднования нового года, праздника прихода весны, то предприимчивые продавцы придумали следующую рекламу: «2020年最受欢迎的新年礼物! 没有之一送亲人! 送爱人! 送兄弟! 送姐妹! 如果您有的话最好是N95型口罩请送给那个你最爱的人! 各位大过年的, 没啥送的, 我给大伙包个口罩!» «2020 nián zuì shòu huān yíng de xīn nián lǐ wù ! méi yǒu zhī yī sòng qīn rén ! sòng ài rén ! sòng xiōng dì ! sòng jiě mèi ! gú guǒ nín yǒu de huà zuì hǎo shì N95 xíng kǒu zhào qǐng sòng gěi nà gè nǐ zuì ài de rén ! gè wèi dà guò nián de , méi shá sòng de , wǒ gěi dà huǒ bāo gè kǒu zhào ! » «Самый желанный подарок 2020 года! Подари близким! Подари любимому! Братьям и сестрам! Вместо 1000 слов - маска № 95, для самых любимых! Дарите маски всем и каждому!»

В самый разгар пандемии первой женщиной, о которой заговорил весь мир, стала 陈薇 Chén Wēi. С этим именем связано новое словосочетание 她力量 tā lì liàng «её сила», выражение используется по отношению к женскому полу, который, невзирая на трудности, готов на самопожертвование в борьбе за общее дело.

Вторым словом, которое стали использовать по отношению к женскому полу, это 飒 sà. До 2020 года данный иероглиф использовался как звукоподражание свисту ветра: «свистеть; шелестеть (например, о листве деревьев); вихрь, сильный ветер». Однако во время пандемии оно приобрело значение «восхвалять женщин» [12].

Сделаем выводы. В разгар пандемии лингвистический креатив использовали для донесения следующих идей:

- о необходимости четко следовать разработанным рекомендациям;
- ценности человека и человеческой жизни;
- роли каждого в борьбе за общее дело;
- роли женщин и женского труда в борьбе с коронавирусной инфекцией.

Вопрос использования лингвокреатива в период борьбы с коронавирусной инфекцией касается также социальной рекламы, средств массовой информации. Благодаря такого рода неологизмам удавалось привлечь к насущным проблемам внимание большого количества людей, что сыграло немаловажную роль в борьбе с пандемией.

Библиографический список

1. Галкина А.В. Педагогические условия развития лингвистической креативности в переводческой деятельности студентов // Вестник ТГУ 2011. № 12 (104). С. 131-136.
2. Базилевич В.Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 8 (50), ч. III. С. 20-22.
3. Александрова Е.М. Развитие лингвистической креативности: техники формирования идей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 6–14.
4. Энгель Е.А. Проявление авторской лингвокреативности в современном тексте (на материале русского комикса «Бесобой») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1160–1168.
5. 刁宴斌、盛继艳. 近 10 年新词语研究述评 // 辽宁师范大学学报, 2003 年, 第 1 期, 4–10 页
6. Тихомирова М.С. Переключения кодов в интернет-мемах как проявление лингвокреативности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №5(80). С. 148–153.
7. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1996. 225 с.
8. 防疫不要逆時鐘---衛福部長 陳時中 <https://today.line.me/tw/v2/article/mmlxp2>
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
10. Савченко А.В. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) / А.В. Савченко, Лай Янь-Цзюнь // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 865-886.
11. 与新冠病毒“重名”，这款墨西哥“国民啤酒”宣布暂停生产 URL: <https://finance.ifeng.com/c/7vPqvoIGkG0>
12. 自学英语
由新冠病毒(coronavirus)产生的英语新词 <https://new.qq.com/omn/20211009/20211009A04IJ500.html>
13. Словарь новой жизни. URL: <https://rg.ru/2020/06/25/kitajskij-iazyk-obogatilsia-novymi-terminami-vremen-pandemii.html>

References

1. Galkina A. V. Pedagogical conditions for the development of linguistic creativity in the translation activity of students // Bulletin of TGU. 2011. Vol. 12 (104). P. 131-136.
2. Bazilevich V. B. Language game as a form manifestation of linguistic creative//Philological sciences. Problems of theory and practice:in 3 part/ Part III/ Tambov: Gramota,2015. No.8 (50). P/ 20-22.
3. Aleksandrova E. M. Developing linguistic creativity: ideation techniques. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. Vol. 2. P. 6–14.
4. Engel E. A. Manifestation of the author's lingvocreavity in a modern text (on the material of the Russian comics "Bedom") // Vestnik Kemerovogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. Vol. 22. Iss. 4. P. 1160–1168.
5. 刁宴斌、盛继艳. 近 10 年新词语研究述评 // 辽宁师范大学学报, 2003 年, 第 1 期, 4–10 页.
6. Tichomirova M.S. Code switches in internet memes as linguistic creativity manifestation. Bulletin of the Cherepovets State University. 2017. Vol. 5 (80). P. 148-153.
7. Gridina T. A. Language game: stereotype and creativity. Ekaterinburg: Urals State Ped. University, 1996. 214 pp.
8. 防疫不要逆時鐘---衛福部長 陳時中 <https://today.line.me/tw/v2/article/mmlxp2>
9. Sannikov V.Z. Russian language in the mirror of the language game. M.: Languages of Slavic culture., 2002. 552 p.
10. Savchenko A. V., Lai Yen-Chun «Coronaviral neologisms»: from vocabulary and phraseology to Internet memes (on the material of the Russian and Chinese languages). / A. V. Savchenko, // Communication Studies (Russia), Vol.7, № 4. pp. 865–886. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886. <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirusnye-neologizmy-ot-leksiki-i-frazeologii-k-internet-memam-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-yazykov/viewer>
11. 与新冠病毒“重名”，这款墨西哥“国民啤酒”宣布暂停生产... URL: <https://finance.ifeng.com/c/7vPqvoIGkG0>
12. 自学英语
由新冠病毒(coronavirus)产生的英语新词 <https://new.qq.com/omn/20211009/20211009A04IJ500.html>
13. Dictionary of New Life. URL: <https://rg.ru/2020/06/25/kitajskij-iazyk-obogatilsia-novymi-terminami-vremen-pandemii.html>

УДК 8.81'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.42.41.005

Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Кольцова Л.М.
Россия, г. Воронеж,
тел. +79038545881
e-mail: kolzowa@mail.ru

Voronezh State University
Doctor of Philology,
Professor of departments
of the Russian language
Koltsova L.M.
Russia, Voronezh,
tel. +79038545881
e-mail: kolzowa@mail.ru

Аспирант кафедры русского языка
Кубышкин И.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7 (903) 851-08-13
e-mail: ivan.kubyshkin696@gmail.com

Postgraduate student of the department of the
Russian language
Kubyshkin I. A.
Russia, Voronezh,
tel. +7 (903) 851-08-13
e-mail: ivan.kubyshkin696@gmail.com

Л.М. Кольцова, И.А. Кубышкин

ВИДЫ И ФУНКЦИИ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию экспрессии, создаваемой различными сегментированными конструкциями на синтаксическом уровне русского языка в рамках политического дискурса. Экспрессия на уровне синтаксиса рассматривалась ещё в работах В.В. Виноградова, в которых была отмечена такая особенность некоторых языковых структур как «раскрошенность» повествования. С понятием «раскрошенности» повествования тесно связан такой экспрессивно-стилистический приём как сегментация, представляющий собой структурно оформленное членение высказывания на коммуникативно значимые элементы, при котором происходит разрушение структуры предложения. Сегментация является следствием нарушения синтагматических цепочек словоформ, связанных между собой морфологическими показателями синтаксических связей русского языка. Кроме того, важно отметить, что сегментация является одним из способов выражения актуального членения высказывания, поскольку с её помощью происходит очень чёткое противопоставление темы и ремы. В рамках данного исследования рассматриваются различные виды усечённых и парцелированных структур на примерах устных и письменных политических текстов – выступлений политиков, программных речей, лозунгов, текстов предвыборных кампаний и т.п. Цель исследования – выяснить, какие типы сегментированных конструкций позволяют политикам увеличить число компонентов высказывания, несущих в себе коммуникативно важную информацию, а также проиллюстрировать прагматическую функцию синтаксических средств в русском политическом дискурсе. Актуальность статьи определяется главным образом сильным суггестивным воздействием политических текстов, как устных, так и письменных. В ходе исследования выяснилось, что в рамках русского политического дискурса можно выделить различные типы сегментированных синтаксических конструкций, таких как парцелляция, инверсия, употребление лексического повтора, вопросно-ответные конструкции и др. В статье отмечено, что все эти синтаксические явления служат для создания экспрессии и дают возможность для различных политических фигур и партий создать определённый имидж, влияющий на успех или неуспех на политической арене.

Ключевые слова: русский синтаксис, экспрессивность, сегмент, политический дискурс, парцелированные конструкции.

L.M. Koltsova, I.A. Kubyshkin

TYPES AND FUNCTIONS OF SEGMENTED SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

This article is devoted to the study of expression created by various segmented constructions at the syntactic level.

el of the Russian language within the framework of political discourse. Expression at the level of syntax was considered in the works of V.V. Vinogradov, in which such a feature of some linguistic structures as the “crumbledness” of the narrative was noted. Such an expressive and stylistic technique as segmentation is closely related to the concept of “crushing” of the narrative, which is a structurally formed division of the statement into communicatively significant elements, in which the structure of the sentence is destroyed. Segmentation is a consequence of the violation of syntagmatic chains of word forms, interconnected by morphological indicators of the syntactic links of the Russian language. In addition, it is important to note that segmentation is one of the ways of expressing the actual articulation of the statement, because with its help there is a very clear opposition between the topic and the rheme. Within the framework of this study, various types of truncated and packaged structures are considered on the examples of oral and written political texts - politicians' speeches, keynote speeches, slogans, election campaign texts, etc. The purpose of the study is to find out what types of segmented constructions allow politicians to increase the number of utterance components that carry communicatively important information, as well as to illustrate the pragmatic function of syntactic means in Russian political discourse. The relevance of the article is determined mainly by the strong suggestive influence of political texts, both oral and written. In the course of the study, it turned out that within the framework of Russian political discourse, various types of segmented syntactic constructions can be distinguished, such as parcellation, inversion, lexical repetition, question-answer constructions, etc. This article notes that all these syntactic phenomena serve to create expression and provide an opportunity for various political figures and parties to create a certain image that affects the success or failure in the political arena.

Key words: Russian syntax, expressiveness, segment, political discourse, parcel constructions.

Понятие экспрессивности занимает важное место в лингвистике и рассматривается с разных точек зрения. Интерес к проблеме экспрессивности, как отмечают современные исследователи, «объясняется вниманием к языковой личности, а точнее, к описанию языка как средства обнаружения и вместе с тем воздействия на языковую личность, её поведение и внутреннюю духовную деятельность». [1; с. 161].

Экспрессия может быть применима как к языку вообще, так и к различным его уровням в частности. На лексическом уровне рассмотрение понятия экспрессии приводит к выявлению разного рода схожих понятий: экспрессивное, эмоциональное, оценочное и т.д. Если же обратиться к синтаксическому уровню, то из этих понятий актуальным остаётся только термин «экспрессивный» и так называемый экспрессивный синтаксис прежде всего понимается как стилистически отмеченный. Стоит отметить, что изучение явлений экспрессивного синтаксиса в политическом дискурсе позволяет лучше понять позицию того или иного политического деятеля, раскрыть коммуникативные тактики и стратегии его публичных выступлений. Это особенно важно в силу того, что политический дискурс, как справедливо замечает А.М. Сайфулинова, «направлен на внушение адресатам - гражданам - необходимости каких-то определённых шагов. Его целью является убеждение и побуждение к действию» [1; с. 162].

Важное направление в понимании экспрессивного синтаксиса связывается с описанием некоторых синтаксических явлений в русском языке, например, в трудах В.В. Виноградова, посвящённых языку Пушкина. В работе «Стиль «Пиковой дамы»» В.В. Виноградов выделяет объектные и субъектные синтаксические формы. Вторые связаны со структурой предложения, которое часто разрывается, образуя так называемую синтаксическую «раскрошенность» повествования, локуны которой заполняются экспрессивными намёками. Именно так В.В. Виноградов объясняет явление, которое позже получило название «присоединительные конструкции» [2]. Понятие синтаксической экспрессии сводится В.В. Виноградовым к намеренному использованию присоединительных и инверсивных конструкций. Идеи В.В. Виноградова, трактующие экспрессивное в синтаксисе как специальный приём, сопровождаемый конструктивными изменениями, были развиты в работах Е.А. Иванчиковой, А.П. Сковородникова, К.А. Роговой, Г.Н. Акимовой и др. Одним из ярких экспрессивно-стилистических приёмов в синтаксисе является сегментация – такое структурно оформленное членение высказывания на коммуникативно значимые элементы, при котором происходит разрушение структуры предложения. Этот термин отсылает нас к той самой «раскрошенности» синтаксиса, о которой писал В.В. Виноградов. Сегментация является следствием нарушения синтагматических цепочек словоформ, связанных между собой морфологическими показателями синтаксических связей русского языка. Кроме того, важно отметить, что сегментация является одним из способов репрезентации актуального членения высказывания, то есть такого распределения информации, согласно словарю А.М. Ломова, при котором происходит разделение лексико-грамматических элементов на тему и рему, где «тема представляет собой исходную точку (основу) высказывания, которая мыслится извест-

ной слушателю. Рема, наоборот, является коммуникативным ядром высказывания, те. тем новым, ради чего высказывание состоялось» [3; с.10].

Стоит сказать, что набор сегментированных экспрессивных конструкций в политическом дискурсе пока что не является окончательно установленным, к тому же, как отмечает Г.Н. Акимова, эти конструкции «образуют открытый ряд» [4]. Например, А.П. Сковородников выделяет особые типизированные конструкции, обусловленные стилевыми, жанровыми или композиционными особенностями текста (экспрессивные пунктуационные приёмы, явления синтаксической неполноты, усечения, парцелляции, лексического повтора и т.д.) [5, с. 17-18]. Основой для всех перечисленных выше типов сегментированных экспрессивных конструкций А. П. Сковородников считает противопоставление экономных и избыточных структур. Например, усечённые конструкции как экономные противопоставляются конструкциям с лексическим повтором как избыточным [5]. Эта идея противопоставления дополняет мысль о синтагматической расчлененности («раскрошенности») синтаксиса. Существуют и другие классификации типов экспрессивных сегментированных конструкций, однако в данной статье мы рассмотрим некоторые совпадающие у ряда исследователей и наиболее общие типы подобных синтаксических элементов.

Сегментированные синтаксические конструкции могут рассматриваться как расчленённые структуры, в которых сегмент обозначает актуальное для адресанта понятие, а основная часть содержит в себе высказывание по поводу указанного в сегменте понятия.

А.П. Сковородников выделял следующие формально-грамматические признаки этой конструкции: а) сегмент обычно выражает формой имени существительного в именительном падеже или в форме инфинитива; б) в базовой части присутствует кореллят, замещающий сегмент (напр. местоимения, лексический повтор и т.д.); в) пауза между сегментом и базовой частью может быть оформлена различными пунктуационными способами в зависимости от интонирования и конкретного экспрессивно-модельного значения. Например: «**Проектная же работа, она другая. Вот эта проектная работа, она всё-таки направлена на то, чтобы собрать эти части в единую цепочку, и разрыв между решениями, которые принимаются, допустим, Советом по реализации нацпроектов нашим президиумом, и уже воплощением этих решений, допустим, в нормативные акты, сократить до очень короткого периода...**» (Д. А. Медведев) [6]. Как правило, базовая часть является ремой, а сегмент – темой. Тем не менее Сковородников отмечает, что в публицистике и в художественной литературе могут встречаться сегментированные синтаксические конструкции, которые не в полной мере соответствуют описанным характеристикам [5; с. 283-284].

Парцеллированные конструкции представляют собой разделение единой синтаксической структуры предложения, при котором она реализуется не в одной, а в нескольких фразах, в силу чего создаётся новый релативный центр. Парцелляция соотносится с динамическим аспектом предложения, а также подразумевает вычленение частей высказывания в самостоятельное предложение в целях создания экспрессии. Например, такие примеры были найдены в агитационных листовках: «**Строим для жизни. Для людей**» (Партия «Единая Россия») [6], «**...Значит все в наших руках – именно мы должны осенью выбрать таких депутатов, которые изменят законы и систему так, чтобы детство наших детей было действительно счастливым и безоблачным. И безопасным**» (Партия «КПРФ») [7].

Экспрессивный эффект в политических текстах создают и вопросно-ответные конструкции, сущность которых заключается в том, что некий субъект задаёт вопрос и сам же даёт на него ответ. А.П. Сковородников отмечает, что «вопросно-ответный ход, использованный в письменном повествовательном тексте, обладает большими выразительными возможностями: он расчленяет текст, придает ему эмоциональность, способствует более тесному контакту с читателями» [5; с. 83]. Примеры: «**На что жить? К чему стремиться? Выход есть!**» (Партия «КПРФ») [7]; «**Надоели гнилые овощи? Голосуй за «Яблоко»!**» (Партия «Яблоко») [8]; «**Что для меня важно? Переговоры должны проходить там, именно в Трёхсторонней контактной группе, потому что это Минские договорённости. К этому мы идём, для того чтобы это стало возможно**» (В.В. Путин) [9].

Также в рамках исследования сегментированных конструкций заслуживают отдельного внимания построения, содержащие лексический повтор с синтаксическим распространением. Сущность этих конструкций заключается в повторении в одной синтаксической модели однокоренных слов или сочетаний. Например: «**Я видел войну. Война – тяжелое и грязное дело. Хуже, чем политика. Поэтому, давайте займемся политикой. Чтобы не пришлось заниматься войной**»; «**Пора менять курс. Пора разворачиваться к социализму**» (предвыборные кампании КПРФ) [7]; «**Вы знаете, это не имело никакого личного измерения, должен прямо сказать. Я никогда в своей работе за многие**

годы не переходил на личности, это не имело, повторяю ещё раз, **никакого личного измерения**»; «Не раз говорил, что этот проект – это чисто коммерческий проект, и **никакой политики, никакой политической окраски здесь нет**» (В.В. Путин) [9].

Яркий экспрессивный эффект политическим текстам, как устным, так и письменным, придают сегментированные конструкции с инверсией. Такой тип синтаксических конструкций представляет собой перестановку членов предложения в порядке, нарушающем их обычное расположение. Считается, что восприятие письменной речи ориентировано на высказывания типа «тема - рема», поэтому инверсия темы и ремы делает высказывание носителем экспрессивно значимым. Например, «*России нужна как воздух убедительная победа народа*» (Партия «КПРФ») [7]; *Мы убеждены, что наша страна обладает колоссальным потенциалом – природным, культурным, историческим. От готовности реализовать этот потенциал в новом, открытом, прозрачном мире без границ будет зависеть место России на карте мира – экономической и политической. Каким оно будет – зависит от нас.* (Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» «Уважение к человеку», 2016 год) [8].

Важно также отметить, что при создании экспрессивного эффекта синтаксических структур важной является связь с лексической семантикой. Обычно сегментированные конструкции описываются только на конструктивном уровне, однако при рассмотрении лексического состава также можно обнаружить определённые интересные детали. Например, конструкции лексического повтора с синтаксическим распространением свидетельствуют, что при повторе имён существительных, наиболее частотных в этом виде сегментированных конструкций, чаще всего отмечаются лексико-семантические группы чувства, эмоционального состояния или эмоционального отношения. Приведем несколько примеров: «*Хватит **болтовни** про импортозамещение. Для нашей страны **стыдно** занимать 95-е место по уровню развития экономики. **Стыдно** иметь 16 процентов обрабатывающей промышленности в структуре ВВП. Её долю предстоит поднять до 70–80 процентов. В той же Германии эта доля — 83 процента*». (Десять шагов к достойной жизни. Предвыборная программа КПРФ — 2016. Пресс-служба ЦК КПРФ) [7]; «*Денис Валентинович упомянул сейчас о борьбе с пандемией – **не к ночи будет помянута** эта пандемия, – но мы недавно на совещании по реализации национальных проектов говорили о проектах в сфере медицины*» (В. В. Путин) [9]; «*В условиях санкций, **неадекватных**, я бы сказал, решений **бывших** наших западных партнёров – именно **бывших**, потому что они отказываются с нами работать, – откровенного политического давления на коммерческие компании сфера воздушных перевозок оказалась под ударом*» (В.В. Путин) [9]. При повторах глаголов, прилагательных и безлично-предикативных слов преимущественно употребляется лексика, связанная с семантической сферой «человек» [10, с. 59-62]. Характерно, что с точки зрения лексической семантики сама эта лексика вряд ли относится к экспрессивной, но, преобладавая в соответствующих синтаксических структурах, она «работает» - на синтаксическую экспрессию.

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из самых ярких приёмов экспрессивного синтаксиса в политическом дискурсе является сегментация, основная функция которой проявляется в выделении темы высказывания, что напрямую связано с понятием актуального членения. В ходе анализа выяснилось, что различные сегментированные конструкции позволяют политикам увеличить число компонентов высказывания, несущих в себе коммуникативно важную информацию, что особенно важно в свете сильного суггестивного воздействия политической речи. Следовательно, синтаксические средства в политическом дискурсе, кроме обеспечения структурной целостности и смысловой связности, выполняют также и прагматическую функцию, выражая экспрессивность политической речи.

Библиографический список

1. Сайфулинова А.М., Привалова Ю.В. Особенности передачи экспрессивности при переводе текстов политического дискурса // Библиография. - 2013. – С.7.
2. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Москва, 1980.
3. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. / Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. — 400 с.
4. Акимова Г. Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 6.

5. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981.
6. Официальный сайт партии Единая Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://er.ru/> (дата обращения 24.08.2022).
7. Официальный сайт партии КПРФ [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://kprf.ru/official/> (дата обращения 25.08.2022).
8. Официальный сайт партии «Яблоко» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.yabloko.ru/> (дата обращения 21.08.2022).
9. Kremlin.ru-официальное интернет-представительство президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 25.08.2022).
10. Аладина А. А. О конструкциях, содержащих лексический повтор имен существительных с синтаксическим распространением // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. № 16.

References

1. Saifulinova A.M., Privalova Yu.V. Peculiarities of Expressiveness Transmission in the Translation of Political Discourse Texts // Bibliography. - 2013. - P.7.
2. Vinogradov V. V. The style of the “Queen of Spades” // Vinogradov V. V. On the language of artistic prose. Moscow, 1980.
3. Lomov A. M. Russian syntax in alphabetical order: Conceptual dictionary-reference book. / Voronezh: Publishing house Voronezh state un-ty, 2004. - 400 p.
4. Akimova G. N. Development of constructions of expressive syntax in the Russian language // Questions of Linguistics. 1981. No. 6.
5. Skovorodnikov A.P. Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language. Tomsk, 1981.
6. Official website of the United Russia party [Electronic resource]. URL access mode: <https://er.ru/> (accessed 24.08.2022).
7. Official website of the Communist Party of the Russian Federation [Electronic resource]. URL access mode: <https://kprf.ru/official/> (accessed 25.08.2022).
8. Official website of the Yabloko party [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://www.yabloko.ru/> (accessed 21.08.2022).
9. Kremlin.ru - official Internet representation of the President of Russia [Electronic resource]. Access mode. URL: <http://kremlin.ru/> (date of access: 25.08.2022).
10. Aladina A. A. On constructions containing lexical repetition of nouns with syntactic distribution // Vestn. Leningrad. university 1985. No. 16.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.41.55.006

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры славянской филологии
Ковалев Г.Ф.
Россия, Воронеж, (473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
The department of Slavian Philologi,
Doctor of Philologi, Professor
Kovalyov G.F.
Russia, Voronezh, (473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

Г.Ф. Ковалев

БИОГРАФИЗМ ОНОМАСТИКИ А.А. ПЛАТОНОВА

В статье рассматривается биография А. Платонова как основной источник его словотворчества при создании имен собственных для художественных произведений. Понятие *автобиографизм*, по мнению автора данной работы, включает, с одной стороны, всю память, накопленную за жизнь автора и лишь отдельными фрагментами, осколочными или цельными, закрепившуюся в его творчестве; с другой стороны, чаще всего – это практически всем известные ситуации, действия или имена. Но в этой двойственности главное – индивидуальное, часто совершенно оригинальное, использование фактов собственной или чужой, но известной автору жизни в своем творчестве. Персонажи А. Платонова автобиографичны и имеют своих прототипов, однако неоднозначный анализ имен собственных свидетельствует о том, что его ономастическая лаборатория до сих пор является загадкой для исследователей. Нами приводятся различные интерпретации ономастических единиц, предлагаемых исследователями творчества А. Платонова. Особым вниманием как лингвистов, так и литераторов пользуются антропоним *Дванов* и топоним *Чевенгур*, понимание семантики которых во многом зависит от знания читателем исторического хронотопа, так как писатель вводил в текст реалии не только собственной жизни, но и жизни страны, которые, как известно, сплетались с фактами его биографии. Автором отмечается, что при анализе ономастической лаборатории любого писателя грань между автобиографизмом и биографизмом становится весьма призрачной, несмотря на то что автобиографизмом считается все, что сам автор выносит из собственной биографии в собственное же сочинение, а биографизм – это нечто из биографии писателя, но упомянутое или истолкованное его современниками и близкими.

Ключевые слова: ономастика, биографизм, автобиографизм, А. Платонов.

G.F. Kovalev

BIOGRAPHISM OF ONOMASTICS BY A.A. PLATONOV

The article examines the biography of A. Platonov as the main source of his word-making when creating proper names for artistic works. The concept of autobiography, according to the author of this work, includes, on the one hand, all the memory accumulated during the author's life and only in separate fragments, fragmentary or whole, fixed in his work; on the other hand, most often it is almost all known situations, actions or names. But in this duality, the main thing is an individual, often completely original, use of the facts of one's own or someone else's, but known to the author, life in his work. A. Platonov's characters are autobiographical and have their own prototypes, but an ambiguous analysis of proper names indicates that his onomastic laboratory is still a mystery to researchers. We present various interpretations of onomastic units proposed by researchers of A. Platonov's creativity. Special attention is paid by both linguists and writers to the anthroponym *Dvanov* and the toponym *Chevengur*, the understanding of the semantics of which largely depends on the reader's knowledge of the historical chronotope, since the writer introduced into the text the realities of not only his own life, but also the life of the country, which, as is known, intertwined with the facts of his biography. The author notes that when analyzing the onomastic laboratory of any writer, the line between autobiography and biographism becomes very illusory, despite the fact that everything that the author himself takes out of his

own biography into his own composition is considered autobiography, and biographism is something from the biography of the writer, but mentioned or interpreted by his contemporaries and relatives.

Keywords: onomastics, biographism, autobiographism, A. Platonov.

То, что биография писателя с необходимостью накладывает отпечаток на все его творчество, не вызывает никаких сомнений. Собственно, это и составляет суть автобиографизма писательской ономастики. Частным случаем автобиографизма являются мемуары самих писателей и собственно автобиография.

Сам термин *автобиографизм* заставляет задуматься: с одной стороны, это вся память, накопленная за жизнь автора и лишь отдельными фрагментами, осколочными или цельными, закрепляются волею автора в его творчестве. С другой стороны, чаще всего – это практически всем известные ситуации, действия или имена. Но в этой двойственности главное – индивидуальное, часто совершенно оригинальное, использование фактов собственной или чужой, но известной автору жизни в своем творчестве.

Целый ряд персонажей А.П. Платонова автобиографичен и, соответственно, имеют своих прототипов. Начнем с отца писателя Платона Фирсовича Климентова. А.П. Платонов вспоминал об отце, что тот, помимо страстей «механических» был подвержен и страсти рыбной ловли. Сам писатель признается: «Я был сыном рыбака...» [1, с. 266]. Поэтому совсем не удивительно, что во многом «авторский» Саша Дванов в романе «Чевенгур» – тоже сын рыбака.

Вообще относительно номинации этого персонажа среди литературоведов очень много разных толкований. Так, польские исследователи творчества А. Платонова, В. и Р. Щликовские писали: «...уже в самом имени главного героя «Чевенгура» (Дванов: Двойкий, Раздвоенный) заложен намек на его раздвоенность, указание, что эта фигура неоднозначная» [2, s.74].

Яблоков приходит к выводу, что: «Имя и отчество рыбака анаграмматически «объединяются» в фамилии главного героя: Дмитрий Иванович / Дванов. Ср. также имя героя платоновского очерка конца 1929 – начала 1930 г. «Первый Иван» – Дмитрий Перво-иванов; аналогия тем более примечательная, что Первоиванов – образ явно автобиографический: Платонов «отдал» этому герою идеи своих собственных статей 1924-1926 гг. «Борьба с пустыней» и «Электрическое орошение почвы» [3, с. 36].

И далее он замечает об Александре Дванове: «Повествователь впервые употребляет по отношению к герою фамилию его приемных родителей. В первом приближении об этой фамилии можно сказать, что ее носитель имеет два «корня», двух отцов – характерно, что рыбак Дмитрий Иванович и «мастер» Захар Петрович оба лишены фамилий; при этом «истинный» Дванов – Прохор Абрамович – отец скорее, «формальный», давший сироте лишь свою фамилию» [3, с. 42].

Кроме того (это уже явный изыск!) он полагает: «Можно усмотреть в фамилии Дванов и анаграмму слова «давно»: тем самым дополнительно подчеркивается автобиографичность героя, воплотившего «давний», юношеский облик самого Платонова» [3, с. 43].

Литературовед из Калининграда, М.А. Дмитриевская сопоставляет с фамилией главного героя «Чевенгура» уже фамилию персонажа «Счастливой Москвы» *Самбикина*: «В ней угадывается две части: сам-, содержащая указание на рефлексивность, и би- (лат. bi), указывающая на двойственность. Самбикин – это как бы Сам-дванов» [4, с.159].

А Е. Толстая-Сегал идет дальше и сопоставляет в нужном ей направлении фамилию Дванов и элемент одного псевдонима А. Платонова – Фома (т.е. «неверующий»): «Псевдонимом «Фома Человеков» в 30-х годах пользовался сам писатель, который «строил свой личностный образ как «неверный», «сомневающийся», «еретический» [5, с. 366-367].

Началом «Чевенгура» можно считать повесть «Строители страны». Практически эта повесть вошла как главы 8-18 в «Чевенгур». В этой повести уже есть такие персонажи, как Соня, Дванов, Копенкин, Мрачковский (Мрачинский), правда название города, давшего имя роману, отсутствовало. Позднее из этой повести не вошли в «Чевенгур» Геннадий, Гратов и Веселовский.

Фрагментом «Чевенгура», ставшей главами 1-7 романа можно считать повесть «Происхождение мастера». Здесь уже фигурирует город *Урочев*, куда командировается главный герой.

Воронежский исследователь творчества А.П. Платонова, О.И. Алейников, также отметил биографизм событий и имен в романе «Чевенгур». Говоря о реальных расстрелах чекистами «буржуев» в Воронеже, О.И. Алейников сопоставляет эти данные с фактами из «Чевенгура»: «Когда на соборную площадь приводят тех, кого чевенгурские большевики решили зачислить в буржуи, начальник през-

вычайки обращает обращает внимание на изъятую у одного классового врага «поминальную» книжку.

«– Прочти, – попросил он одного чекиста.

Тот прочитал:

– «О упокоении рабов божьих: Евдокии, Марфы, Фирса, Поликарпа, Василия, Константина, Макария и всех сродственников.

О здравии – Агриппины, Марии, Косьмы, Игнатия, Петра, Иоанна, Анастасия со чадами и всех сродственников и болящего Андрея» [6, с.297].

И далее О.И. Алейников справедливо отмечает преднамеренность подбора автором имен в поминальном списке: «Многие из них были настолько дороги А.Платонову, что едва ли следует считать случайным порядок их отбора. В частности, в записи об упокоении значатся Фирс, Василий и Константин. Фирсом звали деда Платонова по отцовской родовой линии (Климентовых). Василием – по материнской, Лобочихиных. Константин Васильевич Лобочихин, как известно, приходился писателю родным дядей. Его имя тоже значится в списке... Приведенный перечень очень характерен: в перечне «о здравии» Мария, Петр, Андрей – имена матери писателя Марии Васильевны, его брата, Петра Платоновича. К этому же ряду добавлено полученное при крещении имя самого создателя романа. По приведенному выше свидетельству, в годы Гражданской войны будущий писатель тяжело болел, поэтому вполне понятен смысл добавленного к имени Андрей эпитета «болящий» [6, с. 297].

Показательно, что фамилии расстрелянных домовладельцев в «Чевенгуре» явно навеяны прочитанными Платоновым бессметными произведениями Н.В. Гоголя. Вот какие фамилии: Завын-Дувайло, Перекрутченко, Сюсюкалов и др.

Один из героев «Эфирного тракта» – Михаил Кирпичников. Он женат, и симптоматично, что жена его не только носит имя и отчество жены писателя *Марии Александровны* Кашинцевой, но и, как и она, работает в селе Волошине учительницей.

Не придумана А.Платоновым и фамилия (речь идет не протоперсонаже) Копёнкина в «Чевенгуре». Андрей Иванович Копёнкин (1894-1932) был известной фигурой в Россоши и Павловске: участник германской войны, он, оставшись после ранения только с левой ногой, стал командиром кавалерийского отряда, участвовал в боях с бандами под Павловском и Журавкой. Был председателем райисполкома в Павловске, затем Россоши. Был похоронен в центре Россоши как герой. Его именем названо село Копёнкино [7, с. 199-200].

Кроме того, в хут. Копёнкина Россошанского р-на существует улица *Копёнкинская*. А в с. Верхний Мамон часть села так и называется *Копёщица* (Копёнщина). 84-летний старожил Иван Грибанов вспоминал: «Теперь, увы, может, и не помнят люди, что улица как бы подразделялась на Девятчину, *Копёщицу*, Грибановщину. Называли так потому, что на одном краю больше всего жило семей по фамилии Девяткины, на другом – *Копёнкины*» [8]. Правда, сейчас официально улица уже называется *Красная Вязоватка*.

Интересны замечания относительно ономастики А. Платонова, сделанные Е. Шубиной: «Географические названия и имена в романе («Чевенгур» – Г.К.) давно стали предметом пристального внимания исследователей. Так, фамилия «Копенкин» производилась и от «копья», и от «копешки сена» (М.Геллер), и от «капитана Копейкина» (Е.Толстая-Сегал); в прозвище Японец слышится отзвук евразийских идей, в фамилии Мандрова видится параллель с именем персонажа из романа А.Белого «Москва» – провокатором Мандро и греческим «мандрагора», то есть «человек-растение» (Е.Толстая-Сегал). Такие выводы небеспочвенны. Безусловно, Платонов тщательно придумывал, «строил» имена своих героев, недаром они вызывают цепь литературных и исторических аллюзий. Но... заглянем разом в карты и в «Памятные книжки» Воронежской и Тамбовской губерний. Перед глазами замелькают известные по роману Черная и Старая Калитва, село Петропавловка и Волошино, хутор Дворики. А вот слободы Уразово и Урыв (Саша Дванов отправляется в свой первый путь из города Урочев), Теллермановское (Биттермановское) лесничество, слобода Мандрово...

А вот и герои: Копенкины Алексей и Иван – кузнецы, имели, кстати, свою кузню в Ямской слободе; Чепурные – учителя; и не из поселка ли «Япония» (восемь дворов деревни Серединовка) пришел в роман Японец?

Не раз попадаете в «Памятных книжках» и фамилия Веретенниковых («Государственный житель») – «торговал железными, мебельными, скобяными товарами».

Так что, выстраивая литературные и смысловые ряды, ведущие к именам платоновских «чудаков», не забудем и всю эту топографию и топонимику, растворенную в воздухе воронежских и тамбовских ковыльных степей. И само название романа-города, не имеющее, кажется, прямого источника, лепится из бесконечных раскатистых: Богучар, Качугуры, Карачан, Чагоры, Карачун, Карабут...» [9, с.150].

Мрачинский в «Чевенгуре» – явно переделанная фамилия троцкиста и видного военного деятеля С.В. Мрачковского. Фамилия была изменена, видимо, в связи с его арестом в 1927 г. Е. Шубина отметила по этому поводу: «...Платонов вообще любил обыгрывать в своих произведениях имена реальных людей» [9, с.223].

Е. Шубина делает следующие примечания к публикации письма Г.З. Литвин-Молотова А. Платонову: «Нелишне напомнить, что среди оппозиционеров, взгляды которых на возможности построения социализма в одной стране были охарактеризованы на партийных конференциях и пленумах 1926-1927 годов как меньшевистские и антисоветские, был С.В. Мрачковский – крупный военный работник, кавалер двух орденов Красного Знамени, герой гражданской войны, человек, лично близкий Л.Д. Троцкому. Осенью 1927 года С.В. Мрачковский был арестован. Платонову, без сомнения, была известна фигура С.В. Мрачковского, и не исключено, что образ видного троцкиста, сторонника крайних и жестоких революционных мер, повлиял на создание героя «Строителей страны» и «Чевенгура» Мрачковского – Мрачинского, тем более что Платонов вообще любил обыгрывать в своих произведениях имена реальных людей» [9, с.222-223].

«Фамилия Сталеметный встречается еще в тексте Платонова 1922 года (опубл. в журнале «Волга», 1975, №9), из которого можно понять, что это псевдоним К.С. Еремеева (1874-1931), известного партийного деятеля 20-х годов, прибывшего весной 1919 года в Воронеж для организации отпора Деникину и писавшего статьи в местной прессе. Рисуя иронический портрет коменданта укрепрайона (им был К.С.Еремеев с мая по сентябрь 1919 г.) и одновременно журналиста, подписывавшегося «надуманной, выдающейся фамилией» Сталеметный, Платонов имеет в виду статьи К.С.Еремеева, публиковавшиеся летом 1919 года в газете «Известия Воронежского губисполкома» [9, с.223].

В набросках к «Чевенгуре» уже фигурирует такой персонаж, как З.П. Гопнер: «Сзади него сидел Захар (Карлович) Петрович Гопнер – слесарь с завода быв. (Гау) Цвейдельмана <...>» [10, с.668]. Очевидно, автор переделал здесь и название завода В.Г. Столля.

И далее: «Когда-то они встречались часто, курили махорку из кисета Гопнера и говорили о шлюзовании реки Польного Айдара, на которой стоял их город» [Корниенко 2005, с.668]. Речь здесь идет о речке Польный Воронеж. На *Айдаре* никакой город не стоит. Есть село *Айдарово*, которое стоит на реке Воронеж и известно еще с 1615 г. по «Дозорной книге», да и в самом правобережном Воронеже сохранился *Айдаров овраг*.

М. Геллер полагает, что в пьесе А. Платонова «14 красных избушек» под именем «прозаический великорусский писатель Петр Уборняк» «Платонов не щадит своего бывшего соавтора Бориса Пильняка – автора «Красного дерева», «Голого года», очерка "Таджикистан, седьмая советская», давая ему фамилию Уборняк и называя его автором книги «Вечно советский» [11, с.401-402]. С этим можно согласиться, если только *Уборняк* не принять собранным из двух фамилий: *Уборевич* и *Пильняк*.

Он же считает, что «Господин-гражданин Мечислав Жовов» – с лицом, как тыква, исторический романист, ассоциирующийся с Мордовцевым и «Камо грядеши», – это Алексей Толстой...» [11, с. 402].

«Легко раскрывается (Платонов хотел этого) и автор «рассказов из турецкой жизни», член правления» Геннадий Фушенко. Это Петр Павленко, автор книги рассказов «Стамбул и Турция», член правления Союза советских писателей, редактор журнала «30 дней», в котором Платонов – видимо не без труда – напечатал один рассказ. Платонов дает ему фамилию, которая во второй половине 30-х годов, после публикации биографии Стефана Цвейга «Фуше» и книги Е. Тарле «Наполеон», не нуждалась в комментариях» [11, с. 402].

Сорокин из «Ивана Жоха», по мнению М. Геллера [12, с.95], навеян образом реального главнокомандующего войсками Северо-Кавказской республики Ивана Лукича Сорокина, уроженца Кубани: «Звали его – Кузьма Сорокин, чином – поручик»; «– Я как раз сын внука Ивана Жоха. У меня мать была Сорокина. Родом она с Кубани <...>. – А как твоего отца звали? <...>. – Лука! – ответил Сорокин».

Наш воронежский земляк – А.Н. Николюкин, кажется, верно полагает, что Главный Революционер в «Котловане» – не Ленин или Сталин. Здесь Платонов показал высшего руководителя ЦЧО, первого секретаря Воронежского обкома партии Иосифа Варейкиса [13, с. 374].

По названиям рассказов А.В. Платонова даже защищена кандидатская диссертация [14]. Тщательно разобраны с лингвистической стороны некоторые названия рассказов А. Платонова воронежской исследовательницей М.Т. Авдеевой [15, с.172-177]. Что же касается названия романа А. Платонова «Чевенгур», то здесь мы видим различные подходы и интерпретации, однако чаще всего они сделаны по принципу: «мне так кажется», и совсем не важно, как это соотносится с содержанием романа – если факты не соответствуют, то пусть факты от этого и страдают. К сожалению, факты и правда художника, как правило, игнорируются исследователями в угоду собственным концепциям и построениям. Важно рассмотреть это название не в отрыве от биографии автора, а именно с позиций платоновского автобиографизма.

Одной из первых за прочтение имени «Чевенгур» взялась Е.Толстая-Сегал. Она пришла к парадоксальному, неизвестно какими ассоциациями порожденному, выводу: «...звукообраз Чевенгур – это звуковой слепок Петербурга, данный в тюркском, азиатском звуковом материале» [16, с.195]. Затем в очень интересной и практически не утерявшей доселе своего научного веса книге М.Я. Геллер предложил трактовку с опять-таки непонятным и совершенно не мотивированным значением – «лапотный гул»: «Слово "Чевенгур" было составлено писателем из двух частей, первая – чева – означала ошметок, обносок лаптя, вторая – гур – шум, рев, рык. В этом слове был гул, увлекший Дванова, но это был гул обноски лаптя» [12, с. 211]. Правда, уровень лингвистической аргументации, мягко говоря, мало убеждает. Автор в ссылке к этому прочтению смысла слова *Чевенгур* апеллирует к словарю В.И. Даля и по поводу элемента *чева* говорит: «Владимир Даль отмечает архаичность слова» [12, с. 252]. Однако в словаре В.И.Даля перед словом *чева* стоит: *арх.*, что значит не *архаичное*, что было бы абсурдом, а *архангельское*. Аргумент М.Я. Геллера выставлен в таком контексте: если И.В. Сталин выдвинул лозунг построения социализма в одной стране, то А. Платонов, якобы откликнувшись на ироничную шутку, ходившую тогда в обществе, о построении социализма в одном уезде, воплотил эту идею строительства соцрая в «Чевенгуре» [12, с. 211].

Следующим автором раскодировки платоновского названия оказался В.В. Васильев: «Возможно, слово *чевенгур* означает *могила лаптей* (от *чева* – лаповище, обносок лаптя; *гур* – могила, гробница, склеп) – символ конца исконному русскому правдоискательству, ибо в Чевенгуре, по мнению его новых строителей, настала тишина и конец истории, пора всеобщего счастья и благоденствия» [17, с. 422].

Один из исследователей творчества А. Платонова – В.А. Чалмаев – категорично настаивал, что писатель «...не случайно избрал для романа странное название, образованное из двух слов: «чева» – лапоть, и «гур» (гурчать) – гул, суeta, грохот (об этом говорит и песня пожарного в тексте романа: "Лапти по полю шагали / Люди их пустыми провожали"). Писатель надеялся: если весь «гул из лаптя», хор голосов из мужицкой страны Утопии не прозвучал, то, может быть, отголоски его все же дойдут до читателя?» [18, с. 533-534]. Откуда он взял, что так думал автор романа? Трудно сказать. Правда, в тексте романа есть такое: «Дванову понравилось слово Чевенгур. Оно походило на влекущий гул неизвестной страны...» Во всяком случае трактовка смысла из *лаптя* и *гула* вполне сродни знаменитому: «В огороде бузина, а в Киеве дядька».

По поводу платоновского названия незадачливо высказался литературовед из Ульяновска А.А. Дырдин. Не отрицая прежних «достижений», он вносит и свою «этимологическую» лепту: «Может быть, «Чевенгур» представляет собой связку старославянского слова «чеван» («смешанный») из Откровения (14, 10) с именем библейского Гура (Ура) на Евфрате – города Вавилонской башни и «смешения языков?»» [19, с.56]. Однако, если обратиться к наиболее авторитетному словарю старославянского языка, то в нем невозможно обнаружить слова «чеван», там есть только чвань – то есть то самое слово, которое потом в русском языке дало «жбан» [20, с.786]. Идея «Лапотного города» у А.А. Дырдина почему-то смыкается со структурой «апокрифического сказания, где есть свой Иисус Христос – сын рыбака Саша Дванов, Иуда – Порфирий, и апостолы – двенадцать последних обывателей лапотного города (по словарю В. Даля: «чева» лаповище, лапоть, «гур» от «гургань» – шум, рев, или от «гуртом», «гурьбой» – быть сообща, всем вместе, в куче)» [19, с.119]. Понятно, что здесь что называется «продвинутые» литературоведы обнаружат и блоковские аллюзии. Кстати, статья В.П.

Крючкова так и называется: «Впереди – Иисус Христос»: «Двенадцать» А. Блока и «Чевенгур» А. Платонова» [21, с.88-100].

Если просмотреть лучшее издание словаря В.И. Даля (а это, безусловно, редакция И.А. Бодуэна де Куртенэ), то увидим, что вместо ожидаемой «чевы» там обнаруживается «Чо́ва ж. арх. лаповище, ошметок, обносок лаптя» [22, т. 4, ст.1356], а к «гургань» дается также северное «гургать» с пометой *влгд.* [22, т. 1, ст.1011]. Ничего сходного с платоновским южнорусским «Чевенгуром». Правда, в своей докторской диссертации А.А. Дырдин несколько изменил свою же «этимологию»: «К важным выводам приводит анализ заглавия самого большого текста Платонова. Его название созвучно с именем мифической птицы из духовного стиха о Егории Храбром (Черногар), а также напоминает о библейском Гуре (Уре)» [23, с.18]. Как видим, придумывать этимологии и смыслы можно до бесконечности.

В журнале «Русская словесность» промелькнула статья М.Ю. Михеева с совершенно неудобоваримым названием из переваренного им названия романа А. Платонова: «Че[в]-вен[г]-гур<т>. О смысле названия романа А. Платонова» [24, с.63-68]. Автор статьи, не заглянув в святцы, бухнул во все колокола. Хотя статья и имеет подзаголовок «Этимологический этюд», но к этимологии она никакого отношения не имеет. Это скорее этюд, написанный в лучших традициях академика Н.Я. Марра. Во-первых, автор дает несколько «этимологических» вариантов прочтений названия *Чевенгур*, что для профессионалов-этимологов является четким знаком отсутствия этимологического решения в заданных параметрах. Во-вторых, этимоны, которые (по фрагментам!) во множестве предлагает М.Ю. Михеев (*гур* – 'индюк, болтать', *ч-в-н* – 'чванный', *чева* – 'лапоть' и т.д. и т.п.), совершенно не приемлемы для образной системы и поэтики А. Платонова. Интересно, как бы М.Ю. Михеев объяснил еще и этимоны «йогурт» или «гурт», если бы они пришли в его голову, ведь концовку названия он так и подает: -гур<т>.

Не очень далеко от М.Ю. Михеева и А.А. Дырдина ушел и Д.Н. Замятин. В статье с захватывающим (только колец не хватает!) заголовком «Империя пространства: географические образы в романе А.А.Платонова «Чевенгур», естественно, ни о какой географии нет и речи [25, с.14-23]. Есть лишь перечисление работ, которые в той или иной степени (по мнению автора) касаются данной темы, а также пустейшие рассуждения о якобы новой географии, открытой А. Платоновым. Автор даже не удосужился соединить географические данные платоновского «Чевенгура» с одной из платоновских же профессий – мелиоратора. Тогда пришлось бы без каких-либо демагогий рассматривать вполне реальные ландшафты: перелески и степи, речки и озера, города и села «Чевенгура». Тут можно для сравнения указать, насколько плодотворнее оказался поиск «пространства Чевенгура» воронежским исследователем О.Г. Ласунским. Последний буквально с лупой по карте идет вслед за платоновскими героями, учитывая каждый километр пути и каждую букву в топонимических названиях [26, с. 242-249]. Приводя отрывок из «Чевенгура», он пишет: «Платонов не упускает случая показать знание окружающего пространства, в нем просыпается губернский мелиоратор. "Слобода Калитва жила на спуске степи к долине. Сама же долина реки Черная Калитва представляла сплошную чащу болотных зарослей. <...> Подобных пассажей в «Чевенгуре» множество» [26, с. 246].

В довольно интересной даже для ономаста книге Е.А. Яблокова, посвященной исключительно комментированию строк романа А. Платонова «Чевенгур», рассыпаны многие интересные замечания относительно различных ономастических единиц, прежде всего имен персонажей [3, с. 36, 42, 43 и др.]. Однако здесь полностью проигнорировано название «Чевенгур», что и отразилось в его отсутствии в приложенном к книге «Указателе географических наименований (реальных и вымышленных)», см. [3, с.349].

К сожалению, как констатирует видный исследователь творчества А.П. Платонова Н.В. Корниенко, «Полностью отсутствуют книжки (записные книжки А.П. Платонова – Г.К.) к «чевенгурскому» периоду творчества писателя: к повестям 1926-1927 гг. и роману «Чевенгур» [27, с.309]. Непонятно поэтому к каким записным книжкам А.П. Платонова отсылает читателя И.Н. Сухих: «В записных книжках Платонова конца 1920-х годов мелькает: «Поселок Идея». Чевенгур – это город-идея, в котором проверяется, доводится до последнего предела вдохновлявшая пламенных революционеров, в том числе и молодого Платонова, великая мировая мечта» [28, с.168]. Однако неплохо было бы авторам таких с позволения сказать «этимологий» обратиться не к замысловатым рассуждениям Е. Толстой-Сегал, а посмотреть хотя бы работы воронежских исследователей О.Г. Ласунского и О.Ю. Алейникова.

Мы вполне доверяем словам Н.В. Корниенко, безусловно на сегодняшний день самого авторитетного знатока биографии А.Платонова: «...платоновский текст автобиографичен и точен в реалиях» [29, с.11]. В соответствии с этой установкой блестящий мастер анализа биографических данных

О.Г.Ласунский в поиске источников слова «Чевенгур» идет от фонетически близких местных (воронежских) географических названий, которые могли бы навеять писателю фантастическое имя «Чевенгур»: «Писатель придумал действительно выразительное и, главное, очень «воронежское» название. Филологи уже отмечали звуковую переключку между «Чевенгуром» с его опорным «ч» и «р» и другими местными наименованиями: Чагары, Кучугуры, Карачун, Карачан (по соседству – Чигорак), Байчурово и др. Но ни один из этих населенных пунктов не являлся уездным центром. Единственным претендентом на роль чевенгурского «прототипа» может служить Богучар. <...> Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что «уездная речка» Чевенгурка вполне соответствует подлинной Богучарке, притоку Дона» [26, с.247]. О.Г.Ласунский приводит и еще несколько неоспоримых доводов в пользу *Богучара*, как прототипа *Чевенгура* [26, с.247-250]. И, думается, наш выдающийся библиофил здесь абсолютно прав. Ведь аналогично названию *Чевенгур* А. Платонов изыскал формы названий и для городов в «Городе Градове»: областной город *Градов* (Тамбов) и областной город *Ворожеев* (Воронеж).

Однако, кроме прототипа, необходим еще и протооним, то есть лексический прототип. И здесь роль Богучара уже второстепенна.

Пожалуй, ближе всех подошел к разгадке названия «Чевенгур» литературовед О.Ю. Алейников: «Если предположить, что таинственное название – это авторская аббревиатура, то расшифровать ее можно, не исключая, разумеется, вариантов и с поправкой на замаскированную усмешку писателя, как ЧеВеНГУР – Чрезвычайный Военный Непобедимый (Независимый) Героический Укрепленный Район, как ни комично, на первый взгляд, такое предположение. Но эта аббревиатура составлена с учетом расхожих в пореволюционные времена словообразовательных моделей, тяготевших «к образованию слов по произношению начальных слогов или начальных букв нескольких слогов» (А.М. Селищев)» [30, с.182]. И, действительно, если проанализировать лексику, составляющую данную гипотетическую аббревиатуру, то мы придем к выводу, что все эти слова активно употреблялись не только в соответствующую эпоху, но и в самом творчестве А. Платонова, ср. «Совет социального человечества Чевенгурского *освобожденного района* (Курсив наш. – Г.К.)», который автор символически расположил в бывшей церкви на кладбище. Кстати, А. Платонов в 1919 г. был корреспондентом газеты «Известия Совета Оборона Воронежского *укрепленного района*» (Курсив наш. – Г.К.). Это был орган Воронежского укрепрайона, образованного ввиду осады Воронежа частями белых генералов К.К. Мамонтова и А.Г. Шкуро. О работе А. Платонова в этом органе свидетельствуют не только автобиография писателя, но и его сослуживец и товарищ Б. Бобылев (1978, с.132). О.Г. Ласунский даже обнаружил первую публикацию А. Платонова в этом издании: стихотворение в прозе «Красному Воронежу» в №3 от 17 сентября 1919 г. [26, с.79]. Показательна в этом отношении выписка Венедикта Ерофеева, готовившего материалы о Ф.Э. Дзержинском: «Дзержинский говорит не «вы поедете в Тулу», а «вы поедете в Тульский укрепрайон» [31, с.15]. Необходимо отметить, что до наших дней дошла аббревиатура «ур» – укрепленный район, укрепрайон [32, с.372]. Правда, она была «подновлена» годами Второй мировой войны (1939-1945 гг.).

Вообще не столько для А. Платонова, сколько в целом для революционной эпохи и послереволюционного времени было характерно чрезмерное употребление аббревиатур, как выражения новыми словами новой действительности.

Вот и у А.Платонова встречается очерк с весьма показательным названием «ЧЕ-ЧЕ-О» (1928 г.). Интересно, что сам же автор и прокомментировал значение этого названия: «Надо объяснить заглавие организационно-философских наших очерков. Были мы, изучали мы в ЦЧО – в Центрально-Черноземной области, вновь организующейся. ЧЕ-ЧЕ-О по воронежскому говору выговорить трудно, – говорят ЧЕ-ЧЕ-О» [33, с.304]. В этом же очерке автор обращает внимание и на другие советские аббревиатуры: «Город и историю его мы изучали пешком. Все вывески, где раньше было «губ.», теперь перекрашены на «обл.» [33, с.304]. Или: «Трамваи – совершенно, как в Москве, только разница в букве В: ВКХ – вместо МКХ. На одиннадцать трамваев имеется двадцать семь человек контролеров – девять человек от ГЖД, остальные от горсовета и прочих учреждений» [33, с.304]. И вообще А. Платонов настолько часто употреблял аббревиатуры, что Н.В. Корниенко для его «Записных книжек» пришлось перед Комментариями поместить раздел «Аббревиатуры и сокращения, встречающиеся в записных книжках» [34, с.311-313]. Ведь современному читателю ни за что не догадаться, что *ОКРИК* – окружной исполнительный комитет, а *СТАЗра* – станция защиты растений [34, с.47].

Интеллигенция того времени и возмущалась наводнением аббревиатур, и пыталась горько шутить. М.И. Цветаева, например, не особенно напрягая себя, навскидку создает ироничную, даже издевательскую аббревиатуру по типу большевистских: «Но сейчас каждому так легко самому возвеличивать других своим поцелуем (секретарь X или работает в каком-нибудь Робдарвобл), что лестность отпадает» [35, с.209].

И даже В. Маяковский в свое время обыграл излишества советской аббревиации в хрестоматийном стихотворении «Прозаседавшиеся» (1922 г.):

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.

или:

«Пришел товарищ Иван Ваньч?» –
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Итак, рассмотрев все варианты, можно прийти к следующему выводу: название «Чевенгур» у А.Платонова – авторская аббревиатура, звуковая оболочка которой сформировалась под влиянием, с одной стороны, местных географических названий, и, с другой, под влиянием революционного пространства новых слов-аббревиатур. Думается, что за сокращением *Чевенгур* скрывается мощная порция авторской иронии. И уж, конечно же, ни к Петербургу, ни к вымышленным М.Ю. Михеевым и А.А. Дырдиным этимонам платоновское название «Чевенгур» не имеет абсолютно никакого отношения.

В работах по литературной ономастике следует прислушаться и к словам Романа Якобсона: «Нельзя, естественно, впадать ни в вульгарный биографизм, рассматривающий литературное произведение как воспроизведение ситуации, из которой оно возникло, и выводящее из текста произведения то или иное событие, ни в вульгарный автобиографизм, догматически отрицающий любую связь между литературным произведением и жизненной ситуацией» [36, с.146]. Правда, выдающийся славист, как нам кажется, дав точные дефиниции, все же подобрал в качестве антонимов неудачную пару терминов.

Дело в том, что грань между *автобиографизмом* и *биографизмом* весьма призрачная. Понятно, что, как правило, считается автобиографизмом все, что сам автор выносит из собственной биографии в собственное же сочинение, а биографизм – это нечто из биографии писателя, но упомянутое или истолкованное его современниками и близкими. Но эти различия крайне зыбки именно при анализе ономастических показателей того или иного произведения. Так, у А. Платонова в повести «Ямская слобода» появляется образ явного дезертира войны 1914 года Игната Порфирыча Княгина по прозвищу *Сват*. О.А. Шатских считает, что этот герой ушёл с войны по своему желанию и «сватает человека к прообразу Новой жизни». Конечно же, четырехлетний Андрюша вряд ли полностью мог осознавать всю сложность обстановки того времени, но что-то он помнил цепкой детской памятью, а уж писатель А.Платонов мастерскими мазками довершил этот образ, дал ему имя, видимо, мучительно перебрав огромный русский ономастикон. Поэтому, казалось бы, чисто биографическое часто переходит в автобиографическое в творениях автора.

Изложенный материал заставляет нас сделать вывод, что автобиографизм А.Платонова ограничен только параметрами его жизни и состоянием его реальной и художественной памяти.

Библиографический список

1. Платонов А. Епифанские шлюзы. М., «Молодая гвардия», 1927.
2. Śliwowsky W. i R. Andrzej Płatonow. Warszawa, 1983.
3. Яблоков Е.А. На берегу неба: (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб., 2003.
4. Дмитровская М. Философский аспект романа А.Платонова «Счастливая Москва»: Платон, Аристотель, О. Шпенглер // *Russian literature*, Amsterdam, 1999, v.46, N 2.
5. Толстая-Сегал Е. К вопросу о литературной аллюзии в прозе Андрея Платонова: Предварительные наблюдения // *Slavica Ierosolymitana*, 1981, v.5-6.

6. Алейников О.И. О «навсегда потерянном времени» (1918-1919 гг. в сознании героев и авторов романа «Чевенгур») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып.6. М., 2005.
7. Болотов П.Е. Слобода Россошь. Воронеж, 2003.
8. Донская новь, Верхний Мамон, 2016, №95, с.7
9. Шубина Е. Примечания к публикации письма Г.З. Литвин-Молотова // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
10. Корниенко Н. Между Москвой и Ленинградом: О датировке и авантексте романа «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып.6. М., 2005.
11. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. М., 2000.
12. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982.
13. Николюкин А.Н. Наедине с русской классикой. М., 2013.
14. Ульяновцев Д.М. Идеино-художественные функции заглавий в рассказах А.П. Платонова. АКД. Одесса, 1985.
15. Авдеева М.Т. Слово в названиях произведений А.Платонова // Филологические записки. Воронеж, 1999, вып.13.
16. Толстая-Сегал Е. Литературный материал в прозе А.Платонова // «Возьми на радость». Amsterdam, 1980.
17. Васильев В. Платонов – наш современник // Платонов А. Живя главной жизнью. М., 1989.
18. Чалмаев В.А. Историко-литературный комментарий // Платонов А.П. Собр. соч. в 5-и т. М., 1998, т.2.
19. Дырдин А.А. Потаенный мыслитель. Ульяновск, 2000.
20. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). М., 1994, с.786
21. Русская литературная классика XX века: В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов. Саратов, 2000, с.88-100
22. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд. под ред. И.А.Бодуэна де Куртенэ. СПб-М., 1903-1909.
23. Дырдин А.А. Русская философская проза после 1917 года: А.П.Платонов, М.М.Пришвин, Л.М.Леонов (символика мысли). Автореферат дисс. доктора филол. наук. Саратов, 2002.
24. Михеев М.Ю. Че[в]-вен[г]-гур<т>. О смысле названия романа А.Платонова. Этимологический этюд // Русская словесность, 2001, №7.
25. Замятин Д.Н. Империя пространства: географические образы в романе А.П.Платонова «Чевенгур» // Филологические науки, 2001, №1.
26. Ласунский О.Г. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж, 1999.
27. Корниенко Н.В. Примечания // Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000.
28. Сухих И.Н. Двадцать книг XX века. СПб, 2004.
29. Корниенко Н. Невозвращение Платонова // Литературная газ., 1999, №35, с.11
30. Алейников О.Ю. На подступах к «Чевенгуру» (об одном из возможных источников названия) // Филологические записки, Воронеж, 1999, вып.13.
31. Новая газета, 2008, №80, с.15
32. Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка. М., 1983, с.372
33. Платонов А. ЧЕ-ЧЕ-О. Воронеж, 1999, с.304
34. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000, с.311-313
35. Цветаева М.И. Записные книжки и дневниковая проза. М., «Захаров», 2002.
36. Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

References

1. Platonov A. Epiphany sluices. M., "Young Guard", 1927.
2. Śliwowsky W. I R. Andrzej Płatonow. Warszawa, 1983.
3. Yablokov E.A. On the shore of the sky: (Andrey Platonov's Novel "Chevengur"). St. Petersburg, 2003.
4. Dmitrovskaya M. Philosophical aspect of A. Platonov's novel "Happy Moscow": Plato, Aristotle, O. Spengler // Russian literature, Amsterdam, 1999, v.46, N 2.
5. Tolstaya-Segal E. On the question of literary allusion in Andrey Platonov's prose: Preliminary observations // Slavica Ierosolymitana, 1981, v.5-6.
6. Aleynikov O.I. About the "forever lost time" (1918-1919 in the minds of the heroes and authors of the novel "Chevengur") // "The Land of Philosophers" by Andrey Platonov: problems of creativity. Issue 6. M., 2005.
7. Bolotov P.E. Sloboda Rossosh. Voronezh, 2003.
8. Donskaya nov, Verkhny Mamon, 2016, No. 95, p.7
9. Shubina E. Notes to the publication of the letter of G.Z. Litvin-Molotov // Andrey Platonov. Memoirs of contemporaries. Materials for the biography. M., 1994.
10. Kornienko N. Between Moscow and Leningrad: On the dating and the avanttext of the novel "Chevengur" // "The Land of Philosophers" by Andrey Platonov: problems of creativity. Issue 6. M., 2005.

11. Geller M. Andrey Platonov in search of happiness. M., 2000.
12. Geller M. Andrey Platonov in search of happiness. Paris, 1982.
13. Nikolyukin A.N. Alone with Russian classics. Moscow, 2013.
14. Ulyantsev D.M. Ideological and artistic functions of titles in the stories of A.P. Platonov. AKD. Odessa, 1985.
15. Avdeeva M.T. The word in the titles of the works of A. Platonov // Philological notes. Voronezh, 1999, issue 13.
16. Tolstaya-Segal E. Literary material in A. Platonov's prose // "Take for joy". Amsterdam, 1980.
17. Vasiliev V. Platonov – our contemporary // Platonov A. Living the main life. M., 1989.
18. Chalmaev V.A. Historical and literary commentary // Platonov A.P. Sobr. op. in 5-and T. M., 1998, vol.2.
19. Dyrdin A.A. The Hidden Thinker. Ulyanovsk, 2000.
20. Old Slavonic Dictionary (based on manuscripts of the X-XI centuries). Moscow, 1994, p.786
21. Russian literary classics of the twentieth century: V. Nabokov, A. Platonov, L. Leonov. Saratov, 2000, p.88-100
22. Dal V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language Vladimir Dal. 3rd ed. edited by I.A. Baudouin de Courtenay. St. Petersburg-M., 1903-1909.
23. Dyrdin A.A. Russian philosophical prose after 1917: A.P. Platonov, M.M. Prishvin, L.M. Leonov (symbolism of thought). Abstract of the diss. Doctor of Philology. sciences. Saratov, 2002.
24. Mikheev M.Yu. Che[v]-ven[g]-gur<t>. About the meaning of the title of the novel by A. Platonov. Etymological etude // Russian Literature, 2001, No. 7.
25. Zamyatin D.N. The Empire of space: geographical images in A.P. Platonov's novel "Chevengur" // Philological Sciences, 2001, No. 1.
26. Lasunsky O.G. A resident of his native city: The Voronezh years of Andrey Platonov. Voronezh, 1999.
27. Kornienko N.V. Notes // Platonov A.P. Notebooks. Materials for the biography. M., 2000.
28. Sukhoi I.N. Twenty books of the twentieth century. St. Petersburg, 2004.
29. Kornienko N. Non-return of Platonov // Literaturnaya gazeta, 1999, No. 35, p.11
30. Aleynikov O.Yu. On the approaches to "Chevenguru" (about one of the possible sources of the name) // Philological notes, Voronezh, 1999, issue 13.
31. Novaya Gazeta, 2008, No. 80, p.15
32. Alekseev D.I., Gozman I.G., Sakharov G.V. Dictionary of Abbreviations of the Russian language. Moscow, 1983, p.372
33. Platonov A. CHE-CHE-O. Voronezh, 1999, p.304
34. Platonov A.P. Notebooks. Materials for the biography. M., 2000, pp.311-313
35. Tsvetaeva M.I. Notebooks and diary prose. M., "Zakharov", 2002.
36. Yakobson R. Works on poetics. M., 1987.

УДК 81'33

DOI 10.36622/AQMPI.2022.14.86.007

Воронежский институт МВД Российской Федерации

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков

О.Н. Олейникова

Россия, г. Воронеж, тел. +7(915)584-61-57

e-mail: oon_2004@mail.ru

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian and Foreign Languages

O.N. Oleynikova

Russia, Voronezh, +7(915)584-61-57

e-mail: oon_2004@mail.ru

О.Н. Олейникова

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО СТИЛЯ А.А. АХМАТОВОЙ

Статья посвящена функционированию в текстах научного стиля А. А. Ахматовой иноязычных вкраплений разных типов и разрядов из разных языков. Целью публикации является определение статуса в этих текстах иноязычных вкраплений, а также общих принципов их отбора и функционирования, исследование интралингвистических и экстралингвистических факторов, повлиявших на их ввод в тексты. Исследованы все известные на сегодняшний момент тексты научного стиля А. А. Ахматовой, включая незаконченные работы. Выделены типы иноязычных вкраплений в текстах по соотношению с системами контактирующих языков. Описаны полные, частичные и нулевые вкрапления в текстах этого автора. Среди частичных вкраплений выделены и описаны вкрапления, которые приобрели морфологический облик, свойственный русским словам. Определены языки-источники (французский, английский, латинский, испанский, итальянский, немецкий) вкраплений в этих текстах. Исследованы вкрапления двух разрядов: непосредственно и косвенно связанные с национально-культурной спецификой текста и имеющие ассоциативную связь с этой спецификой или употребляющиеся вне связи с нею. Описаны онимы (топонимы, антропонимы и др.), представляющие собой вкрапления разных типов и разрядов. Проанализированы место и роль узуальных вкраплений в текстах научного стиля этого автора. Доказано, что ввод иноязычных вкраплений в тексты научного стиля связан с культурной традицией их использования, от которой автор не отказался в новой языковой ситуации, сложившейся в России в годы её творчества, а также её полилингвизмом.

Ключевые слова: полные иноязычные вкрапления, частичные иноязычные вкрапления, нулевые иноязычные вкрапления, иноязычные вкрапления из международного фразеологического фонда, связанность/несвязанность ввода иноязычных вкраплений с национально - культурной спецификой текста.

O.N. Oleynikova

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN THE SCIENTIFIC STYLE TEXTS OF A. A. AKHMATOVA

The article is devoted to the functioning in the scientific style texts of A. A. Akhmatova of foreign language inclusions of different types and categories from different languages. The purpose of the publication is to determine the status of foreign language inclusions in these texts, as well as the general principles of their selection and functioning, the study of intralinguistic and extralinguistic factors that influence the introduction of foreign language inclusions into the texts. All currently known scientific style texts of A. A. Akhmatova, including unfinished works, have been studied. The types of foreign inclusions in the texts of the scientific style of A. A. Akhmatova in relation to systems of contacting languages are distinguished. Full, partial and zero inclusions in the texts of this author are described. Among partial inclusions, inclusions that have acquired a morphological appearance characteristic of Russian words are identified and described. The source languages (French, English, Latin, Spanish, Italian, German) of inclusions in these texts are determined. Inclusions of two categories are investigated: directly and indirectly related to the national and cultural specificity of the text and having an associate connection with this specificity or used outside of it. Names (toponyms, anthroponyms, etc.) are described, which are inclusions of different types and categories. The place and role of usual inclusions in the texts of the scientific style of this author are analyzed. It is proved that the introduction of foreign language inclusions in the texts of the scientific style of this author is associated with the cultural tradition of their use, which the author did not abandon in the new language situation that developed in Russia during the years of

her creative work, as well as her multilingualism.

Key words: complete foreign inclusions, partial foreign inclusions, zero foreign inclusions, foreign inclusions from the international phraseological fund, connectedness/nonconnectedness of the input of foreign language inclusions with the national and cultural specifics of the text.

Исследование иноязычных вкраплений (далее ИВ) в текстах научного стиля А.А. Ахматовой вызвано рядом причин. Это речевое явление в прозе автора не изучалось, впрочем, как и другие речевые и языковые явления в текстах научного стиля этого выдающегося исследователя-литературоведа, мало известного широкому кругу филологов в этой роли. К настоящему времени системно исследованы только ИВ в художественных текстах Ахматовой [1], которую называют «совесть и душа русской поэзии XX века» [2, с.49]. Изучены и описаны другие языковые и речевые явления (например, антропонимы, повторы, концепты, способы выражения временных и пространственных отношений, трансцендентность) [см., напр., 3, 4, 5], обнаруженные в её поэтических текстах. Не рассмотрено функционирование ИВ в текстах научного стиля, не исследованы их типы, корреляция этих типов и разрядов с иностранными языками-источниками, способы ввода ИВ в текст, не определены стилиобразующие функции этого речевого явления и др. Материал для исследования отобран методом сплошной выборки. Даже если будут обнаружены неизвестные тексты научного стиля А.А. Ахматовой, выявлены основные закономерности функционирования ИВ в текстах этого стиля.

Через десятилетия замалчивания значимости поэта А. А. Ахматовой и гонений на неё пришло понимание величия признанного во всём мире мастера стиха. Но широкому кругу читателей неизвестно, что Ахматова является автором великолепных литературоведческих работ, рецензий, заметок к ним. К научному стилю отнесены и опубликованные тексты её докладов на литературоведческие темы. Не случайно в предисловии к «Гибели Пушкина» Ахматова написала: «... я принадлежу к тем пушкинистам, которые считают, что...» [9, с.600]. То есть сама Ахматова считала себя исследователем, что соответствует действительности, судя по глубине её литературоведческих работ. В первой половине двадцатого века многие известные поэты занимались исследованиями литературоведческого характера. Автором великолепных статей о проблемах литературы был, например, Корней Чуковский, написавший в том числе прекрасные статьи об Ахматовой и поэтах её круга [см., напр., 7]. Великолепны работы Осипа Мандельштама «Разговор о Данте», «Слово и культура», «Гуманизм и современность», «Девятнадцатый век» и другие. Работы А. А. Ахматовой, в частности её исследования произведений А.С. Пушкина, отличаются тончайшим проникновением в поэтический мир автора, демонстрируют прекрасное знание ею источников мировой поэзии, которыми подпитывалось и творчество Пушкина, что исследовала и доказала Ахматова. Но эти источники были прекрасно изучены и самой Ахматовой.

Профессор Ю.Т. Листрова-Правда, автор ряда работ об ИВ и основоположник воронежской школы изучения этого речевого явления, писала: «Иноязычными вкраплениями могут стать не только отдельные иностранные слова, словосочетания, части предложений, предложения и значительные отрывки текста из чужого языка, но и более или менее самостоятельные речевые произведения (стихотворения, рассказы, юридические документы и т.д.), находящиеся в иноязычном окружении» [8, с. 23].

В исследуемом материале обнаружены ИВ разного объёма: от одного слова до небольшого текста. ИВ представлены из разных языков: французского, английского, латинского, испанского. Единичны вкрапления из итальянского и немецкого. При анализе использовалась прежде всего классификация ИВ с точки зрения их соотношения с системами контактирующих языков. А.А. Ахматова ввела в тексты полные ИВ, представляющие собой вставленные без всяких изменений в принимающий текст отрезки речи на иностранном языке. Например: «Лучший отдел книги – «Старая сказка» - Ad morte». [9, с.884]. Полным ИВ Ахматова называет заметки о поэзии («ALL RIGHTS RESERVED»). Большое число полных ИВ Ахматова включила в исследование «Последняя сказка Пушкина». Ахматова сравнивает тексты французских, испанских и английских источников с текстом великого русского поэта, давая возможность читателю самому убедиться в сходстве и различии двух вариантов. Эти вкрапления значительны по объёму [см. 9, с. 226 и далее]. Само исследование представляет собой глубокий тонкий тщательный анализ Ахматовой «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина. Полное ИВ-цитата есть в работе «Каменный гость» Пушкина. А ввод полных ИВ не только соответствует сложившейся к 19 веку культурной традиции их ввода в текст [8], но и свидетельствует о полилингвизме автора.

Но большую часть ИВ составляют частичные, т.е. ассимилированные в той или иной степени, разных видов. Все они в графике языков-источников. Ахматова использует, например, частичные ИВ, приобретшие морфологический облик, свойственный русским словам: «Этим, по моему твёрдому убеждению, объясняются все happy-end'ы ...» [9, с. 874] (частичное ИВ вошло в словоизменительную

парадигму и в систему согласования). Ещё пример: «Она – dolphinlike, как говорит у Шекспира Клеопатра об Антонии». [9, с. 883] (ИВ – именная часть сказуемого). В той же работе о прототипах Дона Гуана «Каменный гость» Пушкина» есть частичные ИВ в графике языков-источников. Ахматова делает тщательный анализ прототипов Дона Гуана мировой литературы, цитируя в тексте или сносках европейских авторов, давая тонкие комментарии, свидетельствующие о внимании исследователя к тончайшим нюансам, используя ИВ для подтверждения правильности перевода. Например: «Точно так же поступает Дальти, герой «Portia» Мюссе, с трупом соперника, которого и находят на другой день «le front sur le pavé» («лицом на мостовой»). [9, с.387]. Ахматова даёт дословный перевод. Речевой же синоним на русском звучит грубо. К некоторым частичным ИВ Ахматова даёт пояснения, например: «Пушкин оставил своему герою репутацию безбожника, идущую от Ateista fulminado» (героя духовной драмы, которая представлялась в церквах и монастырях).» [9, с. 387 - 388] Иногда Ахматова уточняет какую-либо информацию, используя ИВ: «Дворец этот назывался jiralda (a ne Gallo de Viento)» [9, с. 224] Но всё же большая часть цитат дана Ахматовой без перевода и пояснений. Например: «Она же всю жизнь хранила легенду о grande et sublime passion Дантеса к её сестре». [9, с. 628]

Ахматова использовала в текстах научного стиля и нулевые вкрапления, «представляющие собой обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включённый в оригинальную русскую речь». [8, с. 26] Шесть нулевых вкраплений находятся в исследованиях Ахматовой о Пушкине. Они представляют собой авторский перевод писем и записок русских дворян первой трети XIX века, общавшихся по-французски в соответствии с этикетом той эпохи. Например: «Ах, что за проклятая штука счастье!»– Вяземский (XIV, 110; подлинник по-французски).» [9, с. 389] То есть автор считает необходимым упомянуть, что Вяземский писал по-французски. Контаминированных вкраплений («ломаной речи») в текстах научного стиля, не предполагающего передачу иностранного акцента, нет.

По соотношению с национально-культурной спецификой текстов у Ахматовой есть ИВ двух разрядов: непосредственно и косвенно связанные с национально-культурной спецификой содержания сообщения/текста (1 разряд) и имеющие ассоциативную связь с этой спецификой или употребляющиеся вне связи с нею (2 разряд). Большую часть составляют ИВ первого разряда. К ним относятся многочисленные онимы всех видов, которые Ахматова вводит в тексты научного стиля. Названия книг, газет, журналов даны как ИВ. Например: «Книга Вашингтона Ирвинга «The Alhambra» вышла в 1832 году в Париже» [9, с. 220]. Прослеживается тенденция: уже переведённые на русский язык произведения Ахматова, как правило, тоже обозначает по-русски; остальные – ИВ. Например, автор пишет: «Альгамбрские сказки» были полностью переведены на русский язык...» [9, с. 222]. Но «Этой легенде предпослан небольшой пролог, озаглавленный «La maison de la Giroueltte» [9, с.224]. Ещё примеры: «См., например, английскую балладу «Lord Ingram and Chiel Wyet»[9, с. 231]; «Его «The tree witch» - современник моей поэмы, и, возможно, такая близость.» [9, с. 570].

Иностранные имена из европейских языков Ахматова оформляет иногда в виде ИВ. Например: «Пушкин знал Aurelius Victor'a очень давно». [9, с. 652]; «... пишет Peter Viereck»...[9, с. 570] Обычно это имена малоизвестных широкой публике деятелей. Имена из восточных языков Ахматова передаёт русской графикой, даже если в исходных текстах на европейских языках эти имена даны на языке оригинала. Например, в великолепном исследовании «Последняя сказка Пушкина» в пространных цитатах из Ирвинга все восточные имена даны по-английски. Но в тексте Ахматовой они даны только по-русски (Абен-Габуз, Мулей-Абен-Гассан, Боабдил, Абу-Агиб и др.). Это соответствует сложившейся культурной традиции передачи ИВ из восточных языков русской графикой. Подобное обнаруживается в стихах Ахматовой и у других авторов [1, 8, 10 и др.].

По традиции XIX века Ахматова имена русского дворянского сословия оформляет на французский манер, например: «Вот питательный бульон, на котором затем те, кого это устраивало, создали легенду о романе Пушкина с Alexandrine.» [9, с. 620] В черновиках работы о Пушкине Ахматова сокращает имя русской дамы и даёт его как ИВ: «Al. выезжала в свет вместе со своими сёстрами, а не занималась хозяйством и детьми» [9, с. 626]. К ИВ первого разряда относятся многочисленные французские вкрапления, передающие письменную речь русских дворян, которые по традиции писали друг другу по-французски. Например: «Демоном называет Собаньскую и Пушкин: «Vous etes le démon» (Вы - демон)»». [9, с.641] Эти многочисленные вкрапления Ахматова переводила, давая возможность убедиться читателю в правильности перевода, но и понимая, что свободное владение французским людей определённого круга ушло в прошлое, т.е. она ориентировалась на нового читателя.

С национально-культурной спецификой текста связано ИВ-название испанского дворца: «Дворец

этот назывался *La casa del Gallo de Viente...*» [9, с.224].

Особую роль в текстах научного стиля Ахматовой играют узуальные ИВ, выполняющие так называемую «престижную» функцию, которая корнями уходит в западноевропейскую средневековую литературу, откуда использование ИВ в этой роли было заимствовано со временем и русской литературой. Постепенно сложился международный фразеологический фонд (МФФ) [11]. Ахматова употребляла вкрапления МФФ из латыни, французского, английского языков. В текстах научного стиля Ахматова неоднократно использует широко распространённое обозначение неизвестного лица/объекта N (NN). Есть и популярные аббревиатуры P.S., NB. В примечании к работе о стихах Пушкина Ахматова использует даже не характерное для научного стиля речи ИВ из МФФ: «Это настоящее SOS» [9, с. 676]. Интересно, что это вкрапление согласуется в среднем роде, хотя оно расшифровывается односоставным предложением и имеет формальный признак мужского. Черновик литературоведческой работы автор обозначила латинским вкраплением МФФ: «PRO DOMO MEA». Это выражение имеет несколько значений: «для себя», «для домашнего употребления» и «в свою защиту» (11). Все значения подходят для названия текста, но трудно сказать, какое имела в виду Ахматова; возможно, все сразу.

А. А. Ахматова «Слово о Пушкине» заканчивает фразой с латинским вкраплением МФФ, которое сам великий поэт когда-то использовал как эпиграф: «И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный аеге *perennius*» [9, с. 541]. Интересно согласование этого вкрапления. Оно переводится как «прочнее меди», «долговечный», «долговременный» [11, т.1, с.39]. Но Ахматова, вероятно, воспринимает это выражение как синоним слову «памятник».

Исследованный материал даёт возможность сделать вывод, что Ахматова привычно использует узуальные вкрапления, некоторые из которых имеют, казалось бы, аналоги в русском языке, отдавая дань культурной традиции: «... в повести «Египетские ночи» есть *aggiere-pensel*» [9, с. 651]. Французское выражение переводится как «контекст», но автор предпочитает вкрапление МФФ. Не все узуальные вкрапления, использованные Ахматовой в престижной функции, отражены в словаре А.М. Бабкина, В.В. Шендецова [11]. То есть их круг в текстах Ахматовой шире. Например, она неоднократно вводит в тексты слово *Reguem*. Интереснейший пример ещё одного вкрапления МФФ, давно заимствованного русским языком, есть в исследовании Ахматовой «Пушкин в 1828 году»: «Ср. с описанием *interieur'a* гр.И.» [9, с. 667]. Работа написана в шестидесятые годы, но автор пользуется исконной графикой. Между тем слово давно прошло этап ИВ перед вхождением в словарный запас русского языка. А за тридцать лет до времени создания этой работы, в 1933 году, в научных журналах Советского Союза были опубликованы объявления примерно с таким текстом: «Все иностранные слова и термины должны быть даны в русской транскрипции. Оригинальная транскрипция фамилии даётся, как правило, лишь в тех случаях, когда почему-либо в цитатах фамилия не указывается, желательно давать её оригинальное начертание в скобках при первом упоминании» [12, т.3, вып. 2, с. 240]. Фактически было дано указание минимизировать ИВ, которое не повлияло на ввод в тексты Ахматовой ИВ. «Ахматова есть бережливая наследница всех драгоценнейших богатств русской словесной культуры» [7, с. 203]. Этот автор продолжил русскую культурную традицию использования ИВ, сложившуюся в XIX в., в том числе в текстах научного стиля. Последний пример свидетельствует об автоматизме ввода подобных ИВ в письменный текст автором, получившим классическое дореволюционное образование, владевшим иностранными языками, привычно пользовавшегося узуальными ИВ.

В текстах научного стиля А. А. Ахматовой есть вкрапления из латыни, французского, английского, испанского, немецкого, итальянского языков. Использование ИВ в текстах научного стиля этого автора соответствует тем культурным традициям, которые сложились в XIX веке. Новая социокультурная ситуация не оказала решающего влияния на ввод ИВ в тексты научного стиля. А. А. Ахматова не использовала ИВ в русской графике, в том числе контаминированные. Ввод ИВ в её тексты научного стиля часто связан с национально-культурным своеобразием этого текста. Но А. А. Ахматова вводила в тексты научного стиля и ИВ МФФ, следуя сложившейся в России культурной традиции.

Библиографический список

1. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в художественных текстах А. А. Ахматовой // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 195 – 199.
2. Багдасарян Р. А. Анна Ахматова и армянская муза // А.А. Ахматова и национальные литературы: Материалы международной научно-практической конференции 25-26 сентября 2019 г. : Ер., Лусибия, 2019. 494с. С. 48-63.
3. Метлякова Е.В. Повторная номинация в раннем творчестве Анны Ахматовой // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2002. №23(124). С. 96-102.

4. Самсонова Т.А. Концепт «море» в «своём-чужом» пространстве поэтического мира Анны Ахматовой // Проблемы образотворчества и смыслопорождения в словесном искусстве : сб. ст. Стерлитамак : Изд-во СТПА, 2008. С. 136-142.

5. Самсонова Т.А. Художественные функции литературных имён в лирике А.А. Ахматовой // Филология и человек. 2009. №1. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. С. 153-160

6. Тугаева М.А. Трансцендентность в поэзии Анны Ахматовой // Семантические реалии метаязыковых субстанций. Международный сборник научных трудов / Под ред. докт. филол. наук Г.П. Немца. Карлсруэ Краснодар, 2001, с. 221-231.

7. Чуковский К. Ахматова и Маяковский // Вопросы литературы. 1986. №1. С.177-205.

8. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986. 144с.

9. Ахматова А.А. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009. 1007с.

10. Олейникова О.Н. Об одном речевом явлении в текстах О.Э. Мандельштама разных стилей // Воронежское лингвокраеведение. Выпуск 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. С. 47-62.

11. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3-х т. СПб., 1994.

12. Журнал общей химии. 1933. Вып. 1-5. Т. 3. 700с.

References

1. Oleynikova O. N. Foreign language inclusions in the literary texts of A. A. Akhmatova // Izvestiya Voronezh State Pedagogical University. 2022. No. 1. pp. 195 – 199.

2. Bagdasaryan R. A. Anna Akhmatova and the Armenian muse // A.A. Akhmatova and national literatures: Materials of the international scientific and practical conference on September 25-26, 2019 : Ep., Lusibia, 2019. 494p. pp. 48-63.

3. Metlyakova E.V. Repeated nomination in the early work of Anna Akhmatova// Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. Philology. Art history. 2002. No.23(124). pp. 96-102.

4. Samsonova T.A. The concept of "the sea" in the "own-alien" space of the poetic world of Anna Akhmatova // Problems of image-making and meaning-generation in verbal art : collection of art. Sterlitamak : Publishing House of STPA, 2008. pp. 136-142.

5. Samsonova T.A. Artistic functions of literary names in the lyrics of A.A. Akhmatova // Philology and man. 2009. No. 1. Barnaul: Publishing House of the Altai State University, 2009. pp. 153-160

6. Tugaeva M.A. Transcendence in the poetry of Anna Akhmatova // Semantic realities of metalanguage substances. International collection of scientific papers / Ed. doct. Philol. of sciences G.P. Nemets. Karlsruhe Krasnodar, 2001, pp. 221-231.

7. Chukovsky K. Akhmatova and Mayakovsky // Questions of literature. 1986. No. 1. pp.177-205.

8. Listrova-Pravda Yu. T. Selection and use of foreign language inclusions in the Russian literary speech of the XIX century. Voronezh, 1986. 144p.

9. Akhmatova A.A. The complete collection of poetry and prose in one volume. M.: "ALPHA-BOOK Publishing House", 2009. 1007p.

10. Oleynikova O.N. About one speech phenomenon in O.E. Mandelstam's texts of different styles // Voronezh linguo-regional studies. Issue 5: Interuniversity ongoing collection of scientific papers. Voronezh: Voronezh State University, 2021. pp. 47-62.

11. Babkin A.M., Shendetsov V.V. Dictionary of foreign language expressions and words used in Russian without translation: In 3 volumes. St. Petersburg, 1994.

12. Journal of General Chemistry. 1933. Issue 1-5. Vol. 3. 700p.

УДК 81'373

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.74.30.008

*Воронежский государственный университет
доцент кафедры теоретической и прикладной
лингвистики факультета РГФ,
кандидат филологических наук
Подтележникова Е. Н.
Россия, Воронеж
22084149
podtelezhnikova@yandex.ru*

*Voronezh State University
Associate Professor of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics RGF faculty,
candidate of Philological Sciences
Podtelezhnikova E. N.
Russia, Voronezh
22084149
podtelezhnikova@yandex.ru*

*Воронежский государственный университет
студент 4 курса
Луценко А. Ю.
Россия, Воронеж
22084149
nstltsnk@mail.ru*

*Voronezh State University
4rd year student
Lutsenko A. U.
Russia, Voronezh
22084149
nstltsnk@mail.ru*

Е.Н. Подтележникова, А.Ю. Луценко

ТЕКСТОВЫЕ МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ Е. НЕКРАСОВОЙ

В статье проведен анализ текстовых маркеров идиостиля Евгении Некрасовой, современной российской писательницы, проза которой ещё не становилась объектом лингвистического исследования. Принадлежность к литературе постмодернизма во многом обуславливает специфику структуры и содержания рассказов Е. Некрасовой, которые отличаются эклектичностью, магическим реализмом, нарушением устоявшихся норм художественного повествования, что, несомненно, привлекает читателя. Однако за кажущейся развлекательностью скрывается неприятие автором современной модели поведения и осуждение «из души шагнувших». К основным текстовым маркерам идиостиля Е. Некрасовой были отнесены стилистические (метафора, сравнение, олицетворение, перифраза, каламбур) и лексико-синтаксические (повторы). Характерной особенностью метафор является использование ментефактов в качестве сферы-аттрактора. Кроме того, для создания фантастических образов Е. Некрасова часто прибегает к приему буквализации метафоры, которая является не только способом создания художественного образа, но и особым сюжетным ходом, вызывающим недоумение читателя и создающим эффект ирреальности. Олицетворения Е. Некрасовой превращают обычные вещи в фантастических существ. К «стилистическому ядру» идиостиля писательницы наряду с метафорами также могут быть отнесены сравнения, в которых ярко проявляется авторское словотворчество, обладающее максимальной степенью окказиональности и требующее для расшифровки «настройки на волну автора». Каламбуры Е. Некрасовой не только выполняют функцию комичности, но и служат единой цели, осязаемо проявляющейся во всем творчестве автора – описанию и скрытому осуждению аморального поведения, нарушения этических норм. Перифраза чаще всего служит средством выражения иронии. Основными лексико-синтаксическими текстовыми маркерами в прозе Е. Некрасовой являются повторы, которые создают смысловую целостность художественного текста и обращают внимание читателя на самое главное. Высокая частность и использование повторов всех уровней языка говорит о несомненной значимости данного изобразительного средства для Е. Некрасовой.

Ключевые слова: идиостиль, постмодернизм, Евгения Некрасова, метафора, сравнение, олицетворение, перифраза, каламбур, повтор, стилистика.

E.N. Podtelezhnikova, A.U. Lutsenko

TEXT MARKERS OF E. NEKRASOVA'S IDIOSTYLE

The article analyzes the text markers of the idiostyle of Evgenia Nekrasova, a modern Russian writer whose prose has not yet become the object of linguistic research. Postmodernism determines the specifics of the structure and content of Nekrasova's stories, full of eclecticism, magical realism, violation of established norms of artistic narration, which attracts the reader. However, it is not the apparent entertainment which is important but the author's rejection of

the modern way of behavior and condemnation of «those who stepped out of the soul». Stylistic (metaphor, comparison, personification, periphrase, pun) and lexical-syntactic (repetitions) textual markers were attributed as the most frequent in E. Nekrasova's idiostyle. An attractor sphere of metaphors is usually mental facts. Literalization of metaphor not only makes an artistic image, but also causes the reader's bewilderment and creates the effect of unreality. Personifications of E. Nekrasova turns ordinary things into fantastic creatures. Along with metaphors, comparisons can also be attributed to the «stylistic core» of the writer's idiostyle, in which the author's word-making is clearly manifested. Puns not only creates comicality, but also describe and implicit condemnation of immoral behavior, violations of ethical norms. Periphrasis most often serves as means of expressing irony. The main lexical-syntactic text markers in E. Nekrasova's prose are repetitions that create the semantic integrity of the literary text and draw the reader's attention to the most important thing. The high frequency and use of repetitions at all levels of the language indicates the undoubted importance of them for E. Nekrasova.

Keywords: idiostyle, postmodernism, Evgenia Nekrasova, metaphor, comparison, personification, periphrasis, pun, repetition, stylistics.

Евгения Некрасова – российская писательница, сценаристка, одна из основательниц школы «Современные литературные практики». Она родилась в Астраханской области в 1985 году, затем ее семья переехала, и детство Евгении прошло в Подмосковье. Прозу Е. Некрасова начинает писать в 2011 году, и ее рассказы сразу находят отклик у читателей литературных журналов. Спустя 8 лет сборник «Несчастливая Москва» получает премию «Лицей» для молодых поэтов и писателей. Затем в 2018 книгу «Калечина-Малечина» (как и другие два сборника «Сестроммам. О тех, кто будет маяться» и «Домовая любовь») публикуют в Редакции Елены Шубиной.

Проза Е. Некрасовой отличается полифоничностью, эклектичностью, из-за чего определить ее жанровую принадлежность сложно. Текст писательницы строится не только на умении слушать и слышать другого, но и на желании заговорить на его языке. С одной стороны, герои рассказов Е. Некрасовой просты и реалистичны, а их основная задача – решить свои житейские проблемы. В то же время, произведения Е. Некрасовой пропитаны магическим реализмом, превращающим сюжет в нечто фантастическое [1]. Внутри текста прослеживается первозданное магическое мышление, присутствующее во все времена русскому народу [2]. Кажется, что цель этого – донести до читателя мысль о том, что большинство людей не имеет власти над собой, своей судьбой и миром. Но при этом все рассказы объединяются одним общим мотивом: призывом к человечности, к познанию и обретению самого себя.

Идиостиль Е. Некрасовой отвечает основным запросам постмодернизма и является отражением современного менталитета, выражением уникального мировосприятия, ощущением значимости человека в окружающем мире [3]. Главным отличием языка постмодернизма является то, что в приоритете у автора стоит форма, а не значение, стиль, а не содержание. Другими словами, писателю намного важнее игра с языковыми средствами, их реализация внутри текста, а также возможность смешения компонентов разных литературных жанров и стилей [4]. Художественный текст строится как некое подобие мира, еще один альтернативный мир, где основным предназначением текста является нескончаемый диалог, направление которого определяет не сам автор и его замысел, а случайность и языковая игра.

В текстах постмодернизма с лингвистической точки зрения можно выделить несколько фундаментальных принципов. Во-первых, построение сюжета происходит хаотично, без соблюдения каких-либо правил. Сюжет во многих случаях парадоксален, фантастичен, ирреален. Кроме того, текст строится на смешении жанров и стилей, изобилует окказионализмами, интертекстуальными связями. Делая читателя соавтором, писатель-постмодернист насыщает текст иронией, намеками, недосказанностью, поэтому интерпретация произведений неоднородна и предполагает несколько вариантов [5].

Основной целью данной работы является выявление особенностей идиостиля Е. Некрасовой, в первую очередь, его текстовых маркеров. Источником материала послужили 7 рассказов Евгении Некрасовой общим объемом 14710 словоупотреблений: «Сестроммам» (2015), «Лакомка» (2014), «Вера» (2019), «Начало» (2017), «Поля» (2019), «Павлов» (2014), «Лицо и головы» (2017).

Как известно, для характеристики идиостиля писателя необходимо исследовать совокупность некоторых отличительных признаков и закономерностей, проявляющихся в форме и содержании текста, созданного определенной языковой личностью. Особенности, найденные в тексте, находятся в прямой зависимости от самого автора, его психологического портрета, социального статуса, мировоззрения, и даже национальной принадлежности и культурного наследия страны, в которой автор про-

жил большую часть жизни [6]. В лингвистике определение идиостиля писателя связано, в первую очередь, с изучением набора языковых средств и их взаимодействия. Более того, важно помнить и то, что, хотя на данный момент не существует единого способа представления личностных смыслов автора, но можно легко обнаружить преимущественное их использование в тексте [7].

Вслед за М.Н. Макеевой и Е.Н. Лучинской среди наиболее важных мы выделяем стилистические и лексико-синтаксические текстовые маркеры, которые являются отличительной чертой творчества писателя, и тем самым привлекают внимание как читателя, так и исследователя [8; 9].

Стилистические маркеры (метафоры, перифразы, сравнения и пр.) наиболее ярко характеризуют автора как языковую личность, создают в тексте неповторимую атмосферу, придают тексту слаженность, добавляют новые смыслы, намеренно искажая восприятие содержания читателем [10]. Этим и объясняется «бесконечное количество переходов, инверсий, при которых одно и то же слово может приобретать в зависимости от контекста не только отличные, но и полностью противоположные значения» [11, с. 3]. Как известно, классификация стилистических фигур представляет определенные трудности ввиду их многочисленности и разноплановости [12]. В данной работе основное внимание уделяется таким наиболее частотным стилистическим маркерам идиостиля Е. Некрасовой, как метафора, сравнение, олицетворение, перифраза и каламбур.

В метафорах постмодернизма отражены в образной краткой форме «сущностные признаки постмодернистского мировосприятия» [13, с. 92]. Н.Д. Арутюнова пишет, что «чем дальше друг от друга противопоставляемые разряды объектов, тем ярче «метафорический сюрприз» от их контакта»: удачная метафора предполагает «соположение далекого» [14, с. 20], что полностью соответствует замыслу писателя-постмодерниста.

Метафоры, также как и сравнения, в рассказах Е. Некрасовой были проанализированы в рамках теории когнитивной метафоры [15]. Статистический анализ показал, что наиболее частотными в прозе Е. Некрасовой являются антропоморфные и природоморфные метафоры. При этом сферой-аттрактором выступают такие ментефакты, как душа (*У Сестромама душа шагнула из тела, а Анечка сама шагнула из души* [16, с. 12]), вина (*Вина посмотрела Павлову в серо-голубые глаза и простонала* [16, с. 1]) и др. Природоморфные метафоры обеспечивают высокую образность рассказам, и в их структуре сферой-аттрактором также часто являются ментефакты. В рассказе «Вера» тревожное, ледяное предчувствие уподобляется котенку, который «всё чаще вместо снов по ночам к Вере» [16, с. 6] забирается в кровать. Используя природоморфную метафору и творительное сравнение, автор далее пишет, что «*следующим стёклышком калейдоскопа в Верину жизнь впился плен*» [16, с. 6], где источником метафорического переноса служит зверь или насекомое и их способность атаковать жертву, что усиливает образность при описании трагической жизни главной героини.

Одной из отличительных черт идиостиля Е. Некрасовой также является буквализация метафоры, когда метафорическое выражение употребляется в прямом (непереносном) смысле. Данный прием имеет большой художественный потенциал, так как с его помощью в тексте материализуется то, чего в реальном мире не может существовать [17]. Несмотря на то, что в метафоре элементы реальности сочетаются со сверхъестественным, невероятным, чудесным [18], «сама по себе метафора фантастикой не является, но, представленная во плоти, становится ею» [19, с. 60]. Буквализация метафоры превращает в реальность «осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явления другого рода» [20, с. 389]. Именно это позволяет создать поистине нереальный, фантастический образ [17].

Нелегкая жизнь женщины в военное время лежит в основе сюжетов многих литературных произведений. Однако рассказ Е. Некрасовой «Вера» отличается от подобных ему наличием зрительных образов, позволяющих с неожиданной стороны взглянуть на привычный сюжет и добавляющих элементы фантастичности. Буквализация метафоры здесь очень продуктивна и используется автором не только как способ создания художественного образа, но и как особый сюжетный ход. В следующем контексте на первый взгляд используется стертая метафора *прятать глаза*, которая знакома читателю и не противоречит его языковому опыту: *От такого пристального досмотра даже самые опытные смущались и прятали от Веры глаза в нагрудные карманы* [16, с. 4]. Однако далее происходит «развенчивание», буквализация метафоры (*в нагрудные карманы*), вызывающее недоумение и создающее эффект ирреальности. И ниже ... «*виноватые*», *при виде её роняли глаза в туфли и ботинки* [16, с. 4]. Аналогичный прием использует Е. Некрасова в контексте *Она, всеядная от радости, пожирала глазами всё попутное* [16, с. 4], где метафоричность исчезает, превращаясь в реальность, глаза становятся «всеядным» существом.

Следует отметить, что особенностью идиостиля Е. Некрасовой также является перенасыщенность стилистическими средствами при создании глубоких, ярких, детально проработанных образов. Каждый рассказ автора представляет собой особый мир, который, как мозаика, складывается из фантастических, ирреальных картин. Образы неожиданны, непредсказуемы, но всегда служат одной цели – подвести читателя к пониманию неприглядной жизни героев. Об этом нельзя написать открыто, назвать всё своими именами, оттолкнув при этом читателя. Высокая образность служит своего рода защитой, позволяющей скорее «дочувствовать», чем додумать, все, что хотел сказать автор. Так, например, рассказ «Лакомка» открывается следующим описанием яркого солнечного света: *Кочевое царство света разбило лагерь в квартире номер три на Первомайской улице. Лучи лезли в глаза, как слепни. Крест рамы был съеден ими почти до основания... Книжный шкаф, диван, кресло, два стула, гардероб, кровать и телевизор — всё дрейфовало в липком солнечном желтке* [16, с. 3]. В данном случае автор создает ужасающую картину страдания и разрушения, задающую тон дальнейшему повествованию. В социоморфной метафоре *кочевое царство света разбило лагерь* сферой-источником является вражеское войско, захватившее чужую территорию. Сравнение *лучи лезли в глаза, как слепни* и его развитие усугубляют ситуацию. Тактильная метафора - *всё дрейфовало в липком солнечном желтке* – позволяет читателю глубоко прочувствовать намерение автора и предугадать основной эмоциональный фон рассказа.

Также обращает на себя внимание широкое использование Е. Некрасовой олицетворения как разновидности метафоры, под которым подразумевается «приписывание в контексте художественного произведения неживым предметам, животным, растениям и отвлеченным понятиям человеческих свойств» [21, с. 35]. Например, в рассказе «Сестромам» разбитое фарфоровое блюдо кричит: *«Смотрите, люди, я пережило революцию, голод, войну, потом снова голод, не отдано за хлеб и сахар, а теперь скалюсь осколками с пола!»* [16, с. 11]. Гардероб в рассказе «Лакомка» при попытке его открыть *«...ругался, поскрипывал, но не сдавался. Инна раздражённо задвинула ящик обратно в паз, и гардероб, видимо, от боли тут же выдал ей свой язык до самого корня, издав громкий деревянный стон»* [16, с. 3]. Мебель, двери, посуда, автомобили превращаются в произведениях Е. Некрасовой в фантастических существ, создавая особый неповторимый мир.

Вторым стилистическим маркером идиостиля Е. Некрасовой являются индивидуальные образные сравнения, которые неизменно присутствуют в рассматриваемой серии рассказов и наряду с метафорами могут быть отнесены к «стилистическому ядру» идиостиля писательницы. В отличие от метафор, наиболее частотными из которых являются антропоморфные, сферой-источником сравнений во многих случаях выступают животные и растения: *Он дышит как рыба на камне* [16, с. 12]; *В метре от нее гудел похожий на акулу автомобиль* [16, с. 4]; *Бумажка капутным листом скрипела в жстатом кулачке* [16, с. 3].

Кроме того, сравнения Е. Некрасовой отличаются сочетанием слов, которые, на первый взгляд, имеют мало общего, и подобно сравнениям Т. Пратчетта «объединены исключительно посредством ярко выраженных личностных смыслов, заключенных в структурах объекта и эталона сравнения, что и позволяет провести их сближение» [22, с. 17]. В таких случаях ярко проявляется авторское словотворчество, обладающее максимальной степенью окказиональности и требующее для расшифровки «настройки на волну автора»: *Анечка маялась уравнивать, интегрировать, косинусить... Числа склянками звенели под Анечкиными извилинами* [16, с. 11]; *Костя зажмурился и попытался вынуть из жижи памяти мать – не смог* [16, с. 2]. И метафоры, и олицетворения, и сравнения используются Е. Некрасовой для создания фантастических картин, выходящих за пределы реальности: *Мама лежала на диване в клумбе своего халата... Хлопковые розы украшали маму от колен до шеи. Инна удивлялась, почему не колются... Когда она заснула, солнечные лучи котятками обосновались на её боку, не боясь шипов* [16, с. 3].

Наряду с метафорой и сравнением к числу стилистических маркеров идиостиля Е. Некрасовой следует отнести каламбуры, при которых происходит контрастирование плана содержания формально тождественных или сходных языковых единиц [23]. Необходимым условием для возникновения каламбурного эффекта является наличие позиции актуализации семантической неоднозначности, которая и является основой игры слов [24]. Рассмотрим пример из рассказа «Поля»: *Лужев знал всё про семью. Днём дочку прежде в сад, она – цветок. Теперь в школу, но она всё равно цветок, раз растёт* [16, с. 9]. Здесь основой каламбура является столкновение двух значений многозначного слова *сад*, выбор одного из которых затруднен пояснением автора. С одной стороны, трогательное, бережное

отношение отца к дочери выражается в её сравнении с цветком, при этом рост и развитие девочки-цветка подчеркивается переходом из детского сада в школу. Однако, несмотря на взросление, для отца она *всё равно цветок*. Горькая ирония заключается в том, что мир Лужева создан женой – Полей-самобранкой, а когда она уходит, герой понимает, что любит понятие «семья», а «материнство/отцовство и детство» ненавидит.

Каламбуры Е. Некрасовой, обладая на первый взгляд выраженной комичностью, служат единой цели, ощутимо проявляющейся во всем творчестве автора – описанию аморального поведения, нарушения этических норм. При этом автор позволяет читателю самому сформировать мнение об этом, не осуждая и не наставляя, а создавая живые образы с помощью различных языковых средств. Так, в рассказе «Лакомка» каламбур *пили пиво, плевались семечками и матом* является основой неожиданного зрительного образа. В рассказе «Сестроммам» нежелание героини учиться описывается как радость оттого, что *Сестроммам вдруг отпустил. Не таскал Анечку по лесам и математикам* [16, с. 12].

В качестве следующего стилистического маркера идиостиля Е. Некрасовой была выделена перифраза, которая заменяет название предмета или явления, описывая наиболее характерные его черты, и обычно содержит оценку обозначаемого или экспрессию [25]. Перифраза расширяет «сюжет слова», часто обладает гиперэкспрессивностью, которая обеспечивается необычностью номинации. Textoобразующее свойство перифразы обусловлено её иносказательной природой и порождает особую сферу перифрастического влияния, проявляющегося в синонимических, антонимических, деривационных и других связях. У Е. Некрасовой перифраза часто служит средством выражения иронии: *Третий был восстановленный винтажный «жук»*. *Павлов поначалу смеивался над залатанным металлическим насекомым* [16, с. 1]; ... *принялся, как всегда, сторожить разноцветный отряд переоценённого железа* [16, с. 1]; ... *вместе с другими пассажирами она вышла из рогатой железной скорлупки на забрызганный солнцем снег* [16, с. 6].

К стилистическим текстовым маркерам идиостиля Е. Некрасовой следует отнести и индивидуально-авторские окказионализмы, однако они настолько многочисленны и разнообразны, что должны стать предметом отдельного исследования.

Лексико-синтаксические маркеры обычно представлены в тексте в виде уникальных конструкций, показывающих сложность синтаксиса конкретного произведения. В рассказах Е. Некрасовой эту функцию выполняют повторы, которые создают смысловую целостность художественного текста, с точки зрения экспрессивности способствуют появлению новых возможностей интерпретации слова или словосочетания, а также гармонизации [26]. Высокая частота повторов и использование различных их видов говорит о несомненной значимости данного изобразительного средства для Е. Некрасовой.

В рассказах писательницы были выявлены повторы всех уровней языка. Так разновидностью фонетических повторов являются артикуляционно-ассоциативные, которые в своей основе имеют произвольную фонетически мотивированную связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым признаком денотата. В рассказе «Поля» Е. Некрасова использует многократное повторение звука [ж] для усиления чувства беспокойства, неуверенности, раздражения: *Жена и женщина – жуужало в мозгу у Лужева... Жонглировал: жена и женщина... Он жрал негодный коньяк на лавке и шептал в шапку прожжённой пьянчужке...* [16, с. 9] Особенностью словообразовательного повтора является соположение сходных по морфемной структуре слов для интенсификации важных элементов: *мама... сотворила потоп. Галя потопала к администратору зала...* [16, с. 8]. К семантическим повторам относится использование паронимов (усиленных в данном случае фонетическим повтором): *Русалка-ругалка орала на Галю-гору, получая эхо* [16, с. 8]; однокоренных антонимов: *Галя сразу узнала Полубога, что тут неясного. Глаза ясные, с икон...* [16, с. 8]. В основе синтаксического повтора лежит частичное или полное повторение языковой единицы. Например, в рассказе «Сестроммам» при описании «танца между кабинетами-регистратурами» Анечке (которая «Взрослая? Взрослая!») «нужно участие, участие», которое она ожидает от участкового [16, с. 12]. При этом в данном рассказе повторы отдельного слова (*шагнула*) и повторы части предложения (*всё у Анечки хорошо*) на протяжении всего текста являются сюжетообразующими признаками кумулятивности как одной из характеристик постфольклора [27].

Таким образом, идиостиль Е. Некрасовой является крайне интересным объектом для лингвистического анализа. Его можно охарактеризовать как сочетание двух стратегий: развлекательности, красочности и ироничности с одной стороны, и глубокой философичности – с другой. Мастерское

использование стилистических и лексико-синтаксических средств помогает автору создать уникальный фантастический мир «из души шагнувших».

Библиографический список

1. Пучкова А.В. Магический реализм в сборнике Евгении Некрасовой «Сестроммам» как способ осмысления бытовой действительности // *Архивариус*. 2021. Т. 7, Вып. 6 (60). С. 70–73.
2. Погорелая Е.А. Человек очеловечивающийся. Евгения Некрасова // *Вопросы литературы*. 2020. №4. С. 78-90.
3. Бронская Л.И. Эдуард Лимонов как зеркало русского постмодернизма // *Русский постмодернизм: предварительные итоги*. Ставрополь. 1998. С. 146-153.
4. Долгенко А.Н. Фьюжн как принцип (об эклектике в постмодернизме) // *Известия ВГПУ М.*, 2012. С. 140-143.
5. Федосова Т. В. Репрезентация времени в постмодернистском дискурсе // *Филология и человек*. 2012. № 1. С. 18-27.
6. Самарская Т. Б., Поздеева Т. В. Языковые средства создания идиостиля // *Научный журнал КубГАУ*, вып.116 (02). Краснодар, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/02/pdf/08.pdf>, свободный.
7. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста : психолингвист. аспект. Новосибирск : Новосиб. университет, 1992. 133 с.
8. Макеева М.Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия. Тамбов, 2000. 329 с.
9. Лучинская Е.Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: монография. Краснодар: Кубан. Гос. Ун-т, 2002. 194 с.
10. Зубкова Л. Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (к проблеме «произвольности» языкового знака) // *Вопросы языкознания*, 1986. № 5. С. 55-65.
11. Голованевский А.Л. От метафоры к метонимии // *Вестник Брянского государственного университета*. 2013. № 2. С. 278-284.
12. Пекарская И.В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*, 2017. № 21. С. 83-95.
13. Прохорова Т.Г., Шамина В.Б. Метафоры постмодернизма в литературе XX века // *Постмодернизм в зарубежной и русской литературах*. - Казань: Каз. ун-т, 2011. С. 92-105.
14. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 5-32.
15. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. 248 с.
16. Некрасова Е. *Сестроммам. О тех, кто будет маяться* [рассказы, повести]. «Издательство АСТ», 2019. https://www.litmir.me/br/?b=653953&p=1#section_1 (Дата обращения: 30.10.2022).
17. Гриднева Н. А. Буквализация метафоры в художественном языке фантастики (на примере рассказов Р. Брэдли) // *Rhema. Рема*. 2019. № 1. С. 9-19.
18. Нудельман Р. *Фантастика* // *Краткая литературная энциклопедия*, Т. 7. М., 1972. с. 886-888.
19. Чернышева Т.А. *Природа фантастики*. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 331 с.
20. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем* // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 387-415.
21. Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2019. Т. 18, № 1. С. 33–46.
22. Баранова Т.М. Индивидуальное образное сравнение как компонент идиостиля Т. Пратчетта и особенности его перевода на русский язык (на материале романов серии «Плоский мир»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 29 с.
23. Вороничев О.Е. *Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: автореф. дис. ... докт. филол. наук*. Москва, 2014. 51 с.
24. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // *Вопросы языкознания*, №2, 2004. с. 20-45.
25. Бытева Т.И. Феномен перифразы в русском литературном языке: проблема семантики и лексикографии: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2002. 352 с.
26. Куликова З.П. *Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М.Цветаевой и Р.М. Рильке: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Ростов-на-Дону, 2007. 24 с.
27. Неклюдов С.Ю. *После фольклора* // *Живая старина*. 1995. № 1. С. 2-4.

References

1. Puchkova A.V. Magical realism in the collection of Evgenia Nekrasova "Sestromam" as a way of understanding everyday reality // *Archivarius*. 2021. Vol. 7, Issue 6 (60). pp. 70-73.
2. Pogorelaya E.A. A humanizing person. Evgenia Nekrasova // *Questions of literature. Russian Post-modernism: preliminary results*. 2020. No. 4. pp. 78-90.
3. Bronskaya L.I. Eduard Limonov as a mirror of Russian postmodernism // *Russian postmodernism: preliminary results*. Stavropol. 1998. pp. 146-153.
4. Dolgenko A.N. Fusion as a principle (on eclecticism in postmodernism) // *Izvestiya VSPU M.*, 2012. pp. 140-143.
5. Fedosova T. V. Representation of time in postmodern discourse // *Philology and man*. 2012. No. 1. pp. 18-27.
6. Samarskaya T. B., Pozdeyeva T. V. Linguistic means of creating an idiostyle // *Scientific Journal of KubGAU*, issue 116 (02). Krasnodar, 2016. [Electronic resource]. Access mode: <http://ej.kubagro.ru/2016/02/pdf/08.pdf>, free.
7. Pishchalnikova V.A. The problem of the meaning of a literary text: a psycholinguist. aspect. Novosibirsk : Novosibirsk. University, 1992. 133 p
8. Makeeva M.N. The rhetoric of a literary text and its hermeneutical consequences. Tambov, 2000. 329 p.
9. Luchinskaya E.N. Postmodern discourse: semiological and linguoculturological aspects of interpretation: monograph. Krasnodar: Kuban. State. Un-t, 2002. 194 p.
10. Zubkova L. G. On the correlation of the sound and meaning of a word in the language system (to the problem of "arbitrariness" of a language sign) // *Questions of Linguistics*, 1986. No. 5. pp. 55-65.
11. Golovanevsky A.L. From metaphor to metonymy // *Bulletin of the Bryansk State University*. 2013. No. 2. pp. 278-284.
12. Pekarskaya I.V. About the existing typologies of stylistic figures (analytical review) // *Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University*, 2017. No. 21. pp. 83-95.
13. Prokhorova T.G., Shamina V.B. Metaphors of postmodernism in the literature of the twentieth century // *Postmodernism in foreign and Russian literature*. - Kazan: Kaz. un-t, 2011. pp. 92-105.
14. Arutyunova N. D. Metaphor and discourse // *Theory of metaphor*. M., 1990. pp. 5-32.
15. Chudinov A. P. Metaphorical mosaic in modern political communication: textbook. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University. un-ta, 2003. 248 p.
16. Nekrasova E. Sestromam. About those who will be worried [stories, novellas]. LLC "AST Publishing House", 2019. https://www.litmir.me/br/?b=653953&p=1#section_1 (Accessed: 10/30/2022).
17. Gridneva N. A. Literalization of metaphor in the artistic language of fiction (on the example of R. Bradbury's stories) // *Rhema*. Rema. 2019. No. 1. pp. 9-19.
18. Nudelmar R. Fiction // *Brief literary Encyclopedia*, Vol. 7. M., 1972. pp. 886-888.
19. Chernysheva T.A. The Nature of Fiction. Irkutsk: Publishing house Irkut. un-ta,, 1984. 331 p.
20. Lakoff J., Johnson M. Metaphors that we live by // *The theory of metaphor*. M., 1990. pp. 387-415.
21. Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Dictionary description of personification as a problem of poetic lexicography // *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2019. Vol. 18, No. 1. pp. 33-46.
22. Baranova T.M. Individual figurative comparison as a component of T. Pratchett's idiosyncrasy and features of its translation into Russian (based on the material of the novels of the Discworld series): autoref. dis. ... Candidate of Philology. sciences. Mytishchi, 2021. 29 p .
23. Voronichev O.E. Pun as a phenomenon of Russian expressive speech: abstract. dis. ... doct. philol. sciences. Moscow, 2014. 51 p.
24. Zaliznyak A.A. The phenomenon of ambiguity and ways of its description // *Questions of Linguistics*, No.2, 2004. pp. 20-45.
25. Byteva T.I. The phenomenon of periphrasis in the Russian literary language: the problem of semantics and lexicography: dis. ... doct. philol. sciences. Moscow, 2002. 352 p.
26. Kulikova Z.P. Repetition as a means of expressiveness and harmonization of poetic texts by M.Tsvetaeva and R.M. Rilke: abstract. dis. ... Candidate of Philology. sciences. Rostov-on-Don, 2007. 24 p.
27. Neklyudov S.Yu. After folklore // *Zhivaya starina*. 1995. No. 1. pp. 2-4.

УДК 808.2:82-3

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.76.94.009

Воронежский государственный технический университет

преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Устинова Н.Н.

Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48

e-mail: xelina@list.ru

Voronezh State Technical University

The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant

Ustinova N.N.

Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48

e-mail: xelina@list.ru

Н.Н. Устинова

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИОНИМОВ

В статье уделяется внимание системному изучению библионимов как одному из важнейших компонентов художественного произведения. Исследование в этом направлении актуально и значимо, поскольку название текста тесно связано с его содержанием, а значит, способно раскрыть его лучше читателю. Приводятся примеры названий книг ранних текстов, когда заголовков в привычном представлении вовсе не было. Рассматриваются произошедшие метаморфозы с названиями, как они появились и как исчезали или менялись с течением времени. Эти названия сравниваются с названиями текстов авторов XX века, в частности, с названиями иронических детективов Дарьи Донцовой. Сами авторы к выбору библионима относятся по-разному, это надо учитывать при изучении вопроса о влиянии названия на содержание. Также затрагивается вопрос о целесообразности версии прямого влияния названия художественного текста на его содержание. Оно может указывать на систему образов или на одного персонажа, может описывать сюжет, содержать парадоксы, может указывать на внутреннее состояние героя. В статье рассматриваются структурные изменения заголовков, произошедшие в ходе развития литературы, отмечаются многоплановость и многофункциональность названий произведений, возможность формирования сложного знакового комплекса, встроенную в текст программу интерпретации. Также предлагается подходить к семантике названия текста с разных позиций. Можно делать определенные выводы на этапе знакомства с названием, можно позже, в процессе работы над текстом, а можно осмыслить заголовок уже после прочтения. В любом случае, выбор заголовка требует от автора текста мастерства, а от читателя умения правильно его интерпретировать.

Ключевые слова: библионим, художественный текст, компонент исследования, содержание, автор, интерпретация, многоплановость, многофункциональность, знаковый комплекс.

N.N. Ustinova

ASPECTS OF STUDYING OF BIBLIONYMS

The article focuses on the systematic study of biblionyms as one of the most important components of the study of a work of art. Research in this direction is relevant and significant, since the title of the text is closely related to its content, and therefore is able to reveal it to the reader better. Examples of book titles of early texts are given, when there were no titles in the usual representation. The metamorphoses that have taken place are considered with names, how they appeared and how they disappeared or changed over time. These titles are compared with the titles of texts by authors of the 20th century, in particular, with the titles of ironic detective stories by Daria Dontsova. The authors themselves treat the choice of a biblionym differently; this should be taken into account when studying the question of the influence of the name on the content. The question of the expediency of the version of the direct influence of the name of a literary text on its content is also raised. It may indicate a system of images or one character, it may describe the plot, contain paradoxes, it may indicate the internal state of the hero. The article discusses the structural changes in headings over time, notes the versatility and multifunctionality of the titles of works and context, the possibility of forming a complex sign complex, and the program of interpretation built into the text. It is also proposed to approach the interpretation of the title of the text from different positions. You can draw certain conclusions at the stage of acquaintance with the title, you can later, in the process of working on the text, or you can comprehend the title after reading it. In any case, the choice of heading requires skill from the author of the text, and from the reader the ability to correctly relate to its meaning.

Key words: biblionym, literary text, research component, content, author, interpretation, diversity, multifunctionality, sign complex.

В 1931 году С.Д. Кржижановским была опубликована брошюра «Поэтика заглавий». В ней исследователь обозначил системное изучение заглавий как одного из важнейших компонентов художественного произведения. В идеале С.Д. Кржижановский предполагал, что история названий, или, в современной терминологии, библионимов, в русской литературе будет изучаться так же, как история русской литературы. Но на сегодняшний день его надежды не оправдались. На данный момент некоторыми исследователями утверждается, что название произведения является «элементом текста, причём совершенно особым» [1], однако системного изучения библионимов не ведется, в связи с чем обращение к проблеме интерпретации названия произведений видится нам актуальным.

Исследование в этом направлении актуально и значимо, поскольку название текста тесно связано с его содержанием, а значит способно раскрыть его читателю лучше. Термин «библионим» является синонимом слову, обозначающему заголовок. Данный термин введен Н.В. Подольской в качестве наименования любого письменного произведения [2]. По своей формальной природе наименование может состоять не только из слова, но из словосочетания или предложения. Сами авторы к выбору названия произведения относятся по-разному, это надо учитывать при изучении вопроса о влиянии названия на содержание. Так, С.Д. Кржижановский придавал огромное значение влиянию названия на само произведение. Однако этим он сузил значение самого произведения. Для исследователя название обязано было полностью совпадать с главной мыслью. Согласно этой теории, те произведения, названия которых не достаточно полно отображают главную мысль, не представляют той ценности, которую имели до этой теории. По понятным причинам она не получила распространения. Дело в том, что название не обязано полностью совпадать по смыслу с текстом. Согласно этому аспекту интересной представляется мысль, которую изложил позже в начале XX века О. Мандельштам. Он считал, что смысл названия произведения «торчит пучками в разные стороны» [3]. При этом не все пучки направлены на глубину текста. Может быть затронут контекст, период, в котором он написан, литературный процесс, этапы жизни самого автора. А в XXI веке У. Эко высказал мысль, что «название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их» [4].

Но теория, которая была выдвинута С.Д. Кржижановским, не была окончательно забыта. В основу изучения вошли многие обозначенные им в 30-е годы аспекты анализа названий. В частности, исследователи обращают внимание на историческую смену приоритетных типов заглавий. Действительно, в древности заголовков как таковых не было. В названиях ранних текстов часто присутствовало слово «книга», например: «Книга Бытия», «Книга Исход». В древнерусской литературе в названиях произведений обычно присутствовало обозначение жанра, например, «Повесть о Петре и Февронии». Но вскоре под влиянием западноевропейской литературы появляются и новые виды заголовков. В работе С. Кржижановского содержатся наблюдения над метаморфозами с именем автора в заглавии, как оно появилось и как исчезало или менялось с течением времени, содержалось указание на предполагаемого читателя, жанровое определение или творческий метод. В качестве иллюстрации автор приводит в пример название завуалированной автобиографии 1668 года «Чудаковатый Сиплициссиум, или описание жизни одного чудака по имени Мельхиор Штрэнфельд фон Фуксгейм, где и когда он явился на свет, что видел, познал и пережил и почему оный свет снова добровольно покинул. Чрезвычайно занимательное и во многих отношениях полезное чтение». Как видим, название состоит из большого количества слов, оно сложное по структуре. В 1921 году текст с такой же жанровой структурой автор озаглавил кратко одним словом «Я». Привлекательно смотрится включение в структуру изучения названий выявление типологической схемы заглавий, «лицевые листы» отдельных писателей, то есть повторяемость модели в рамках наследия, обращалось внимание на необходимость исследования методов оформления заглавий, смысловой связи названия с репутацией автора и годом написания текста. К сожалению, С.Д. Кржижановский не придавал названию текста многофункциональности. В идеале название содержит краткое описание сюжета. Так, к примеру, драма раннего Островского «Банкрот». В ней, согласно сюжету, содержится история плутовства богатого купца с мнимым банкротством. Также название может демонстрировать систему образов, их противостояние («Волки и овцы», «Таланты и поклонники»), может указывать на центральное лицо в системе образов («Евгений Онегин», «Рудин»), на отношение автора к изображаемому («Униженные и оскорбленные», «Инженеры-бессребреники»), намекать на парадоксы («Скупой рыцарь», «Горе от ума»), вписывать название в контекст эпохи («Накануне», «Герой нашего времени»). Заглавие может намекать на связь с уже известным произведением («Освобожденный Дон Кихот», как новая версия известной истории Мигеля де Сервантеса). Иногда название содержит прямой вопрос читателю («Кто виноват?», «Что делать?»). Этот перечень составлен по внешней, самой яркой функции, но при более пристальном рассмотрении в связи названия с текстом произведения, можно отметить его многофункциональ-

ность, стремление пронизать всю сложную и многоплановую структуру текста, даже контекста. Так, если взять название драмы «Гроза», то налицо сюжет, внутреннее состояние главной героини, где перед читателем происходит столкновение естественности чувств с жесткими рамками религиозного сознания, а также поставлена проблема, представленная в виде социально-философского спора между Диким и Кулигиным.

Согласно статистике Российской книжной палаты, на российском книжном рынке ежегодно выходит более сотни тысяч книг (так, в 2019 году было выпущено 115 171 книг). Также выходит огромное количество цифровых изданий, в том числе и самостоятельно опубликованных на различных интернет-платформах. При подготовке издания нередко встает вопрос о том, как назвать книгу. Необходимо учитывать, что заглавие книги – это комплексное явление, которое может выполнять множество функций: идентифицировать книгу, представлять ее читателю, описывать содержание произведения. Ответственность за выбор заглавия зачастую разделяется между автором и издателем, и при создании заглавия нужно учитывать не только связь с содержанием книги, но и такие категории, как вид издания, предполагаемая читательская аудитория, а также актуальные тенденции книжного рынка.

Библионимы могут формировать сложный знаковый комплекс, согласно авторскому замыслу, встроенную в текст программу интерпретации. Широко используются клише в названиях изданий, рассчитанных на массового читателя. Ключевые слова заявляют о принадлежности определенному жанру. Распространено копирование заглавий бестселлеров: книги с похожими заглавиями переполняют рынок, со временем вызывают пресыщение и перестают выполнять маркетинговую функцию. Авторы обращаются к провокационным названиям, в которых стилистически сниженная лексика и уничижительная интонация используется с целью вызвать сильный эмоциональный отклик у читателя. Книги с такими заглавиями зачастую имеют коммерческий успех, но у некоторых читателей вызывают неприятие. Обратимся к названиям художественных текстов XX века. В настоящее время основная цель выбора названия её произведений – это реклама с целью реализации, с учётом целевого назначения, литературного жанра, целевой аудитории издания, смену трендов. Экспериментальные приемы названия книг (использование аббревиатур, чисел и специальных символов, намеренное нарушение правил правописания, разные виды цитирования) позволяют выделить заглавие, однако выявленные особенности находят в постоянном изменении в зависимости от ситуации на книжном рынке и новых возникающих трендов.

Рассмотрим, к примеру, детективные романы мастера иронического направления Дарьи Донцовой, рассчитанные на массового читателя. Обратимся к названию одного из романов «Шекспир курит в сторонке». Мы видим, что автор, обыгрывая название, связывает прецедентное имя с просторечным фразеологизмом, намеренно нивелируя проблематику шекспировских трагедий по сравнению с преступной деятельностью персонажей романа. Один из героев отмечает: *«Шутка, – заулыбался мой бывший начальник, – прямо пьеса получилась. Вот я и отметил: Шекспир курит в сторонке, имел в виду, что в реальности происходят более интригующие вещи, чем в художественной литературе»* [с. 346]. А вот как в устоявшемся выражении одно из слов заменяется на созвучное, в результате чего смысл фразы меняется. Так, «Фанера Милосская» (Венера Милосская); «Хождение под мухой» («Хождение по мукам»); А.Н. Толстой «Вынос дела» (вынос тела); «Кекс в большом городе» («Секс в большом городе»), фильм «Дедушка на выданье» (девушка на выданье). Можем встретить в названиях замену в устоявшейся фразе одного слова: «Прогноз гадостей на завтра» – прогноз погоды на завтра, «Созвездие жадных псов» – созвездие гончих псов, Ромео с большой дороги» – бандит с большой дороги, «Синий мопс счастья» – синяя птица счастья, «Лягушка Баскервилей» – «Собака Баскервилей», «Али-Баба и сорок разбойниц» – «Али-Баба и сорок разбойников», сказка «Контрольный поцелуй» – контрольный выстрел, «Дантисты тоже плачут» – «Богатые тоже плачут», фильм «Каникулы в Простопфилино» – «Каникулы в Простоквашино», мультфильм «Бабки царя Соломона» – «Копи царя Соломона», Генри Райдер Хаггард «Лунатик исчезает в полночь» - «Тени исчезают в полдень», фильм «Дьявол носит лапти» - «Дьявол носит Prada» фильм. Встречается перестроение формы устоявшейся фразы «Букет прекрасных дам» – букет для прекрасных дам, «Чудовище без красавицы» – «Красавица и чудовище», сказка «Княжна с тараканами» – княжна Тараканова. Привлекательны заголовки Д. Донцовой, которые состоят из парадоксальной фразы, необычного словосочетания: «Жена моего мужа», «Муму с аквалангом», «Горячая любовь снеговика», «Камин для Снегурочки», «Клетчатая зебра», «Белый конь на принце», «Зимнее лето весны», «Запасной выход из комы», «Метро до Африки». Построение заголовка на антонимах: «Эта горькая сладкая месть», «Живая вода мертвой царевны». Использование в заголовке рифмы: «Аполлон на миллион», «Инь, янь и всякая дрянь», «Фуа-гра из топора». Заголовки с элементами словотворчества. По правилам словообразования придуманы новые, никогда не существовавшие слова. Такие заголовки, безусловно, выполняют функцию привлечения внимания читателей: «Дед Снегур и Морозочка», «Добрый док-

тор Айбандит». Заголовки-оксюмороны: «Бриллиант мутной воды», «Сволочь ненаглядная», «Квазимодо на шпильках». Можно продолжить ряд библионимов Донцовой: «Экстрим на сером волке», «Муму с аквалангом», «Бизнес-план трех богатырей», «Смех и грех Ивана-царевича» и др.). Интерпретация представленных библионимов предполагает установление их содержательной связи не только с последующим текстом, но и с фондом интертекстовых и интерсемиотических знаний читателя.

В свое время С. Кржижановский выделил в типологической системе названий произведений три основных подхода с учетом раскрытия их значений в процессе чтения. Первый, Ante-scriptum, предполагает раскрытие содержания на этапе знакомства с названием. Второй, In-scriptum, оформляется в процессе работы над текстом и возникает внутри него словосочетанием и перерождается в текст, при этом «извилистая текстовая строка кружит по прямой строке заглавия, как плющ по шесту» [6, с.23]. Третий, Posts-scriptum, означает постижение смысла уже после прочтения текста. В реальности можно наблюдать, что все три подхода могут работать сразу одновременно или поочередно взаимодополнять друг друга, поэтому строгое подобное деление не совсем целесообразно, но учитывать эти подходы при анализе библионима необходимо.

Вопрос о заглавии подробно изучен в литературоведческих работах (исследуется семиотическая сторона выбора названия, а также связь заглавия с текстом произведения, заглавие понимается как ключ к смыслу всего произведения) и лингвистических (исследуются проблемы перевода заглавия, синтаксическая и морфологическая структура заглавия). Но такие подходы не рассматривают аспекты функционирования заглавия с точки зрения актуальности издания. Заглавие зачастую заменяет собой изображение и становится центральным элементом оформления книжной обложки. Шрифтовой тип оформления, актуальный в настоящее время, позволяет экспериментировать с интерпретацией текста, в частности заглавия, на обложке. В лучших произведениях дизайнерского искусства оформление обложки отражает идею книги. Выбор шрифта, изображения, цвета, визуальная интерпретация заглавия, отражение ключевых образов литературного произведения – все это должно быть взаимосвязано и работать как единое целое в удачной книжной обложке.

Таким образом, выбор заглавия требует от автора и читателя большого мастерства. Автор должен проявить себя как талантливый художник, сумевший вместить в название как можно более ёмкую информацию о тексте и о том, что хотел в нем донести до адресата. При выборе названия надо не допустить ненамеренной двусмысленности, которая может спровоцировать ложные ожидания у читателя, а также таких ошибок, как полный повтор уже существующего заглавия, раскрытие сюжетных поворотов в заглавиях литературно-художественных произведений, противоречие заглавия содержанию книги. В любом случае, автору надо понимать, что библионим является маркером того или иного произведения, индексирует его в ряду других, а от читателя требуется способность расшифровать и верно интерпретировать то, что вынесено автором в качестве заглавия. Затрагивая вопросы изучения названий, отметим, что проблема определения специфики выбора автором заглавия для произведения любого жанра до сих пор остается в стадии изучения, в связи с чем исследование библионимов, являющихся важным компонентом художественного текста, видится нам перспективным.

Библиографический список

1. Джанджакова Е.В. О поэтике заглавий// Лингвистика и поэтика. М., 1979, с.207.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва, 1988. С.42
3. Мандельштам О.Э. Шум времени. Л., 1925. С.11.
4. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». Санкт-Петербург, 2000. С.598.
5. Донцова Д. Шекспир курит в сторонке. Москва, 2011. С.346.
6. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавия. Москва, «Никитинские субботники», 1931. С.23.

References

1. Dzhandzhakova E.V. On the Poetics of Titles // Linguistics and Poetics. M., 1979, p.207.
2. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow, 1988. p.42
3. Mandelstam O.E. Noise of time. L., 1925. P.11.
4. Eco U. Notes on the margins of the "Name of the Rose". St. Petersburg, 2000. P. 598.
5. Dontsova D. Shakespeare smokes on the sidelines. Moscow, 2011. P.346.
6. Krzhizhanovsky S. D. Poetics of the title. Moscow, "Nikitinsky Subbotniks", 1931. P.23.

УДК 82

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.37.38.010

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. И.И. Мечникова*
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Белова А.В.
Россия, Санкт-Петербург,
+79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

*St.Petersburg State Medical University named
after I.I. Mechnikov*
candidate of Philology,
assistant professor of Russian language
Belova A.V.
Russia, Saint-Petersburg,
+79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

А.В. Белова

«ЛИЧНЫЙ» ЭЛЕМЕНТ В ТЕКСТЕ РАССКАЗА АЛЕКСАНДРА ЧЕХОВА «БАБЬЕ ГОРЕ»

Статья посвящена анализу рассказа Александра Чехова, писателя, публициста и автора мемуаров об А.П. Чехове, старшего брата Антона Павловича Чехова. Главная тема рассказа — пьянство Афанасия, мужа Варвары. К данной теме в своем творчестве А. Седой (Александр Павлович Чехов) обращался не раз. Среди многочисленных рассказов, посвященных этой теме, можно выделить, например, «Бабье горе», один из лучших рассказов Ал. П. Чехова. В главном герое рассказа «Бабье горе» явно угадываются характеристики личности автора рассказа. Афанасий — человек, страдающий алкоголизмом. Это была одна из главных проблем и в жизни Александра Павловича. Об этом мы находим частые упоминания в его письмах и письмах его брата, Антона Павловича Чехова, а также в сохранившихся воспоминаниях брата Михаила Павловича и сестры Марии Павловны Чеховых, и сына Михаила Александровича Чехова. Отражение личного элемента в произведениях — это то, чем зачастую отличался слог беллетристических произведений Александра Чехова. Основным недостатком рассказов Александра Чехова, на который Антон Павлович не раз указывал брату, была субъективность. Но отойти от себя, создавая образы героев своих рассказов, Александру Чехову чаще всего не удается, что особенно заметно на примере анализа одного из лучших рассказов Александра Павловича Чехова «Бабье горе». Для сравнительного анализа в данной статье используются материалы писем Ал.П. Чехова к его брату Антону Павловичу с 1875-1904 гг. и его дневника, начатого в 1898-ом году и законченного в последние дни жизни писателя. Приведенные в тексте статьи отрывки, которые имеют явный отсыл к жизни Александра Павловича Чехова, призваны подтвердить точку зрения автора о том, что многие детали в тексте рассказа носят автобиографический характер.

Ключевые слова: Александр Чехов, беллетристика, личность автора, текст.

A.V. Belova

"PERSONAL" ELEMENT IN THE TEXT OF ALEXANDER CHEKHOV'S STORY "THE WOMAN'S SORRY"

The article is devoted to the analysis of the story of Alexander Chekhov, writer, publicist and author of memoirs about A.P. Chekhov, older brother of Anton Pavlovich Chekhov. The main theme of the story is the drunkenness of Athanasius, Varvara's husband. A. Sedoy (Alexander Pavlovich Chekhov) addressed this topic more than once in his work. Among the many stories devoted to this topic, one can single out, for example, "Indian's grief", one of the best stories of Al. P. Chekhov. In the main character of the story "Indian Woe", the characteristics of the personality of the author of the story are clearly guessed. Athanasius is a man suffering from alcoholism. This was one of the main problems in the life of Alexander Pavlovich. We find frequent references to this in his letters and those of his brother, Anton Pavlovich Chekhov, as well as in the surviving memoirs of brother Mikhail Pavlovich and sister Maria Pavlovna Chekhov, and son Mikhail Alexandrovich Chekhov. The reflection of the personal element in the works is what often distinguished the style of the fictional works of Alexander Chekhov. The main drawback of Alexander Chekhov's stories, which Anton Pavlovich pointed out to his brother more than once, was subjectivity. But to move away from himself, creating images of the heroes of his stories, Alexander Chekhov most often fails, which is especially noticeable

in the analysis of one of the best stories by Alexander Pavlovich Chekhov "Indian grief". But to move away from himself, creating images of the heroes of his stories, Alexander Chekhov most often fails, which is especially noticeable in the analysis of one of the best stories by Alexander Pavlovich Chekhov "Indian grief". For a comparative analysis, this article uses materials from the letters of A.I.P. Chekhov to his brother Anton Pavlovich from 1875-1904 and his diary, begun in 1898 and completed in the last days of the writer's life. The passages cited in the text of the article, which have a clear reference to the life of Alexander Pavlovich Chekhov, are intended to confirm the author's point of view that many details in the text of the story are autobiographical in nature.

Key words: Alexander Chekhov, fiction, author's personality, text.

Тема вина, и, как печальное следствие употребление последнего - пьянства, очень часто встречаются в произведениях русской классической литературы. Русский человек известен своей любовью к горячительным напиткам и их неумеренным употреблением. Сорокоградусная русская водка – это и увеселение для души, и лекарство при простуде, и способ сближения между людьми, и помощь в разрешении конфликтов. Под воздействием алкоголя человек становится более открытым, поскольку снимаются психологические зажимы.

К данной теме в своем творчестве обращался не раз и А. Седой (Александр Павлович Чехов – писатель и публицист, старший брат А.П. Чехова). Среди многочисленных рассказов, посвященных этой теме, можно выделить, например, «Бабы горе», один из лучших рассказов Ал. П. Чехова.

Рассказ начинается словами: «Над Варварой стряслось горе. Двенадцать лет, возвращаясь вечером со стирки или поденщины домой, она находила мужа Афанасия пьяным и после изрядной ругани била его <...> Афанасий, даже после побоев, <...> проявлял энергичную жизненность, давая супруге сдачи <...> Такое ежедневное исполнение взаимных супружеских обязательств вошло в привычку» [1; 150-151]. И вдруг случилось происшествие – Афанасий явился трезвым и задумчивым. А затем и вовсе исчез из дома. Для Варвары нарушен привычный, хоть и мучительный, ритуал многолетней жизни. Она начинает поиски мужа, но они безуспешны. Вскоре ее жизнь налаживается с появлением нового сожителя. Но происходит чудо – Афанасий возвращается. И отныне он «практически» непьющий. Больше нет причины горевать.

По отношению к своим героям тон рассказчика не обличительный, а скорее сочувствующие-ироничный: так, например, испитое лицо сожителя Варвары он насмешливо называет ликом. Для героини рассказа горем становится не образ ее жизни, а лишь его нарушение. Если уклад жизни не могут изменить сами герои, то кто же может его изменить?!

Многие детали рассказа отсылают нас к реальным фактам из жизни самого автора.

О своем пристрастии к алкоголю Александр Чехов упоминает в письмах к братьям не раз: «А я сей день проведу в обществе Кши Пши и не весь, ибо уже к 4-м часам пополудни я буду крепко спать, предварительно изблевав...» [2; 288], «Addio. Пьяная рука более не водит пером» [2; 312], «В типографии не могу добиться толку: то Неупокоева нет, а я есть, то он есть, а я пьян» [2; 733] и пр. Сообщение об очередном решении бросить пить в письме к брату Антону Павловичу встречается и в 1891-ом году, и в 1892-ом году (попытки совершались на протяжении всей жизни Александра Чехова, вот, например: «Я <...> после встрепки снова не пью» [2; 551] из письма брату Антону Павловичу от 14 октября 1888-го года), рассказ же «Бабы горе» был напечатан впервые в 1896-ом году, что позволяет провести некую параллель и сделать вывод об безусловном отражении личного опыта в тексте рассказа.

Бегство Афанасия из дома, думается, - это биографический отсыл к частым отлучкам и самого Александра Чехова: «Отец никогда не уезжал, он внезапно исчезал, и через несколько дней после его исчезновения мать получала письмо или краткую телеграмму: «Я – в Крыму», «Я – на Кавказе». Он любил путешествовать и умел это делать», - вспоминает Михаил Чехов [3; 80-81]. «Но печальны были его возвращения, - добавляет Михаил Чехов. – Печальны потому, что отец возвращался больным. Он страдал тяжелыми, изнурявшими его физически и нравственно приступами запоя. Его исчезновения были мучительной борьбой с приближавшимися припадками. Его колоссальная воля задерживала наступление болезни надолго, но болезнь всегда побеждала его, и он, сгорая от стыда и мучаясь за мать и за меня, с болью в голосе тихо говорил:

– Мать, пошли, милая за пивом» [3; 48-49].

В 1897-ом году им предпринята поездка по островам Финского залива с психиатром В.В. Ольдерогге в поисках места для изоляционной колонии больных-алкоголиков. Тогда же написана и издана брошюра «Призрение душевнобольных в Петербурге. Алкоголизм и возможная с ним борьба» («Затаянная и излюбленная Ольдерогге и мною идея колонии алкоголиков на островах близка,

кажется к осуществлению. Что могли – сделали по силам. Общее сочувствие. Во главе дела поставили в виде затычки принца Ольденбургского. Авось вывезет. Не погибать же алкоголикам! Дай Бог сделать что-либо хоть мало-мальски доброе», - пишет он в письме к брату Антону [2; 771].

«Судьба (а может и он сам) – вспоминает Михаил Александрович Чехов, – подшутила над ним: он был автором книг на тему «Алкоголизм и борьба с ним» <...> однажды отец согласился на опыт гипноза. Отец и О. (Ольдерогге – известный профессор, лечивший алкоголиков гипнозом – А.Б.) сели друг против друга и, если мне не изменяет память, О. быстро задремал под взглядом отца» [4; 16].

Основным недостатком рассказов Александра Чехова, на который Антон Павлович часто указывал брату, была субъективность: «А между тем ты не рожден субъективным писакой... Это не врожденное, а благоприобретенное... Отречься от благоприобретенной субъективности легко, как пить дать... Стоит быть только почестней: выбрасывать себя за борт всюду, не совать себя в герои своего романа, отречься от себя хоть на 1/2 часа <...> Не будь этой субъективности, этой чмыревщины, из тебя вышел бы художник полезнейший» (письмо от 20-х чисел февраля 1883-го года) [2; 333]. Спустя шесть лет, говоря о пьесе Александра, А.П. Чехов вновь повторяет: «Старайся быть оригинальным и по возможности умным <...> Помятуй, кстати, что любовные объяснения, измены жен и мужей, вдовьи, сиротские и всякие другие слезы давно уже описаны» [2; 572]; «Главное, берегись личного элемента. Пьеса никуда не будет годиться, если все действующие лица будут похожи на тебя... Людям давай людей, а не самого себя» [2; 577]. Александр Павлович во многом был согласен с братом: «Ты прав, упрекая меня в том, что все мои действующие лица в рассказах малодушничают и – чиновники <...> Тем из жизни брать невозможно <...> Единственный исход – моя чиновничья среда <...> Среда, в которой я живу – не по мне» [2; 392].

Когда из жизни взять тему невозможно, то, вероятно, можно использовать свой личный опыт, что с успехом и происходит, судя по деталям рассказа «Бабье горе».

Первый брак Александра Чехова (не венчанный) с Анной Ивановной Хрущевой-Сокольниковой был мучительным и сложным, в этом союзе родились трое детей (первый ребенок – дочь Мария умерла во младенчестве в 1884-ом году). Отношения супругов чаще всего не были равными: «Тут были и помои и слезы, и упреки, и отчаяние, и все, что хочешь» [2; 391]. После смерти первой супруги Александр Павлович остался вдовцом с двумя маленькими сыновьями. Второй его женой стала Наталья Александровна Гольден, родившая ему третьего сына – Михаила Чехова, впоследствии ставшего всемирно известным актером и режиссером. И второй брак был не очень счастливым. Опыт неудачного супружества Александра Чехова переносится в его рассказы, в том числе угадывается и в тексте рассказа «Бабье горе». Это можно проследить и в описании тоски Афанасия, и в размышлениях о своей жизни Варвары (скрытые желания о сочувствии и любви своих близких людей, не принимавших и не понимавших его полностью).

Упоминание о смертях детей у главных героев, безусловно, имеют отсылку к реальным событиям – потере первого ребенка Александром Чеховым (Моси-Марии), которую он полностью никогда так и не смог пережить. Страх потерять ребенка еще посетит Александра Павловича, когда его семимесячный младший сын Михаил тяжело заболел в 1892-ом году.

Образ главного героя, добродушного, прощающего, как-будто проявляет черты характера самого Александра Павловича, о котором писал его брат Антон Чехов: «Для тебя не секрет, что небеса одарили тебя тем, чего нет у 99 из 100 человек: ты по природе бесконечно великодушен и нежен» [2; 562].

Концовка рассказа довольно наивна, благодушна и «шаблонна»: «После этого счастливого возгласа всем показалось, будто пережитое горе улетело далеко прочь и будто к будничному прошлому и старому прибавилось что-то новое и даже как-будто хорошее». Рассказчик словно утешает своих героев и ободряет, но читателю видно, что ничего, собственно, хорошего героев впереди не ждет: прежний образ жизни будет их постоянным уделом. Рассказ «Бабье горе» был впервые опубликован в газете «Новое время» (№№ 7169, 7171 от 13(25) и 15(27) февраля), думается, что подобный текст писался к определенному сроку, и не было времени оттачивать слог, а может быть это вообще было сложным моментом для Александра Чехова: «Закончил рассказ «Американский дядюшка» (положил в папку до востребования). Не нравится мне конец его: развязка очень шаблонна <...> до сих пор, как ни напрягал мозг — ничего не выходит, кроме того, что вышло», - так, например, Александр Чехов пишет в своем дневнике об очередном своем произведении [5; 12].

Для сравнительного анализа в данной статье используются материалы писем Ал.П. Чехова к его

брату Антону Павловичу с 1875-1904 гг. [2] и его дневника, начатого в 1898-ом году «Свалка нечистот, мыслей, идей, фактов и всякого мусора. В назидание детям Коле, Тосе и Мише, после моей смерти» [5].

Сравним:

<p>«Его грызла тоска, и он дал обет бросить водку – будь она проклята – и никогда больше не пить, а чтобы дело было вернее, он, не сказав никому ни слова, предпринял далекий путь на поклонение угодникам в Киев» [1; 165]</p> <p>«Афанасий <...> «сподобился»<...>Исцелился и теперь даже в рот не берет, ни боже мой, ни капли, ни-ни...» [1; 165]</p>	<p>«Возьми на себя труд проследить мою жизнь <...> голодающий орден Анны на шею <...> Мося, мои радости, ее смерть, сумасшедшая поездка на Кавказ» [2; 539]</p> <p>«Питие неисчерпаемое я бросил» [2; 607]</p> <p>«Пить я бросил абсолютно. Был у меня такой нравственно потрясающий момент, что я ужаснулся своего прошлого пьянства и дал себе слово не брать в рот» [2; 618]</p> <p>«С тех пор как абсолютно бросил пить – фантазия исчезла совершенно и в мозгу бродят одни только отрывочные мысли» [5; 8];</p> <p>«Бросил алкоголь и точно переродился» [5; 34]</p>
<p>«Варвара к концу ссоры переходила обыкновенно к горьким жалобам на судьбу» [1; 151]</p> <p>«Варвара, утомленная тяжелой дневной работой, тоже скоро прекращала поток своих излияний»[1; 152]</p> <p>«Варвара <...> высказывала самое искреннее пожелание, чтобы он как можно скорее предпринял путешествие на тот свет и освободил ее. Род смерти она накликала ему на выбор, смотря по вдохновению: ему предоставлялось право издохнуть, повеситься, сгнить в остроге, прогуляться в Сибирь, попасть черту в лапы, лопнуть, утопиться и вообще – умереть» [1; 151]</p>	<p>«Моя богопротивная жена не дает мне покою», «Наградил меня Бог женушкой» [2; 280]</p> <p>«Тут были и помои и слезы, и упреки, и отчаяние, и все, что хочешь» (о первой жене А.И. Хрущевой-Сокольниковой – А.Б.) [2; 391]</p> <p>«Покоя нет ни в семье, ни вне дома. Что дальше будет – не знаю. Нравственные страдания сделали из меня тень когда-то бывшего человека» [2; 400]</p> <p>«Живем, ругаемся от утра до ночи» [2; 555]</p> <p>«Мы ссоримся ежедневно» (с Н.А. Гольден, – А.Б.) [2; 566]</p> <p>«Жена молит Бога, чтобы я скорее издох» [2; 756]</p>
<p>«Лишь на короткое время, когда воюющей чете Бог посылал нового младенца и когда этого же младенца вскоре затем относили в маленьком гробике на кладбище. На это время ссоры прекращались» [1; 152]</p>	<p>«Совестно сознаться, что я до сих пор не могу без боли вспомнить о своем первом детеныше. Я подпускаю всякую философию, доказываю себе, что я в Мосе любил собственное чувство и т.д., ругаю себя на чем свет стоит, но все-таки... словом, я понимаю нашу мать, которой «как сегодня» памятна смерть сестры Жени» [2; 376];</p> <p>«Жена (Н.А. Гольден – А.Б.) кланяется. Приписки собственноручно не делает: ей не до того...Да и гнусное положение я переживаю...Не женись, Антоша...Тоска! «Выздоровить или памреть дите?» [2; 617]</p>

Проекция собственной личности осуществляется Александром Павловичем Чеховым и в этот раз. Таким образом, можно сделать заключение, о том, что рассказ «Бабье горе» содержит явные аллюзии из реальной жизни Александра Павловича Чехова, факты его биографии, его личные черты, которые явно прослеживаются в образе главного героя рассказа, что подтверждается в процессе анализа материалов его переписки и дневниковых записей.

Библиографический список

1. Седой А. Княжеские бриллианты. Спб.: типо-литография «Энергия», 1904.
2. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Под ред И.Н. Сухих. Сост.,подгтекста и коммент. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.
3. Чехов М.А. Литературное наследие. В 2-х т. М.: Искусство, 1995. Т.1. 542 с.
4. Вокруг Чехова. Сост. Е.М. Сахарова. М.: Правда, 1990. 671 с.
5. Чехов М.А. Дневник Ал.П. Чехова. Ф 2316 оп.2, ед.хр. 35. Москва, РГАЛИ.

References

1. Gray A. Princely diamonds. SPb.: type-lithography "Energy", 1904.
2. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence // Under the editorship of I.N. Dry. Comp., preparation of text and comments. EAT. Gushanskaya, I.S. Kuzmichev. M.: "Zakharov", 2012. 960 p.
3. Chekhov M.A. literary heritage. In 2 vols. M.: Art, 1995. Vol.1. 542 p.
4. Around Chekhov. Comp. EAT. Sakharov. M.: Pravda, 1990. 671 p.
5. Chekhov M.A. Diary of Al.P. Chekhov. F 2316 op.2, item 35. Moscow, RGALI.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.14.32.011

Воронежский государственный технический университет

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации*

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication*

PhD, associate professor

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ» В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Предметом предлагаемого исследования является бинарная оппозиция «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур». Цель исследования – выявление особенностей функционирования в романе А. Платонова «Чевенгур» лексем, вербализующих компоненты бинарной оппозиции «жизнь – смерть». Материалом для исследования послужили лексемы, вербализующие оппозицию «жизнь – смерть» в рассматриваемом произведении. В ходе исследования нами применялись методы сплошной выборки, анализа, описания, сравнения и др. Новизна и актуальность предлагаемой работы заключаются в том, что автор предпринимает попытку выявления индивидуальных особенностей вербализации оппозиции «жизнь – смерть» в романе «Чевенгур». Результаты исследования: проведенный анализ способов лексической объективации бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур» позволил сделать вывод, что в картине мира писателя находит отражение точка зрения, в соответствии с которой жизнь и смерть не имеют четкого разграничения, потому что умершие в итоге должны обрести братство с живущими, что противоречит общепринятой точке зрения о том, что мир живых и мир мертвых – это взаимоисключающие формы. Жизнь человека оправдана только тогда, когда он посвятил ее созданию машин или служению им. Практическая значимость предлагаемого исследования заключается в том, что полученные сведения помогут лучше понять художественный замысел автора в одном из самых загадочных произведений литературы 20 века и могут быть применены в теоретических и практических работах, посвященных исследованию индивидуально-авторской языковой картины мира. Проведенное исследование выявило способы вербализации бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в рассматриваемом произведении при помощи лексем жизнь, жить, пожить, смерть, мертвый, умереть.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, мифопоэтическая модель мира, языковая картина мира, вербализация, жизнь, смерть, «Чевенгур».

N.B. Bugakova

PECULIARITIES OF VERBALIZATION OF THE BINARY OPPOSITION "LIFE - DEATH" IN A. PLATONOV'S NOVEL "CHEVENGUR"

The subject of the proposed research is the binary opposition "life - death" in A. Platonov's novel "Chevengur". The purpose of the study is to identify the features of functioning in A. Platonov's novel "Chevengur" of lexemes that verbalize the components of the binary opposition "life - death". The material for the study was A. Platonov's novel "Chevengur". In the course of the study, we used the methods of continuous sampling, analysis, description, comparison, etc. The novelty and relevance of the proposed work lies in the fact that the author makes an attempt to identify the individual features of the verbalization of the opposition "life - death" in the novel "Chevengur". Results of the study: the analysis of the methods of lexical objectification of the binary opposition "life - death" in A. Platonov's novel "Chevengur" led to the conclusion that the writer's picture of the world reflects the point of view, according to which life and death do not have a clear distinction, because that the dead should eventually find brotherhood with the living, which

contradicts the generally accepted view that the world of the living and the world of the dead are mutually exclusive forms. A man's life is justified only when he has dedicated it to building or serving machines. The practical significance of the proposed study lies in the fact that the information obtained will help to better understand the author's artistic intention in one of the most mysterious works of literature of the 20th century and can be applied in theoretical and practical works devoted to the study of the author's individual linguistic picture of the world. The conducted research revealed ways of verbalization of the binary opposition "life - death" in the work under consideration with the help of lexemes life, live, live, death, dead, die.

Key words: binary oppositions, mythopoetic model of the world, language picture of the world, verbalization, life, death, "Chevengur".

Интерес ученых по отношению к творчеству А. Платонова активно начинает развиваться в 1960-е гг., именно в этот период начинают появляться исследования, авторы которых пытаются приблизиться к пониманию творчества А. Платонова. Многие работы посвящены тому, чтобы воссоздать творческую биографию писателя [1, 2, 3, 4]. Помимо освещения темных мест жизни писателя, работы Н.В. Корниенко [3], а также М. Геллера [5], Е. Толстой-Сегал [Толстая-Сегал: 1994], Т. Лангерак [7], К. Баршта [8, 9], Н.В. Малыгиной [10], Х. Гюнтера [11], И. Матвеевой [12], внесших неоценимый вклад в исследование творчества А. Платонова, анализируют художественный метод, философскую и этическую позиции писателя. Наиболее интересными, очевидно, являются исследования, рассматривающие необычный язык А. Платонова [13, 14, 15, 16]. В разное время свои работы творчеству А. Платонова посвящали воронежские лингвисты, литераторы, краеведы [17, 18, 19, 20, 21]. Попытку провести целостный анализ романа предпринимает В.Ю. Вьюгин в диссертационном исследовании «Чевенгур» Андрея Платонова (к творческой истории романа)» [22]. Но творчество Платонова практически не проанализировано с точки зрения лингвистической. В этой связи целью предлагаемого исследования будет выявление особенностей функционирования в романе А. Платонова «Чевенгур» лексем, вербализующих компоненты бинарной оппозиции «жизнь – смерть».

Предметом предлагаемого исследования является бинарная оппозиция «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур». Материалом для исследования послужили лексемы, вербализующие оппозицию «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур». В ходе исследования нами применялись методы сплошной выборки, анализа, описания, сравнения и др.

Тема жизни и смерти, являясь сакральной, всегда интересовала человека. Большое количество исследований различного рода посвящено этой тематике. Есть работы, рассматривающие бинарную оппозицию «жизнь – смерть» с точки зрения философско-культурологической, есть – базирующиеся на материале русского фольклора. Однако работы, посвященные анализу способов вербализации этой оппозиции, в современной науке отсутствуют. Это обстоятельство обуславливает актуальность предлагаемой работы.

Анализ картины мира отдельного писателя представляет большой интерес для исследователей различного уровня. Обращаются к исследованию индивидуально-авторских особенностей картины мира писателя и лингвисты, и литераторы, и культурологи, и философы. Естественно, что каждый ученый вычленяет интересные ему особенности картины мира того или иного автора. Для нас особо важным является рассмотрение индивидуально-авторского своеобразия языковой картины мира А. Платонова и ее корреляция с мифопоэтической моделью мира. Это семиотическое понятие, которое традиционно принято понимать как сумму мифов, рассматривающих взаимодействие человека и среды. По словам В.Н. Топорова, «для мифопоэтической модели мира существует вариант взаимодействия с природой, в котором природа представлена не как результат переработки первичных данных органическими рецепторами (органами чувств), а как результат вторичной перекодировки первичных данных с помощью знаковых систем» [23, с. 161]. Исследователь также обращает внимание на то, что разные знаковые системы (или «семиотические воплощения» [23, с. 161]) координируются в единую универсальную систему, реализующую «модель мира» [23, с. 162] в мифопоэтическом сознании. Мифопоэтическая модель, как правило, предполагает взаимосвязь природы и человека, внешней среды и внутреннего мира человека. Такого рода отношения наиболее популярны в текстах А. Платонова; в них автор постоянно обращается к взаимодействию человека и природы, противостоянию человека и природы. Известно, что мифологические образы строятся как бинарные оппозиции, главной из которых является оппозиция «жизнь – смерть». В текстах А. Платонова обнаруживается «мифологизация посредством словесного знака мыслительного содержания объективной реальности» [22, с. 8].

Основная задача предлагаемого исследования – проанализировать способы лексической объективации членов бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур» – пожалуй, самом значимом, но при этом загадочном и неоднозначном произведении этого автора. Описываемые в романе события (внедрение на юге России новой экономической политики) актуализируют в сознании писателя важность оппозиции «жизнь – смерть»; лексемы, вербализующие эту оппозицию, автор активно использует в рассматриваемом произведении. Необходимо отметить, что функционирование определенных языковых средств в языковой картине мира человека обусловлено непосредственно духовными ценностями говорящего. Соответственно, это могут быть слова религиозной, этнографической, эстетической и пр. семантики, в зависимости от того, какие ценности автор отображает в словесном знаке. Многие исследователи творчества писателя отмечали такую особенность его прозы, как ориентация на «коренные вопросы» бытия [24, с. 416]. Поэтому для картины мира А. Платонова оказывается чрезвычайно актуальным противостояние жизни и смерти, их взаимодействие и взаимопроникновение.

«Чевенгур» – одно из самых загадочных произведений русской литературы. Судьба романа неоднозначна, как и судьба автора. При жизни писателя роман не был опубликован полностью. Это позволяет только предполагать, в какой последовательности на самом деле автор предполагал выстроить эпизоды романа. При первом прочтении романа некоторые эпизоды кажутся не связанными друг с другом. Происходит это потому, что композиционно роман оформлен исследователями и издателями, которые выстраивали композицию произведения в соответствии со своим восприятием. Роман сложен, так как объединяет реальность, фантастику, сюрреализм. Мифопоэтическая картина мира реализована в романе при помощи такой детали, как сказочный хронотоп (три брата, частотные персонажи в фольклоре).

Нами был проведен анализ романа «Чевенгур» с целью выявления лексем, эксплицирующих бинарную оппозицию «жизнь – смерть». Также в предлагаемом исследовании предпринята попытка рассмотрения индивидуально-авторских особенностей функционирования бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в мифопоэтической картине мира автора.

Обращаясь к данным словарей русского языка, можем выявить следующие значения лексемы *жизнь*: «житие, бытие; состояние особи, существование отдельной личности. В обширном смысле жизнь обусловлена только питанием и усвоением пищи, и в этом знач. она дана двум царствам природы: животному и растительному; в тесном смысле, она требует произвольного движения и чувств, принадлежа одним животным; в высшем знач. как бытие, она относится к душе или к смерти плоти» [25, т. 1, с. 188]. С первых строк рассматриваемого романа возникает традиционное для Платонова противопоставление человека природе, нетипичное для национальной картины мира: «Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят *жить* прямо из природы» [26, с. 188].

Автор позиционирует природу как главное порождающее начало, а человеку отводится второстепенная роль, так как «человек ... все может починить и оборудовать, но сам прожил *жизнь* необорудованно» [26, с. 192]. Герои рассматриваемого романа вообще не стремятся жить так, как принято: «он совсем не был одержим *жизнью*» [26, с. 198]. Благодаря такой своей позиции им удается прожить жизнь, спокойно дожидаясь ее завершения: «Родившись, он удивился и так *прожил* до старости» [26, с. 199]. Герои романа не ощущают потребности жить «оборудованно», им достаточно того, что есть природа, земля, которые могут предоставить укрытие: «Летом *жил* он просто в природе» [26, с. 191]. Природа для сироты Саши Дванова, центрального персонажа рассматриваемого произведения, выполняет функции семьи, которой у него нет. Природа дает ему и жилье, и питание: «Я землянку вырою и *жить* тут буду, – сказал Саша» [26, с. 199].

Платонов видел необходимость переустройства жизни, но предупреждал, что бездушная наука способна разрушить хрупкое равновесие природы, уничтожить мир, а человек пока слишком слаб, чтобы побеждать законы мироздания [27, с. 136]. Эта точка зрения находит отражение в рассматриваемом романе. Один из героев «Чевенгура» думает, что «люди давно на свете *живут* и уже все выдумали. А Захар Павлович считал наоборот: люди выдумали далеко не все, раз природное вещество живет нетронутое руками» [26, с. 201]. Захар Павлович отличается философским подходом к природе, ко всему живому, и не считает человека главным в природе: «Заглядевшись на муравьев, Захар Павлович ... подумал: «Дать бы нам муравьиный или комариный разум — враз бы можно *жизнь* безбедно наладить» [26, с. 201]. Подобное отношение к человеку демонстрируется автором и далее: «Захар Павлович увидел лапоть; лапоть тоже *ожил* без людей и ... дал из себя отросток шелюги...» [26, с. 215]. Здесь видим отражение позиции А. Платонова, сводившейся к тому, что человек не может побороть законы мироздания. Какой бы вред человек ни наносил природе, как только природа избавится от влияния человека, она восстановится, возьмет свое. Вербализуя подобную точку зрения, автор прибегает к употреблению формы прошедшего времени глагола *ожить* – «стать снова живым» [28, с. 369].

Неоднократно подчеркивалась нами любовь писателя к природе, однако особенно он относится к технике, которую олицетворяет: «Наставник ... знал, что машины *живут* и движутся ... по своему желанию, ... люди здесь ни при чем» [26, с. 288]. Используя глагол *жить* в личной форме, А. Платонов говорит о способности машин «находиться в процессе жизни». В романе оживают паровозы: «Это гудела ... машина, *живой* ... паровоз» [26, с. 295]. Известно, что судьба писателя была нелегкой, и к 18 годам ему удалось попробовать себя в различных профессиях. Полученный опыт позволил Платонову приобрести различные впечатления, вследствие которых он полюбил машины, технику, поскольку они обеспечивают созидательную деятельность, особенно нравившуюся писателю. Но к паровозам, которые станут ключевыми образами многих его произведений, он испытывал особые чувства. По его мнению, паровозы воплощали индустриальную мощь, свидетельствовали о прорыве к новой жизни. Один из героев романа, «Захар Павлович *жил*, ни в ком не нуждаясь: он мог часами сидеть перед дверцей паровозной топки» [26, с. 207]. На этом примере прослеживается некая автобиографичность романа: герой, так же, как автор, предпочитает проводить время с техникой, которая вызывает больше интереса, чем люди (также об это см. [29, с. 611]). Паровоз для писателя, как и для героев его произведений, – это всегда живое существо, как, впрочем, и любая другая техника. Любовь к технике обуславливает возникающее противопоставление техники и человека. По мнению писателя, люди не заслуживают особенного внимания, в отличие от любого механизма. Эту точку зрения выражает один из центральных персонажей романа «Чевенгур»: «Он считал, что людей много, машин мало; люди – *живые* и сами за себя постоят, а машина – нежное, незащитное, ломкое существо» [26, с. 208]. Очевидна позиция автора, заключающаяся в том, что люди, хоть и живые, но в защите не нуждаются, в то время как любая техника требует тщательного к себе отношения, на которое способен не каждый. На протяжении всего романа возникает «очеловечивание» автором техники, что свидетельствует о важности машин в картине мира писателя: «Одиноким Захар Павлович и не был – машины были для него людьми» [26, с. 206]. Вообще быть живым в картине мира писателя явление скорее негативное. В тексте романа «Чевенгур» встречаем следующее употребление лексемы *живой*: «Преставился, тихий: лучше *живого* лежит» [26, с. 190]. Это слова матери, которая способствовала смерти своего ребенка. Она была вынуждена сделать это, чтобы не видеть, как ее ребенок страдает от голода. Сравнение, введенное в текст автором (лучше живого), демонстрирует читателю позицию автора, заключающуюся в том, что мертвый лучше живого, так как не способен нанести вред окружающей среде, спасение которой было целью жизни А. Платонова. Мертвые способны испытывать те же чувства, что и живые, то есть после смерти жизнь не заканчивается: «его горе было ... лишенным сознания ... *жизни*; он так грустил по *мертвому* отцу, что *мертвый* мог бы быть счастливым» [26, с. 193]. Смерть для писателя – это лишь переход из одного состояния в другое; эта позиция отлична от общепринятой в национальной картине мира, поскольку смерть обычно означает «1. Прекращение жизнедеятельности организма. 2. перен. Конец, полное прекращение какой-н. деятельности» [28, с. 689]. Словарь В.И. Даля фиксирует следующие значения лексемы *мерть*: «конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего» [25, с. 602]. Очевидно, что в картине мира А. Платонова смерть не разлучает душу и тело, поскольку мертвые проявляют эмоции наравне с живыми, их отношения с окружающим миром не изменились в связи со смертью: «пусть отец лежит *мертвый* и ничего не говорит ...; пусть отец *мертвый*, но он целый, одинаковый и такой же» [26, с. 194]. Подобное восприятие автором жизни смерти обусловлено тем, что в мире А. Платонова вообще отсутствуют резкие переходы от жизни к смерти. Известно, что писатель был вдохновлен идеями философа Н. Федорова, в соответствии с которыми считал умерших ждущими своего часа обретения братства со всеми живущими [5, с. 88]. Этот мотив неоднократно повторяется в романе. Так, Саша Дванов, потерявший отца, который утонул, в качестве средства связи с ним воспринимает рубашку, в которой хоронят отца: «Мальчик прилег к старой его рубашке, от которой пахло родным *живым* потом» [26, с. 195]. Прилагательное *живой* в качестве эпитета к существительному «пот» используется автором, на наш взгляд, чтобы показать неразрывную связь между живыми и мертвыми. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что утонувшего хоронят не в новой одежде, как это принято в русской традиции. Полагаем, это обусловлено крайней бедностью рыбака. Так автор демонстрирует читателю, что описываемая в романе реальность – попытка устройства коммунизма – проходила в суровых условиях. Необходимо отметить, что позиция автора – умершие должны объединиться с живыми – достаточно необычна для картины мира русского человека, которому более близко традиционное восприятие смерти как злой силы. Для русской мифопоэтической модели мира смерть – это всегда холод, мрак, в то время как солнечный свет – источник жизни, дающий тепло. Чем дальше от него, тем ближе к мраку и холоду, который убивает: «...смерть, смежающая очи человека, ли-

шает его дневного света, отнимает от него ту внутреннюю теплоту, которая прежде согревала охладелый его труп» [30, с. 365].

Смерть всегда несет страх, так как привычный мир меняется со смертью человека, становится незнакомым [31, с. 99]. Однако для героев произведений Платонова смерть, даже их личная, не является чем-то устрашающим: «Бобыль обрадовался сочувствию и к вечеру умер без испуга» [26, с. 201]. В этом состоит принципиальное отличие восприятия смерти в национальной картине мира и в картине мира А. Платонова. Отношение к умершему с точки зрения визуального восприятия совпадает с традиционной мифопоэтической моделью мира, когда «...смерть обезображивает лицо покойника предшествовавшими болезненными страданиями и предсмертной агонией» [30, с. 365]: «Захар Павлович ... на бобыля не посмотрел: мертвые невзрачны» [26, с. 201]. Однако герои «Чевенгура» не всегда готовы к смерти, от нее их отталкивает необходимость делать машины: «Я бы сам хоть сейчас умер, да все, знаешь, занимаешься разными изделиями...» [26, с. 224], поскольку для героев «Чевенгура» «природа, не тронутая человеком, казалась малопрелестной и мертвой» [26, с. 311], «зверь и дерево не возбуждали в них сочувствия, потому что никакой человек не принимал участия в их изготовлении. ... Любые же изделия – особенно металлические, – существовали оживленными и даже были ... интересней и таинственней человека» [26, с. 288].

В то же время жизнь сама по себе непривлекательна для героев Платонова, они осознают, что их жизнь проходит зря, если не наполнена созиданием, а конкретно созданием машин или работой с ними: «Сторож ... за семьдесят лет жизни ... убедился, что половину дел исполнил зря, а три четверти всех слов сказал напрасно» [26, с. 274]. Только техника, машины привлекают героев Платонова, придают их жизни интерес, способны заменить даже человеческое общение, поскольку машины для героев живые, у них есть своя жизнь, от человека не зависящая. Задача человека в этом случае – помочь, своим трудом поспособствовать созданию «изделия»: «Захар Павлович уважал уголь, фасонное железо ... , но действительно любил и чувствовал лишь готовое изделие, – то, во что превратилось посредством труда человека и что дальше продолжает жить самостоятельной жизнью» [26, с. 256].

Нельзя не обратить внимание и на традиционную для писателя апелляцию к воде, которой в творчестве А. Платонова уделяется большое внимание. В этой связи необходимо вспомнить, что писатель достаточную часть своей жизни посвятил мелиоративным работам в Воронежской и Тамбовской губерниях, а также в Средней Азии (см. об этом [29, с. 612]). В рассматриваемом романе автор также говорит о том, что вода – основа жизни: «Из редких степных балок, из глубоких грунтов надо дать воду в высокую степь, чтобы основать в ней обновленную жизнь» [26, с. 349].

В тексте рассматриваемого романа мы неоднократно можем наблюдать столкновение жизни и смерти, их взаимопроникновение. Подобные ситуации противоречат традиционному пониманию жизни и смерти, обычно это формы, исключаящие одна другую. Один из основных принципов сосуществования мертвых и живых – это принцип однородности миров живых и мертвых, т.е. «живые должны быть среди живых, а мертвые — среди мертвых (кроме тех случаев, когда живые приглашают мертвых во время календарных поминок). Ср.: покойнику говорят при его появлении в неурочное время: «Куда ты идешь? Мертвые к живым не ходят!» [31, с. 99]. Однако А. Платонов стирает границы между миром живых и миром мертвых: «Рыба между жизнью и смертью стоит, ... она все уже знает» [26, с. 211]. Автор обращает внимание на то, что те, кто побывал в ситуации между жизнью и смертью, всегда по-особому относятся ко всему, что вокруг них происходит, не уделяя событиям должного внимания, ибо самое страшное они уже познали. Хотел быть приобщенным к этому пограничному состоянию и один из героев романа, отец центрального персонажа Саши Дванова, рыбак, утонувший в озере Мутево: «рыбак думал все об одном и том же – об интересе смерти» [26, с. 212]. Героя привлекает смерть, вызывает интерес и специфическую реакцию: «он вообще не верил в смерть, ... хотел посмотреть — что там есть: может быть, гораздо интересней, чем жить в селе или на берегу озера; он видел смерть как другую губернию ... рыбак говорил о своем намерении пожить в смерти и вернуться...» [26, с. 213]. Рыбак был человеком, «который многих расспрашивал о смерти. ... рыбак больше всего любил рыбу, как особое существо, ... знающее тайну смерти» [26, с. 212]. Интересно употребление автором словосочетания пожить в смерти в приведенном выше отрывке. Употребление приставки по- в глаголе пожить говорит о недолговременности, непостоянстве действия; герой предполагает опытным путем узнать подробнее о смерти и вернуться к жизни. Это еще раз обращает внимание читателя на мнение автора об отсутствии резких переходов от жизни к смерти. Но происходит все не так, как планирует рыбак; он умирает навсегда: «его вытащили из озера через трое суток и похоронили у ограды на сельском погосте» [26, с. 213].

Таким образом, завершая анализ способов лексической объективации бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур», можем сделать вывод, что в картине мира писателя находит отражение точка зрения, в соответствии с которой жизнь и смерть не имеют четкого разграничения, по-

тому что умершие в итоге должны обрести братство с живущими, что противоречит общепринятой точке зрения о том, что мир живых и мир мертвых – это взаимоисключающие формы. Жизнь человека оправдана только тогда, когда он посвятил ее созданию машин или служению им. Полагаем, что такая позиция обусловлена личным отношением автора к технике, к которой он относился с особым восторгом. Компоненты бинарной оппозиции «жизнь – смерть» вербализуются в рассматриваемом произведении при помощи лексем *жизнь, жить, пожить, смерть, мертвый, умереть*. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в рамках научных исследований, посвященных индивидуально-авторским особенностям вербализации бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в мифопоэтической картине мира различных писателей.

Библиографический список

1. Васильев В.В. Андрей Платонов. М., «Современник», 1982. 230 с.
2. Чалмаев В.А. Андрей Платонов. М., «Советский писатель», 1989. 445 с.
3. Корниенко Н.В. Невозвращение Платонова // Литературная газета, 1999, №35, С. 11.
4. Варламов А.Н. Андрей Платонов. М., Молодая гвардия, 2013. 560 с. С. 439.
5. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж. YMCA-Press. 1982. С. 9 – 10, 88.
6. Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 67.
7. Лангерак Т. Андрей Платонов: материалы для биографии, 1899-1929 гг. Пегасус, 1995. 274 с.
8. Баршт К. Антропософия А. Платонова. Штайнеровский слой в романе «Котлован» // Начало века. Из истории международных связей русской литературы. СПб., Наука, 2000. С. 154 – 190.
9. Баршт К. Поэтика прозы Андрея Платонова. 2-е изд., дополн. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 480 с.
10. Малыгина, Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Поэтика возвращения. Учебное пособие. М., ТЕИС, 2005. 336 с.
11. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии. Контексты творчества А. Платонова // Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
12. Матвеева И.И. «Резцом эпох и молотом времен...». Судьба и творчество Андрея Платонова. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва, Берлин, Директ-Медиа, 2019. С. 88, 136.
13. Бочаров С.Г. Вещество существования. Филологические этюды. СПб., Русский мир, 2014. 462 с.
14. Михеев М.Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М., Изд-во МГУ, 2003. 406 с.
15. Дмитриевская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова. Дисс. д. филол. наук. М., 1999.
16. Радбиль Т. Мифология языка Андрея Платонова. М., Флинта, 2017. 234 с.
17. Квалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 328.
18. Никонова Т.А. Начало научного изучения творчества А. Платонова в Воронеже / Т.А. Никонова // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции: сборник научных трудов по материалам VIII Международных Платоновских чтений. Воронеж, ВГУ, 2019. 301 с.
19. Алейников О.Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж, НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. 222 с.
20. Алейников, О.Ю. Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 4 – 8.
21. Ласунский, О.Г. Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. 280 с.
22. Вьюгин, В.Ю., «Чевенгур» Андрея Платонова (к творческой истории романа). Дисс. ... канд. филол. наук. ИРЛИ, СПб, 1992.
23. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С.161–166.
24. Лазаренко О.В. Русская литература XX века. Учебное пособие. Воронеж, Изд-во ВГУ, 1999 г. С. 416.
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт.. Т. 1: А – З; Т. 3: О – У. – М., ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2006. С. 602.; С. 327.
26. Платонов А. Чевенгур. Ювенильное море: повести, роман. М., Современник, 1988. 560 с. С. 188 – 552.
27. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., «Наследие», 2000. 424 с.
28. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., Азбуковник, 1997. С. 369, 689.
29. Бугакова, Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») // Нефилология, 2021. № 28. С. 611 – 617.
30. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1, М., Директ-Медиа, 2014. С. 365.
31. Завойко, Г. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 99.

References

1. Vasiliev V.V. Andrey Platonov. M., Sovremennik, 1982. 230 p.
2. Chalmaev V.A. Andrey Platonov. M., "Soviet writer", 1989. 445 p.
3. Kornienko N.V. Non-return of Platonov // Literaturnaya gazeta, 1999, No. 35, p. 11.
4. Varlamov A.N. Andrey Platonov. M., Molodaya gvardiya, 2013. 560 p. 439.
5. Geller M. Andrey Platonov in search of happiness. Paris. YMCA-Press. 1982. pp. 9-10, 88.
6. Tolstaya-Segal E. Platonov's ideological contexts // Andrey Platonov. The world of creativity. M., 1994. p. 67.
7. Langerak T. Andrey Platonov: materials for biography, 1899-1929. Pegasus, 1995. 274 p.
8. Barsht K. A. Platonov's anthroposophy. Steiner's layer in the novel "The Pit" // The beginning of the century. From the history of international relations of Russian literature. St. Petersburg, Nauka, 2000. pp. 154 – 190.
9. Barsht K. The poetics of Andrey Platonov's prose. 2nd ed., supplement. SPb., Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2005. – 480 p.
10. Malygina, N.M. The artistic world of Andrey Platonov. The poetics of return. Textbook. M., TEIS, 2005. 336 p.
11. Gunther H. On both sides of utopia. Contexts of A. Platonov's creativity // New Literary Review, 2012. 216 p.
12. Matveeva I.I. "The chisel of epochs and the hammer of times...". The fate and creativity of Andrey Platonov. 2nd Ed., ispr. and add. Moscow, Berlin, Direct-Media, 2019. pp. 88, 136.
13. Bocharov S.G. Substance of existence. Philological studies. St. Petersburg, Russian World, 2014. 462 p.
14. Mikheev M.Yu. Into Platonov's world through his language. Assumptions, facts, interpretations, guesses. M., MSU Publishing House, 2003. 406 p.
15. Dmitrovskaya M.A. Language and worldview of A. Platonov. Diss. D. philol. nauk. M., 1999.
16. Radbil T. The mythology of the language of Andrei Platonov. M., Flint, 2017. 234 p.
17. Kovalev G.F. Favorites. Literary onomastics. Voronezh, 2014. p. 328.
18. Nikonova T.A. The beginning of the scientific study of A. Platonov's creativity in Voronezh / T.A. Nikonova // Andrey Platonov and artistic searches of the twentieth century: problems of reception: a collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Platonic Readings. Voronezh, VSU, 2019. 301 p.
19. Aleynikov O.Yu. Andrey Platonov and his novel "Chevengur". Voronezh, NAUKA-UNIPRESS, 2013. 222 p.
20. Aleynikov, O.Yu. Semantics of the names of characters in A. Platonov's story "Jan" // Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism. 2015. No. 2. pp. 4-8.
21. Lasunsky, O.G. A resident of his hometown. The Voronezh years of Andrey Platonov. Center for Spiritual Revival of the Chernozem Region, 2007. 280 p.
22. Vyugin, V.Yu., "Chevengur" by Andrey Platonov (on the creative history of the novel). Diss. ... Candidate of Philology. sciences. IRLI, St. Petersburg, 1992.
23. Toporov V.N. Model of the world // Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. M., 1980. Vol. 2. pp.161–166.
24. Lazarenko O.V. Russian literature of the twentieth century. Study guide. Voronezh, VSU Publishing House, 1999, p. 416.
25. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 tt.. Vol. 1: A – Z; Vol. 3: O – U. – M., OLMA- PRESS; JSC PF "Red Proletarian", 2006. p. 602.; p. 327.
26. Platonov A. Chevengur. Juvenile sea: novellas, novel. M., Sovremennik, 1988. 560 pp. 188 – 552.
27. Platonov A.P. Notebooks. Materials for the biography. M., "Heritage", 2000. 424 p.
28. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Russian Academy of Sciences. The Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., additional M., Azbukovnik, 1997. pp. 369, 689.
29. Bugakova, N.B. Water as a linguocultural constant of A. Platonov's creativity: onomastic aspect (based on the story "Epiphany sluices") // Neophilology, 2021. No. 28. pp. 611 – 617.
30. Afanasyev, A.N. Poetic views of the Slavs on nature. Vol. 1, M., Direct-Media, 2014. pp. 365.
31. Zavoiko, G. Beliefs, rituals and customs of the Great Russians of the Vladimir province // Ethnographic Review. 1914. No. 3-4. p. 99.

УДК 81.13

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.91.32.012

Воронежский государственный технический университет
ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сухова К.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(950)778-42-24e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication assistant lecturer
Sukhova K.I.
Russia, Voronezh, tel. +7(950)778-42-24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

К.И. Сухова

ФИТОНИМИЧЕСКИЙ КОД В ЛИРИКЕ В.А. СОЛОУХИНА (НА ПРИМЕРЕ ЦВЕТОЧНЫХ РАСТЕНИЙ)

Проблемы лингвокультурологии являются актуальными для современной филологической науки. Языковая картина мира каждого автора отличается своими специфическими чертами, в связи с чем представляет интерес для лингвиста. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют системные исследования творчества В.А. Солоухина. В данной статье рассматривается фитонимический код стихотворных текстов В.А. Солоухина, а именно, лексико-семантическая группа «Наименования цветочных растений», включающая как дикорастущие, так и культурные породы, доминантами которых являются ромашка, василек, одуванчик, роза. Это обусловлено связью творчества поэта с культурой, духовным миром русского этноса, в сознании которого отражены представления и знания народа об этих цветах, особенности их эстетического и эмотивного восприятия, индивидуально-авторские предпочтения. Отмечается, что номинации дикорастущих цветов, таких как *ромашка*, *василек*, *одуванчик* активно функционируют в лирике В.А. Солоухина, соотносясь с понятием любви. Наиболее поэтизирована В.А. Солоухиным из культурных цветочных растений *роза* – в современном восприятии царица цветов. Частое введение в текст стихотворений данной фитолексемы связано с именем жены писателя. Тем не менее, появление данного образа в поэтической картине мира В.А. Солоухина – это не только, отсылка к имени жены, но и продолжение литературной традиции как Золотого, так и Серебряного веков. Полученные результаты вносят вклад в изучение творчества писателей-деревенщиков, что, несомненно, важно при проведении лингвокультурологических исследований, направленных на изучение не только национальной, но и индивидуально-авторской картины мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, фитоним, фитолексема, В.А. Солоухин, лексические репрезентанты, лексико-семантические группы, ромашка, василек, одуванчик, роза.

K.I. Sukhova

PHYTONYMIC CODE IN V.A. SOLOUKHIN'S LYRICS (BY THE EXAMPLE OF FLOWER PLANTS)

The problems of linguoculturology are relevant for modern philological science. The linguistic picture of the world of each author is distinguished by its specific features, and therefore is of interest to the linguist. Despite the numerous publications on this issue, there are practically no systematic studies of V.A. Soloukhin. This article discusses the phytonymic code of poetic texts by V.A. Soloukhin, namely, the lexical-semantic group "Names of flower plants", which includes both wild and cultivated species, the dominants of which are chamomile, cornflower, dandelion, rose. This is due to the connection of the poet's work with the culture, the spiritual world of the Russian ethnos, whose consciousness reflects the ideas and knowledge of the people about these colors, the features of their aesthetic and emotive perception, individual author's preferences. It is noted that the nominations of wild flowers, such as chamomile, cornflower, dandelion, actively function in the lyrics of V.A. Soloukhin, correlating with the concept of love. Most poeticized by V.A. Soloukhin from cultivated flower plants, the rose is the queen of flowers in modern perception. The frequent introduction of this phytolexeme into the text of poems is associated with the name of the writer's wife. However, the appearance of this image in the poetic picture of the world by V.A. Soloukhin is not only a reference to the name of his wife, but also a continuation of the literary tradition of both the Golden and Silver Ages. The results obtained contribute to the study of the work of village writers, which is undoubtedly important when conducting linguoculturological research aimed at studying not only the

national, but also the individual author's picture of the world.

Key words: linguoculturology, phytonym, phytolexeme, V.A. Soloukhin, lexical representatives, lexical-semantic groups, camomile, cornflower, dandelion, rose.

Главенствующая роль природы в жизни этноса является вопросом давно решенным, не вызывающим дискуссий. Природа, наделяемая издревле душой, – источник вдохновения многих русских писателей. Это неудивительно, поскольку растения кормят, лечат, оберегают человека с момента зарождения цивилизации. Это отражено во многих русских пословицах, поговорках, фразеологизмах, например, *Майская травка и голодного кормит* [1], *Яблочко (яблоко) от яблоньки (яблони) недалеко падает (откатывается)* [1], *Грибов ищут — по лесу рыщут* [1], *Лук семь недугов лечит, а чеснок семь недугов изводит* [1].

Поскольку наименование растений – важный элемент культурного кода, исследование фитонимов в творчестве отдельно взятого автора с целью разноаспектного анализа его языковой картины мира нам видится актуальным. Человек одновременно выступает производным и производящим природы.

В лирике В.А. Солоухина важное место отводится древесно-растительному коду, что связано с обожествлением растительного мира, берущим начало в архаическом периоде языческого теизма. В языческих представлениях о ритме растительной жизни аккумулирована идея вечного возрождения, бессмертия природы и ее синтетического универсализма, в то время как для прагматического сознания растения демонстрируют линейный принцип «рождения-умирания», то есть идею конечности бытия. Отражение данных восприятий находим в творчестве исследуемого автора.

Следует отметить, что лексемы с предметно-вещественным значением играют важную роль в формировании языковой картины мира. К таким лексемам относятся наименования растительного мира, к числу которых относятся названия деревьев, кустарников, трав, цветов, овощных, фруктовых, ягодных культур. Поскольку растения – древнейшая неотъемлемая часть пространства обитания каждого этноса, они способны отразить становление культурного сознания. Фитолексемы рассматриваются как единицы языка и культуры.

В настоящее время существует несколько терминов, используемых при наименовании растений: фитоним, фитолексема.

Фитонимам в лингвистической науке посвящены работы А.В. Суперанской [2], Ф.И. Буслаева [3], Т.Р. Писарской [4], В.А. Доманского [5], Н.В. Подольской [6], Ю.Н. Исаева [7], Е.К. Алешинной [1], Арьяновой [9], Ю.А. Дьяченко [10], А.М. Летовой [11], О.Г. Рубцовой [12] и проч.

Фитонимы – это «лексемы, обозначающие в прямом значении наименование всех объектов, принадлежащих к растительному миру, наименования как самих растений, так и их частей» [4]. Ф.И. Буслаев в статье «Значение собственных имен *лютики*, *вильцы* и *волчки* в истории языка» обозначил очевидную связь жизни народа с наименованиями растений, отметив при этом, что «самая номенклатура народной ботаники ведет нас в период мифологический» [3]. Таким образом, попадая в художественный текст, фитонимы влекут за собой ряд культурных ассоциаций.

В данном исследовании мы придерживаемся более широкого термина – *фитолексема*, так как фитоним – это наименование сорта растения.

Итак, фитонимическая лексика – это «названия всей совокупности слов данного тематического пласта: собственно фитонимов, названий частей растений, собирательных существительных, производных прилагательных и т. д.» [10].

На основе мифологического подхода, намеченного Ф.И. Буслаевым, продолжили лингвокультурологический аспект изучения фитонимической лексики М.И. Забылин [13], А.С. Будилович [14], А.С. Ермолов [15].

Использование номинации конкретного растения дает читателю пространственные ориентиры, вызывая ассоциации с той местностью и, соответственно, климатическим поясом, где произрастает дерево, кустарник, цветок или трава, то есть можно заключить, что фитолексемы выступают локальными индикаторами описываемого в произведении события.

В лирике В.А. Солоухина представлены следующие фитолексемы.

1. Наименования деревьев: *сосна, ель, дуб, ива, береза, осина, клен, рябина, липа, яблоня, вишня, слива, ольха, оливковое дерево, ветла, карагач.*
2. Наименования кустарников: *смородина, сирень, черемуха, тал.*
3. Наименования трав: *папоротник, крапива, осока, полынь, клевер, лен, пырей, лисий хвост, овсюг, осот, пушица, татарник, щавель, былинка, конопля, горец, кипрей, бурьян, хмель.*

4. Наименования злаков: *хлебный колос, пшеница, рожь, греча, овес.*
5. Наименования цветов: *ландыш, василек, ромашка, роза, кувшинка, колокольчик, раковая шейка, незабудка, гвоздика, мак, фиалка, магнолия, кактус, одуванчик, георгин, лилия, подснежник, купальница, тюльпан, нарцисс, жасмин, подсолнух, канн.*
6. Наименования плодов:
  - фрукты: *лимон, яблоко, гранат, банан, ананас;*
  - овощи: *свекла, картофель;*
  - бобовые: *горох;*
  - ягоды: *виноград, дыня, маслина, малина, черника, земляника, костяника, брусника;*
  - орехи: *грецкий орех, кокос, каштан.*
7. Фольклорные наименования: *трава-мурава, разрыв-трава, трын-трава.*

Исходя из тематической ограниченности фактического материала и частотности использования фитолексем, в данном исследовании мы остановились лексико-семантической группе «Наименования цветочных растений». Нам важно не только обозначить репрезентанты этой группы в солоухинской картине мира, но и проанализировать роль фитолексики как носителя образных смыслов.

Наше пристальное внимание к исследованию функций фитолексем в лирическом наследии В.А. Солоухина обусловлено особым отношением поэта к цветам, о котором свидетельствуют первые строки стихотворения «Цветы»: «Спросили про цветок любимый у меня./ Вы что, смеетесь?! Будто бы возможно/ Из тысячи любимейших предметов/ Назвать наиболее любимый предмет» [16]. Как видим, лирическому герою, выросшему среди разнотравья, дорог каждый цветок, без любого из них образ малой родины будет неполным.

Фитолексеми занимают одно из ведущих мест в творчестве В.А. Солоухина, где они тесно связаны с мифологией и фольклором. Фольклорные и мифологические фитообразы взаимопроникаемы не только в диахронии, но и в синхронии. Остановимся более подробно на наиболее употребительных фитолексемах: *ромашка, василек, одуванчик, роза.*

Особое внимание В.А. Солоухин уделяет *ромашке*. Наименование *ромашка* входит в подгруппу «Дикорастущие породы», которая выступает одной из составляющих ЛСГ «Наименования цветочных растений», употребляется в лирике 19 раз, что составляет 20,4% к числу репрезентантов в группе, 6,2% – к общему числу репрезентантов.

Н.М. Шанский придерживается точки зрения об исконно русском происхождении номинации *ромашка*, являющейся суффиксальным производным от лексемы *роман* [17]. Кроме того, известно еще и заимствование из ботанической латыни *anthemus romana* (буквально – «ромашка римская») [17]. П.Я. Черных, в свою очередь, отмечает, что номинация *ромашка* становится известна в русском языке только с XVII века [18].

У В.А. Солоухина образ *ромашки* неразрывно связан с любовью и счастьем: «Так в чем оно, счастье?! Неужели не счастье ходить по земле босиком,/ Видеть белой ромашку» [16], «И вдруг/ То тут, то там на ровном этом фоне/ Любовь./ Цветы./ Ромашки, незабудки./ Кроваво-полыхающие маки» [16]. Автор придерживается литературной традиции, связывая теплое время года с проявлением нежных, трепетных чувств, однако лирический герой испытывает эти эмоции по отношению к красоте родного природного мира, его совершенству, чему подтверждением служит автобиографическое стихотворение «Я родился»: «Умеренный географический пояс./ Иду тропинкой по тихому лугу./ Вокруг работают тихие пчелы./ Тихие ромашки глядят в небо» [16]. Здесь писатель дает читателю явный ориентир места, где провел свои детские годы.

Очень часто цветок *ромашки* ассоциируется с весной, лугом, лесом, солнцем, летом [19]. Отражение этого мы находим и в творчестве исследуемого автора, к тому же в его лирике весьма устойчиво соседствующее положение этого цветущего растения с полем: «В траве – ромашка, хлебный колос» [16], «Он/ Окружал ромашки./ Пах он зеленым летом/ (Зыбка дрожал над рожью желтый прозрачный зной).» [16], «Остается все, что уже пребывает и ныне,/ Как в поле ромашки и как облака в синеве...» [16], «Ты – поле ромашек./ А я – листопад.» [16], «Есть время ромашек/ И время наград./ За поле ромашек./ За мой листопад!» [16]. Последний приведенный контекст коррелирует с течением человеческой жизни: в оппозиции *ромашка – листопад* первый компонент ассоциируется с активной жизнедеятельностью, молодостью, а второй – с закономерной зрелостью, постепенным увяданием, упадком сил. В этом плане весьма красноречив еще один контекст: «Отцветает сирень. Осыпаются наземь ромашки./ Желтых листьев кружится медленный водоворот» [16] – строки из стихотворения

«Сорок звонких капелей» – автобиографическое произведение, повествующее о сорока годах, прожитых автором. Об этом позволяет говорить год написания стихотворения – 1964, а В.А. Солоухин был рожден в 1924 году.

Также автор напоминает о том, что *ромашка* – неотъемлемый элемент русской культуры, каждому русскому человеку близок этот цветок, в известной степени В.А. Солоухин его канонизирует: «Людам,/ Воспитанным на васильке и *ромашке*» [16], «Нарушающих традиции и каноны,/ (С точки зрения *ромашки*, с точки зрения березового листа)» [16]. Так, писатель считает *ромашку* символом России наряду с березой.

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о том, что *ромашка* играет большую роль в картине мира В.А. Солоухина. С этим цветком у автора ассоциируется как *малая родина*, так и вся Россия, в связи с чем он вводит данную фитолексему и в автобиографические произведения, ведь тяжело представить просторы Владимирского края без *ромашек* – беззащитных, невинных, хрупких цветов, способных успокоить сердце и душу человека, идущего по тропинке, близ которой располагаются эти тихие растения.

Как и ромашка, близок В.А. Солоухину и скромный темно-голубой цветок *василек*, произрастающий среди злаковых. В лирике он употребляется 9 раз, что составляет 9,7% к числу репрезентантов в группе «Наименования цветочных растений», 3% – к общему числу репрезентантов-фитонимов. Лингвисты не пришли к единому мнению о происхождении данной номинации. Например, Фасмер и Преображенский поддерживают теорию о греческом происхождении лексемы [20], Брюкнер, в свою очередь, допускает в русском слове преобразование из польского *bazylika*, поскольку польское *Bazyli* соответствует русскому Василий [20]. Н.М. Шанский отмечает, что *василек* обязан своим названием древнерусскому переоформлению греческого *basilikon* «царский» (цветок, растение), суффиксального производного от *basileus* «царь» [17]. Однако о месте произрастания данного цветочного растения среди злаковых пород и голубом цвете споров не возникает как у ученых, так и в народном сознании. Здесь показателен «Русский ассоциативный словарь» Ю.Н. Караулова и др., в котором на номинацию *василек* приводится 3 реакции: «пшеница, ромашка, Вася» [19], так как *василек* – это «однолетнее сорное растение семейства сложноцветных с красивыми темно-голубыми или светло-синими цветками, растущее преимущественно во ржи» [19], то вполне ожидаемо, что первые две реакции вызваны местом произрастания этого растения на злаковом поле, где можно также встретить ромашку.

Эту семантику мы встречаем и в лирике В.А. Солоухина. Любовь к полевым цветам подчеркивает чистоту помыслов и красоту души деревенского жителя, близость к природе, наблюдательность и поэтичность. Писателю важно показать красоту полевых цветов, их нежность и хрупкость: «Я их как собирал?!/ Колокольчик чтоб был к колокольчику,/ *Василек к васильку*/ И *ромашка к ромашке* была./ Мне казалось, что будет красивей букет,/ Если только одни *васильки*,/ Или только одни *колокольчики*,/ Или только *ромашки* одни/ Соберутся головка к головке» [16]. Изначально лирический герой планировал собрать монобукет, но постепенно приходит осознание, что все полевые цветы, встречающиеся на его пути, достойны входить в его творение и в совокупности они подарят большее эстетическое наслаждение, нежели каждый из видов отдельно: «Постепенно я понял,/ Что *разных цветов сочетанье*/ (Ярко-желтого с белым,/ Василькового с белым и желтым,/ Голубого с лиловым,/ Лилового с чуть розоватым)/ *Может сделаться праздником летних полуденных красок*,/ *Может сделаться радостью*» [16].

Образ *василька* дает локально-темпоральную информацию. Как отмечалось выше, этот цветок произрастает в полях среди злаковых растений, олицетворяя таким образом просторы малой родины автора: «Вот оно берется переспорить/ Маленького в поле *василька*» [16], «А как же ландыш?!/ *Василек во ржи?*» [16], «А может быть,/ Во ржи крестьянской сирый василек» [16]. Важно отметить, что хотя при изображении данного цветка автор показывает его невинность и беззащитность, он не одинок, всегда изображается во взаимодействии с другими растениями. Временем жизнедеятельности этого цветка считается лето, что четко отражено в поэзии В.А. Солоухина, кроме того автор конкретизирует месяц: «Надо немного условий:/ Просто капельку вкуса/ Или, может быть, капельку зренья –/ И букет обеспечен. Хватает в *июне цветов!*» [16]. Так, номинации цветов актуализируют значимость для русского народа такого времени года, как лето, что особенно важно для жителей деревень. Этот сезон ознаменован теплом, полевыми работами, взращиванием и сбором урожая. Следует отметить, что *василек* редко встречается в славянском фольклоре, особенно его избегают в обрядовых народных песнях. Д.С. Лихачев отмечает существование возможного запрета, связанного с этим цветком: «Рублевское сочетание – васильки среди спелой ржи. А может быть, голубое небо над полем спелой ржи? Все-таки васильки – сорняк, и сорняк слишком яркий, густо-синий, не такой, как в

рублевской «Троице». Крестьянин не признает васильки своими, и рублевский цвет не синий, а скорее небесно-голубой» [21]. У В.А. Солоухина мы встречаем противоположное мнение, в его поэзии *василек* – крестьянский цветок: «А может быть,/ Во ржи *крестьянской сирый василек*» [16]. Автор изображает василек не только как полноправную составляющую мира земледельцев, но и как хрупкое, нежное существо, нуждающееся в любви, заботе, обладающее полным правом на полноценную жизнь.

Таким образом, можно подытожить, что *василек* в творчестве В.А. Солоухина – репрезентант деревенского пейзажа, русского поля, в образе василька сосредоточены черты, присущие дикорастущей, нерукотворной природе. Следует отметить, что в русскую литературу он пришел не из фольклора, а из западной романтической традиции.

Обратимся к *одуванчику*, о котором автор отзывается с особой любовью. Здесь показательно, стихотворение «Цветы», где говорится, что все цветы подчинены *одуванчику*: «Какой цветок я больше всех люблю, – / Пожалуй, назову я *одуванчик*» [16], «Но чем-то/ Мне *одуванчик* ближе всех цветов./ За то, во-первых, что вполне *подобен солнцу*» [16], «За то его люблю, что *вечно жметя к людям*» [16], «Мой старый, добрый *друг*,/ Наивный *одуванчик*...» [16]. Наименование *одуванчик* входит в подгруппу «Дикорастущие породы», которая выступает одной из составляющих ЛСГ «Наименования цветочных растений», употребляется в стихотворениях 7 раз, что составляет 7,5% к числу репрезентантов в группе, 2,3% – к общему числу репрезентантов. Эта лексическая единица является исконно русской. Отметим, что данный цветок может расти не только на полях, лугах или лесных опушках, но и в местах поселения людей. *Одуванчик* – приставочно-суффиксальное производное лексемы *дуть*, назван так за свойство семян разлетаться от малейшего дуновения ветра [20].

Так, можно заключить, что только *одуванчик* из цветущих растений обладает способностью приближаться к небу. В творчестве В.А. Солоухина этот цветок в равной степени принадлежит небу: «За то, во-первых, что *вполне подобен солнцу*./ Как будто *солнце четко отразилось*/ В бесчисленных осколочках зеркальных» [16] и людям: «За то его люблю, что *вечно жметя к людям*,/ Что он *растет у самого порога*,/ У старенькой *завалинки*, у *прясла*/ И самый первый *тянется к ручонкам*/ Смеющегося радостно *ребенка*,/ Впервые увидавшего цветок» [16]. Здесь примечательна цветопись: *желтый, золотой* цвет этого растения сопоставим с солнцем, этот колоратив традиционно связывают с весельем, озорством, доказательством чего служит фразеологизм *золотая пора*, обозначающий юный возраст, годы без забот. Стихотворение «Цветы» также является автобиографичным, о чем свидетельствуют строки: «За то, что сам я *сорок лет назад*,/ Когда пришла пора увидеть землю,/ Когда пришла пора увидеть солнце./ *Увидел* не тюльпаны, не нарциссы,/ Не ангельские глазки *незабудок*,/ Не маков сатанинское горенье,/ *А одуванчик*» [16], как известно, автор был рожден 14 июня.

При описании *одуванчика* автор прибегает к языковым приемам: он награждает этот цветок эпитетами *скромный, маленький, добрый, наивный*; сравнивает с *солнцем*; использует олицетворение: *одуванчик жметя к людям, тянется к ручонкам*; наполняет его *жизнью, солнцем, горечью, медом, теплом, добротой*; называет *старым, добрым другом*. Привлечение в сферу метафоричности наименований человеческих жестов и телодвижений имеет реальную основу в движении *одуванчика*. Можно заключить, таким образом, что для автора это растение подобно человеку, близкому, родному. Кроме того, в этом цветущем растении заключена сама жизнь, преумноженная после смерти одного из представителей: «Срывал я *солнце голыми руками*,/ Легко сдувал пушистые головки./ И опускались легкие *пушинки*/ На землю,/ *Чтобы снова расцвести*» [16].

Так, *одуванчик* играет большую роль в жизни автора, поскольку цветок связан с местом и временем рождения писателя. Это, скорее, личная симпатия, поскольку, кроме данного стихотворения, во всей лирике фитолексема *одуванчик* употребляется достаточно редко, в основном при перечислении разных дикорастущих цветов. Однако следует отметить, что В.А. Солоухин не отстает от традиционных представлений, где *одуванчик* символизирует жизнь и имеет неразрывную связь с солнцем.

Как видим, номинации дикорастущих цветов, такие как *ромашка, василек, одуванчик* активно функционируют в лирике В.А. Солоухина, соотносясь с понятием любви. Наименования цветущих растений выступают одним из значимых фрагментов как солоухинской картины мира, так и языковой картины мира русского народа. Данные лексикографии и лирика исследуемого автора позволяют сделать вывод о том, что данный фрагмент действительности не ограничивается только словесным изображением, на него накладываются ассоциативные, сочетаемостные и фразеологические смыслы.

Несмотря на малую частотность употребления всех репрезентантов культурных пород цветочных растений, следует отметить особое отношение автора к наименованию *роза*, которое употребляется в стихотворениях 11 раз, что составляет 11,8% к числу репрезентантов в группе «Наименование цветочных растений», 3,6% – к общему числу репрезентантов. Полагаем, что такая частота обращения к наименованию цветка *роза* обусловлена тем, что единственную любовь писателя звали *Роза*, откуда и возникают ассоциации имени жены с цветком.

Лексема *роза* не имеет в России фольклорной традиции, однако, как отмечает Н.А. Шабанова, она пришла в русскую поэзию с большим арсеналом устойчивых символических ассоциаций, сформированных мировой культурой [22]. Любое упоминание в поэтическом контексте о *розе* ведет к актуализации культурной ассоциации.

В лирике В.А. Солоухина в процессе функционирования символического образа *розы* отразилась вся история русской поэзии. Например, продолжая традицию поэзии XVIII и XIX веков, автор напоминает о связи *розы* с радостью, любовью, наслаждением, красотой: «Не написал другой ее портрет?! Воспеты *розы*, вина, свадьбы, сады –/ Полдневный труд под солнцем не воспет» [16], но в то же время он противопоставляет наслаждениям, связанным в том числе с *розой*, тяжкий крестьянский труд, который, по мнению автора, необходимо прославлять наряду с удовольствиями, поскольку он способен приносить даже большее человеческое удовлетворение, чем праздный уклад.

Также В.А. Солоухин литературную деятельность считает не менее трудоемкой, о чем он говорит в «Венке сонетов». При описании творческого акта – создания венка сонетов – автор прибегает к сравнению сонета и земных цветов, в числе которых находится *роза*: «К тебе придет *классический сонет* –/ Вершина формы строгой и чеканной./ Вершина формы строгой и чеканной –/ Земной цветок: жасмин, тюльпан, горец,/ Кипрей и клевер, лилии и канны,/ Сирень и *роза*, ландыш, наконец» [16], то есть поэт уподобляется земледельцу/садовнику. В намерении выращивать «Тончайшего искусства образец» [16] несложно угадать вольтеровскую максиму: «Каждый должен возделывать свой сад». В.А. Солоухин, на наш взгляд, уподобляет лирическое произведение цветам, а свое творчество называет *букетом*, подаренным Родине.

Другим примером отражения в лирике В.А. Солоухина литературных предшественников служит символизм поэтов Серебряного века, в творчестве которых традиционное любовное функционирование символа *роза* несколько изменилось, но не утратилось полностью. Здесь примечательны слова А.Н. Веселовского: «*роза* и лилия как-то затерялись среди экзотической флоры современной поэзии, но еще не увяли, и по-прежнему служат тем же целям символизма, выразителями которого были в течение веков» [23]. В.А. Солоухин напоминает о традиционной важности, приписываемой этому цветку, но в то же время переносит центр тяжести на другие экзотические растения, о которых до поэзии Серебряного века практически не упоминалось, например кактус: «А если *розы* любишь ты,/ Ну что ж, не обессуди!/ Мои *колючие цветы* –/ Не приколоть на грудь» [16] или говорит о том, что цветы, возводимые традицией в культ, уже надоели. Лирический герой ощущает их ценность и не собирается ее порочить, но сейчас их важность не столь высока, они уже *пресноваты*: «Я не брошу камня в одуванчик и розу,/ Они прекрасны и не виноваты./ Как жасмин./ Как лилии на зеркале черной реки./ Но с некоторых пор вы поймете,/ Что для вас пресноваты/ листочки,/ цветочки,/ стебельки,/ лепестки» [16].

Как отмечалось выше, *роза* воспринимается поэтами начала XX века, прежде всего, как символ любви. Вслед за символистами В.А. Солоухин стремится к поэтической детализации этого цветка, где при его описании особое внимание уделяется видам и цветообозначениям: «Ах, мечтатели мы!/ Мало было нам *розовой розы*,/ Сотворили, придумали, вывели наугад/ *Белых, чайных, махровых, Багровых, янтарных и черных, Желтых, словно лимон, И пурпурных*, как летний закат./ Мало!/ Здесь подбираемся к сути мы,/ К человеческой сути, что скромно зовется мечтой./ Мусор – *белые розы, Черные розы* – убожество./ Хорошо бы добиться,/ Чтоб *роза* была/ *Голубой!*» [16]. Неудивительно, что человек стремится к созданию именно *голубой розы*, поскольку этот колоратив вносит семантику *неба*. В основе использования этого цвета лежит особое к нему отношение в христианстве. П. Флоренский, анализируя символику цвета в иконописи, сделал вывод, что именно *голубой* цвет означает божественную премудрость и является символом *духовной чистоты и целомудрия*; голубизна символизирует *присутствие божества в мире через его творчество, через его силы* [24]. С помощью этих деталей с одной стороны поэт не отрицает человеческого стремления к истине, духовной чистоте, но с другой стороны показывает человеческую жадность, неумение и нежелание насладиться природной красотой, ее дарами, отсюда наблюдаем недостижимость мечты, заключающейся в стремлении превзойти природу. Здесь видим очередную отсылку к классической традиции, где с легкостью

можно узнать тургеневского Евгения Базарова, для которого природа – творческая лаборатория. Но В.А. Солоухин считает это в корне неверным, поэт во всем своем творчестве пропагандирует идею гармоничного сосуществования человека и природы, где один является частью другого.

Таким образом, можно заключить, что наиболее поэтизирована В.А. Солоухиным из культурных цветочных растений *роза* – в современном восприятии царица цветов. Частое введение в текст стихотворений данной филолексемы связано с именем жены писателя. Тем не менее, появление данного образа в поэтической картине мира В.А. Солоухина – это не только, отсылка к имени жены, но и продолжение литературной традиции как Золотого, так и Серебряного веков. Описание розы отличается у поэта профессиональной точностью, включая не только цветопись, но и видовые характеристики, с помощью которых он передает разнообразие сортов растения, его символические значения, среди которых особое место занимает семантика неба. Можно с уверенностью говорить, что с розой у В.А. Солоухина связаны представления о красоте, любви, удовольствии, творческом увлечении.

На наш взгляд, можно утверждать, что частота употребления фитонимов определенного типа (садовые/полевые цветы) и их функции в тексте опосредованы не только особенностями национальной культурной картины мира, но и индивидуально-авторскими предпочтениями.

Библиографический список

1. Русские пословицы и поговорки; под ред. Аникина В.П. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М.: Наука, 1973. 366 с.
3. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности / Ф.И. Буслаев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 426 с.
4. Писарская Т.Р. К определению понятия установки культуры в лингвокультурологии (на материале паремий) / Т.Р. Писарская, Н.Е. Якименко // Сборник научных статей XXVII Международной научно-практической конференции; под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб., 2017. 366 с.
5. Доманский В.А. Дендронимы в творчестве С. Есенина / В.А. Доманский // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: материалы Международной научной конференции, посвященной 111-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань, 2007. С. 189-200.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. М.: Наука, 1978. 201 с.
7. Исаев Ю.Н. Фитонимы как составная часть языковой картины мира / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. Лингвистика. Чебоксары, 2012. С. 228-231.
8. Алешина Е.К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы / Е.К. Алешина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 8 (2): 34–37. М., 2009.
9. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья: в 2 т. Т.1 А–К. / В.Г. Арьянова. Томск: Издательство государственного педагогического университета. 144 с.
10. Дьяченко Ю.А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова: дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Дьяченко. Курск: Курский государственный университет, 2010.
11. Летова А.М. Семантические особенности фитонимов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / А.М. Летова. М., 2021. 198 с.
12. Рубцова О.Г. Сакральные фитонимы как отражение религиозных представлений: сопоставительный аспект / О.Г. Рубцова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология (4). 2019. С.93-99.
13. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин; собр. М. Забылиным. М.: Эксмо, 2002. 438 с.
14. Будилович А.С. Несколько замечаний об изучении славянского мира / А.С. Будилович. СПб., 1978. 54 с.
15. Ермолов, А.С. Русский народ. Календарь народных примет / А.С. Ермолов. М.: ЭКСМО, 2005. 254 с.
16. Солоухин В.А. Собрание сочинений в десяти томах: в 2 т. Т.1 / В.А. Солоухин. М.: Голос, 1995. 688 с.
17. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка; под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1975. 543 с.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т.1. М.: «Русский язык», 1999. 624 с.
19. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 3.; под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др. М.: ИРЯ РАН, 1996. – 212 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. СПб.: Азбука, 1996.
21. Лихачев Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. СПб., 1987.
22. Шабанова Н.А. Традиционное и индивидуальное в семантической структуре сим вола (на материале символа роза в русской поэзии): дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Шабанова. Саратов, 2000. С. 11.

23. Веселовский А.Н. Из поэтики розы / А.Н. Веселовский // Избранные статьи. Л., 1939. – С.139.
24. Флоренский П. Столп и утверждение истины: в 2 т. Т.1 / П. Флоренский. М., 1990. С. 552.

References

1. Russian proverbs and sayings; ed. Anikina V.P. M.: Fiction, 1988. 431s.
2. Superanskaya A.V. General theory of proper name / A.V. Superanskaya. M.: Nauka, 1973. 366 p.
3. Buslaev F.I. Historical essays on Russian folk literature / F.I. Buslaev. M.: Book house "LIBROKOM", 2011. 426 p.
4. Pisarskaya T.R. On the definition of the concept of culture in linguoculturology (on the basis of proverbs) / T.R. Pisarskaya, N.E. Yakimenko // Collection of scientific articles of the XXVII International Scientific and Practical Conference; under total ed. M.V. Pimenova. SPb., 2017. 366 p.
5. Domansky V.A. Dendronyms in the work of S. Yesenin / V.A. Domansky // Yesenin Encyclopedia: Concept. Problems. Prospects: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 111th anniversary of the birth of S. A. Yesenin. Ryazan, 2007. S. 189-200.
6. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology / N.V. Podolskaya. M.: Nauka, 1978. 201 p.
7. Isaev Yu.N. Phytonyms as an integral part of the language picture of the world / Yu.N. Isaev // Bulletin of the Chuvash University. Linguistics. Cheboksary, 2012, pp. 228-231.
8. Aleshina E.K. The study of plant names and the national language picture of the world: to the formulation of the problem / E.K. Aleshina // Bulletin of NGU. Series: History, Philology. 8(2):34–37. M., 2009.
9. Aryanova V.G. Dictionary of phytonyms of the Middle Ob region: in 2 volumes. V.1 A–K. / V.G. Aryanov. Tomsk: Publishing House of the State Pedagogical University. 144 p.
10. Dyachenko Yu.A. Phytonymic vocabulary in the artistic prose of E.I. Nosov: dis. ... cand. philol. Sciences / Yu.A. Dyachenko. Kursk State University, 2010.
11. Letova A.M. Semantic features of phytonyms in Russian: dis. ... cand. philol. Sciences / A.M. Letov. M., 2021. 198 p.
12. Rubtsova O.G. Sacred phytonyms as a reflection of religious ideas: a comparative aspect / O.G. Rubtsova // Bulletin of TVGU. Series: Philology (4). 2019. P.93-99.
13. Zabylin M. Russian people. His customs, rituals, legends, superstitions and poetry / M. Zabylin; coll. M. Zabylin. M.: Eksmo, 2002. 438 p.
14. Budilovich A.S. A few remarks on the study of the Slavic world / A.S. Budilovich. SPb., 1978. 54 p.
15. Ermolov A.S. Russian people. Calendar of folk signs / A.S. Ermolov. M.: EKSMO, 2005. 254 p.
16. Soloukhin V.A. Collected works in ten volumes: in 2 volumes. V.1 / V.A. Soloukhin. M.: Voice, 1995. 688 p.
17. Shansky N.M. Brief etymological dictionary of the Russian language; ed. S.G. Barkhudarov. Moscow: Education, 1975. 543 p.
18. Chernykh P.Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes. T.1. M.: "Russian language", 1999. 624 p.
19. Russian associative dictionary. Direct dictionary: from stimulus to response. Associative thesaurus of the modern Russian language. Part 3.; ed. Yu.N. Karaulova, Yu.A. Sorokina and others. M.: IRYA RAN, 1996. - 212 p.
20. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes / M. Fasmer. St. Petersburg: Azbuka, 1996.
21. Likhachev D.S. Notes on Russian / D.S. Likhachev. SPb., 1987.
22. Shabanova N.A. Traditional and individual in the semantic structure of the symbol (on the material of the rose symbol in Russian poetry): dis. ... cand. philol. Sciences / N.A. Shabanova. Saratov, 2000, p. 11.
23. Veselovsky A.N. From the poetics of the rose / A.N. Veselovsky // Selected Articles. L., 1939. - P.139.
24. Florensky P. Pillar and affirmation of truth: in 2 vols. Vol. 1 / P. Florensky. M., 1990. S. 552.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.33.23.013

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж, тел. + 79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru

Voronezh state technical university
The chair of Russian Language and Intercultural
adverse communication,
PhD in philology,
associate professor
Popova Y.S.
Russia, Voronezh, tel. + 79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. + 79202146219
e-mail: may2005@yandex.ru

Voronezh state technical university
The chair of Russian Language and Intercultural
adverse communication,
PhD in philology,
associate professor
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, tel. + 79202146219
e-mail: may2005@yandex.ru

Ю.С. Попова, О.В. Сулемина

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В АРАБСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИИ)

В работе производится анализ пословиц на русском и арабском языке с точки зрения совпадения/несовпадения традиционных гендерных представлений о женщине в языковой картине мира. На примере толкования пословиц выделяются оценочные и эмоциональные компоненты значения путем выстраивания бинарных оппозиций: зависимость – равенность, коварность – скромность, властность – мягкость/ безволие/ бесправие. В результате исследования выделяется ряд общих качеств и характеристик, присущих женщине в обеих языковых картинах. Ее зависимое положение от статуса, который свидетельствует о принадлежности к семье (отзеркаливание положения мужчины). Или принадлежности к роду родителей, если женщина не замужем. Перемены в жизненном пути влекут перемены в наименовании и дальнейшей судьбе (девка/девушка-баба/женщина). Отмечаются и различия в представлении о женщине. В оппозиции коварство-скромность, второе качество является благодетелью общечеловеческой, не разделенной по гендерному признаку. Также в арабской языковой картине используются образы-маски, которые являются сосредоточением определенного качества. Эти завуалированные символы раскрываются в образах животных. Женщины сравниваются с хищницами. При этом традиционное представление о хищных животных в русском сознании и арабском различается.

Одно и то же качество характера в зависимости от ситуации может быть отмечено как положительной характеристикой, так и негативной. Мягкость, например, с одной стороны, является синонимом доброты, а с другой стороны, не подлинное, показное проявление этого качества является обманом и подлежит порицанию.

Отмечается уникальный, самобытный взгляд на женщину, отражением которого является паремийный пласт языка. Выделяются и общеуниверсальные характеристики, представляющие образ женщины с точки зрения общечеловеческих ценностей, не подлежащих изменениям многими столетиями.

Ключевые слова: гендер, стереотип, пословица, русский язык, арабский язык

Y.S. Popova, O.V. Sulemina

THE IMAGE OF A WOMAN IN THE ARAB AND RUSSIAN NATIONAL PICTURES OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF PAREMIOLOGY)

The writing analyzes proverbs in Russian and Arabic from the point of view of coincidence/discrepancy between traditional gender concepts of a woman in the linguistic picture of the world. Using the example of the interpretation of proverbs, the evaluative and emotional components of meaning are distinguished by building binary oppositions: dependence – equality, insidiousness – modesty, authority – softness/lack of will/disenfranchisement. As a result of the study, a number of common qualities and characteristics inherent in a woman in both language pictures are highlighted. Her dependent position on the status, which indicates belonging to the family (mirroring the position of a man). Or belonging to the family of the parents, if the woman is not married. Changes in the way of life entail changes in the name and future fate (girl / girl-woman / woman). There are also differences in the idea of a woman. In the opposition, treachery is modesty, the second quality is a universal benefactor, not divided by gender. Also, in the Arabic language picture, images-masks are used, which are the concentration of a certain quality. These veiled symbols are revealed in the images of animals. Women are compared to predators. At the same time, the traditional idea of predatory animals in the Russian and Arabic consciousness differs.

The same quality of character, depending on the situation, can be marked by both a positive characteristic and a negative one. Gentleness, for example, on the one hand, is synonymous with kindness, and on the other hand, not a genuine, ostentatious manifestation of this quality is a deception and is subject to censure.

A unique, original view of a woman is noted, the reflection of which is the paremic layer of the language. There are also universal characteristics that represent the image of a woman from the point of view of universal values that are not subject to change for many centuries.

Keywords: gender, stereotype, proverb, Russian, Arabic

Гендерные стереотипы – это сложившиеся устойчивые и распространенные представления, касающиеся особенностей поведения, внешности и стремлений в зависимости от пола. Стереотипы связаны с поддержанием гендерных ролей и влияют на их воспроизведение у последующих поколений. Представление о роли мужчины и женщины является одним из основополагающих в культуре разных народов. Различные трактовки можно встретить с древних времен, например, в мифологии. В языках мира существуют многочисленные символы, олицетворяющие женское и мужское начало: инь и ян; солнце, огонь, тепло – луна, земля, вода; светлое и темное – активное и пассивное; дающее и принимающее. В этих образах мужского и женского начал проявляется влияние патриархальной структуры общества: мужская сила, воля, агрессивность противопоставлены женской слабости, покорности, зависимости, предопределяя иерархию их социальных ролей.

Дальнейшее развитие и становление образа и роли мужчины и женщины находят свое отражение в художественной литературе, изобразительном искусстве, танце, исследуются в разных аспектах (психология, социология, история и другие).

Пословица – одна из самых популярных форм выражения, отраженных в культуре образных форм. Они отражают чувства народов разных классов и принадлежности, отражают их идеи, восприятие, обычаи, традиции, убеждения, многие аспекты жизни. Пословицы характеризуются быстрым распространением от поколения к поколению, переходом из одного языка в другой, дополняя к значению текста еще и красоту слова, усиливая интенсивность смыслов. Анализ общего и различного в образах и трактовках пословиц разных народов является актуальным так, как «создание международной классификации пословиц превратилось в общую задачу всей современной паремологии» [1; с. 231]. Вместе с тем исследование позволяет выявить уникальные и универсальные символы и значения, характерные для русской и арабской культуры.

В своей работе мы выделили несколько пар бинарных оппозиций: зависимость – равенство, коварность – скромность, властность – мягкость/безволие/бесправие.

Женщина традиционно считается слабой, **зависимой** от мужчины. Об этом свидетельствуют такие пословицы: ظل رجل ولا ظل حيطه (женщина – тень мужчины); المرأة بلا رجال مثل البستان بلا سياج (женщины без мужчин, как фруктовый сад без забора) [2; 3].

В русском языке мы находим пословицы с похожим значением: без мужа жена всегда сирота; жена без мужа – вдовы хуже [4]. Но в значении русских пословиц есть существенное отличие – это указание на статус женщины. Она является женой.

Этим пословицам противопоставляются другие, указывающие на **равенство** женщин в обществе мужчинам. Они должны быть наделены такими же правами и обязанностями. Об этом свидетель-

ствуют следующие пословицы: *النِّسَاءُ شَقَائِقُ الْأَقْوَامِ* (женщины - сестры мужчин) [2; 3]. Смысл этой пословицы заключается в том, что женщины подобны мужчинам и являются их половинками. Напрямую об это говорит и другая пословица: *المرأة نصف المجتمع* (женщины - половина общества) [2; 3].

О схожем статусе женщины свидетельствуют русские пословицы: *без мужа, что без головы; без жены, что без ума; доброю женою и муж честен* [4]. Мужчина и женщина в русской языковой картине мира являются половинками друг друга, статус одного отражает статус другого.

Еще одной оппозицией при описании характера женщины является противопоставление скромности и **коварства**. О хитрость женщины свидетельствуют следующие пословицы: *حيل النسوان* (в хитростях женщина победит мужчину). И другая пословица практически полностью повторяет значение первой: *كيد النساء غلب كيد الرجال* (в коварстве женщины превосходят мужчин) [2; 3].

Русские женщины тоже наделены данным качеством. Об этом свидетельствует целый ряд пословиц: *в людях — ангел, не жена, дома с мужем — сатана; больно щекотлива, и посечь себя не даст; кто бабе (свахе) поверит, трех дней не проживет* [4].

Противопоставляется хитрости и коварству - **скромность**. В арабоязычных странах это качество служит украшением характера женщины. Об этом свидетельствуют следующие пословицы: *زين المرأة الحياء* (женщину украшает скромность), *الحياء حسن وفي النساء احسن* (скромность хороша сама по себе, а в женщине еще лучше) [2; 3].

В русской культуре скромность не является типично женской чертой. Выявленные пословицы свидетельствуют о том, что это качество является общечеловеческим, не делится по гендерному признаку. Например: *скромность украшает человека; скромный человек сам своих заслуг не оценивает; скромнее себя ведет тот, кто не требует, а просит* [4].

Еще одна стереотипная оппозиция, которая отражает противоречивое представление о характере женщины – это противопоставление властности и мягкости/безволия/бесправия. В арабском языке о **властности** женщины свидетельствуют пословицы, в которых приводится не прямое наименование этого качества, а опосредованное, через образ животного. Эти образы-маски используются широко в различных культурах. Так, авторитарностью и властолюбием наделяется волчица, львица. Т.е. женщина уподобляется хищнику. Об этом прямо говорят пословицы: *سَلْفَةٌ مِنْ سَلْفَةٍ مِنْ أَسْلَاطٍ* (властнее волчицы), *نم أرج السباع وإنات* (говорят, что львица более агрессивна, нежели лев), *بسألنا نم أجزأ اللبؤة: بنولوقي* (хищницы более дерзкие, чем хищники), *بتلق* (этот образ используется по отношению к властным женщинам) [2; 3]. Данное женское качество раскрывается в сопоставлении мужской особи (хищник, лев) и женской особи (хищница, львица). О негативной коннотации данного качества свидетельствует синонимичный ряд, сопровождающий слово «властный». Это слова «агрессивный» и «дерзкий». Качества, которые очень редко соотносятся с женским образом в мировой культуре и больше свойственны мужчинам.

В русской традиции амбициозность женщины практически не прослеживается и не является негативной характеристикой. Наоборот, отмечается ум, сметливость, умение дать верный совет: *худо дело, коли жена не велела; женский ум лучше всяких дум; и дура — жена мужу правду не скажет; красна девка не телом, а делом* [5]. Но это положительные характеристики чаще присущи именно жене, которая всегда поможет мужу или незамужней девушке, о которой судят не по внешности, а по делам. То есть данные качества становятся частью статуса женщины-жены или будущей жены и неотделимы от понятий «семья» и «род».

Оппозицией властности, амбициозности, авторитарности является **мягкость, безволие, бесправие**. В арабских пословицах можно встретить наставление мужчинам: не подчиняться женщинам *نَدَامَةُ النَّسَاءِ طَاعَةٌ* (покорность женщине – (приведет) к беде). Отмечается, что уступки во всем могут нести серьезные негативные последствия. Качество мягкость является общечеловеческим, не наделенным каким-либо гендером. При этом под мягкостью может пониматься как доброта. Подтверждением этой мысли является пословица: *لما رمألأ يف الرفق يحب دلأ ن!* (Всевышний любит мягкость (доброту) во всех делах!). Доброта становится высшим благодеянием, которое угодно самому Всевышнему. Также данное качество раскрывается как что-то внешнее, показное, льстивое, используемое для затуманивания и даже обмана. Например, *لَعْنَدَاوَةٌ رَيْفَاتِكُ تَحْتِ إَنَّ* (под твоей мягкостью – (кроется) строптивость!). В то же время, человек, который умеет проявить мягкость в речах, будет успешен в любви. Эта мысль отражена в пословице: *مَحَبَّتُهُ وَجَبَتْ أَلْمَنَّهُ لِأَنَّتْ مَنْ* (мягкий в речах обязательно добьется любви) [2; 3].

Если обратиться к русским пословицам, то можно выделить два типа отношения. Покорность является положительным качеством для молодой девушки. (*Например, смирение – девичьи украшения*). Позитивной характеристикой является не строптивость девушки, умение не обращать внимание на некоторые вещи, как бы пропуская их мимо глаз или ушей. Об этом свидетельствует следующая пословица: *у доброй девки ни ушей, ни глаз*. Статус взрослой женщины, которая именуется «бабой», становится тяжелым бременем. Судьба ее сравнивается с судьбой раба, а жизненный путь с отсутствием воли у крепостного человека. Данное утверждение отражается в пословице: *бабья доля, что рабья воля* [5]. То есть с переменой статуса происходит изменение важных качеств характера, а также отношений к этим качествам.

Таким образом, стоит отметить, что изучение стереотипных представлений о женщине в языковой картине мира помогает проникнуть в глубинные представления о национальном менталитете. Сопоставление пословиц на русском и арабском языке позволяет выявить, с одной стороны, общечеловеческие ценности и качества, с другой стороны, не оставить без внимания и самобытное мироощущение. Это дает возможность исследовать устойчивые когнитивные компоненты, отражающие фрагменты знаний и представлений о национальной картине мира, самосознании отдельно взятого народа и его исторической судьбы.

Библиографический список

1. Фойт В. Разработка общей теории пословиц // Паремнологический сборник. М., 1978. С.231
2. Кухарева Е.В. Словарь арабских пословиц и поговорок (с лексико-фразеологическим комментарием). М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. 303 с.
3. Сарбулатов И. Арабские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. URL: http://babylonians.narod.ru/arab/arab_sayings.pdf (дата обращения 15.11.2022)
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 604 с.
5. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений: более 22 000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2016. 729 с.

References

1. Voit V. Development of the general theory of proverbs // Paremiological collection. M., 1978. p.231
2. Kukhareva E.V. Dictionary of Arabic proverbs and sayings (with lexical and phraseological comments). M.: AST: AST MOSCOW: East – West, 2008. 303 p.
3. Sarbulatov I. Arabic proverbs and sayings [Electronic resource]. URL: http://babylonians.narod.ru/arab/arab_sayings.pdf (accessed 15.11.2022)
4. Dal V. I. Proverbs of the Russian people. Moscow: OLMA-PRESS, 2000. 604 p.
5. Zimin V. I. Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions: more than 22,000 proverbs, sayings, sayings, sayings, sentences, sayings, riddles, signs, teasers, counting. Moscow: AST-PRESS, 2016. 729 p.

УДК 820: 821.161: 821.51: 82-1/-9
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.15.30.014

<i>Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)</i>	<i>Kazan institute (branch) of the all-russian state university of justice (RPA of the ministry of justice of Russia)</i>
<i>старший преподаватель Шамсутдинова Р.Г.</i>	<i>senior lecturer Shamsutdinova R.G.</i>
<i>Россия, г. Казань, тел. +7 (903) 313-13-31</i>	<i>Russia, Kazan. tel. +7 (903) 313-13-31</i>
<i>e-mail: gerina37@mail.ru</i>	<i>e-mail: gerina37@mail.ru</i>

Р.Г. Шамсутдинова

АНАЛИЗ СНОВ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Г. ИБРАГИМОВА

Изображение бессознательного и различные формы его выявления – это черты, принадлежащие творчеству писателей разных национальных литератур. Бессознательное как сфера художественного изображения определяет особенности тематики, проблематики и пафоса произведений, отражает авторскую концепцию личности, представления писателя о сущности тех или иных психологических состояний, процессов. Сон является одной из форм бессознательного. У всех снов есть одна общая функция: они являются доказательством того, что личность находится в разногласии с бессознательным. Исследование снов, предшествующих им психологических состояний героев и последующих событий позволяет раскрыть характер соотношения двух сфер – сознательного и бессознательного. Поставленные задачи определили необходимость обращения к сопоставительному анализу фрагментов романов русского и татарского писателей, в ходе которого дается характеристика психологическому подтексту снов героев и описанию соотношения сна и яви в сопоставляемых произведениях. В бессознательном состоянии сна герои постигают законы мироздания и вселенной, тайны жизни и смерти. Сны в сопоставляемых произведениях выполняют сходные функции: являются средством самоуглубления и самоанализа; откликом на непосредственные впечатления; способом психологической индивидуализации характеров; имеют сюжетообразующее значение, приобретают символический смысл и др.

Ключевые слова: татарская литература, русская литература, бессознательное, подсознательное, сновидение, сопоставление, символика, онейросфера.

R.G. Shamsutdinova

ANALYSIS OF DREAMS IN THE NOVELS OF F.M. DOSTOEVSKY AND G. IBRAGIMOV

The image of the unconscious and various forms of its identification are features belonging to the creative work of writers of different national literatures. The unconscious, as a sphere of artistic representation, determines the specifics of the themes, issues and pathos of works, reflects the author's concept of personality, the writer's ideas about the essence of certain psychological states, processes. Sleep is a form of the unconscious. All dreams have one common function: they are proof that the personality is at odds with the unconscious. The study of dreams, the psychological states of the characters preceding them and subsequent events allows us to reveal the nature of the relationship between the two spheres – conscious and unconscious. The tasks set determined the need to turn to a comparative analysis of fragments of novels by Russian and Tatar writers, during which the psychological subtext of the characters' dreams is characterized and the relationship between sleep and reality in the works being compared is described. In the unconscious state of sleep, the heroes comprehend the laws of the universe and the universe, the secrets of life and death. Dreams in the compared works perform similar functions: they are a means of introspection and introspection; a response to direct impressions; a way of psychological individualization of characters; they have a plot-forming meaning, acquire symbolic meaning, etc.

Key words: Tatar literature, Russian literature, unconscious, subconscious, dreaming, juxtaposition, symbolism, oneirosphere.

Вторая половина XIX века характеризуется интересом писателей к психологизму, создаются

психологические романы, используются психологические приемы в произведениях. Наблюдается общая тенденция - внимание к бессознательному. К проблеме бессознательного в творчестве Ф.М. Достоевского обращались такие ученые, как Г.К. Щенников, Р.Г. Назиров, И.В. Страхов. Одной из форм бессознательного может быть сон. Обоснованием для сопоставления творчества данных писателей, во-первых, является наличие контактных связей: записи Г. Ибрагимова, в которых имеются упоминания о Ф.М. Достоевском.

Во-вторых, между произведениями Ф.М. Достоевского и Г. Ибрагимова могут быть установлены типологические сходство и различие, во-первых, на уровне жанрового своеобразия произведений. Так, в сопоставляемых произведениях писателей ярко выражена романная проблематика. В личностном самосознании человека писатели выделяют экзистенциальный компонент сознания, актуализируемый ситуацией выбора. Как известно, русская и татарская литературы имеют схожие этапы развития, но временные рамки этих явлений не совпадают. Во-вторых, типологическое сходство устанавливается также на уровне творческих принципов писателя.

У всех снов есть одна общая функция: они являются доказательством того, что личность находится в разногласии с бессознательным, что где-то человек сбился со своего пути. В какой-то момент он стал жертвой собственных амбиций, и если он будет продолжать не замечать этого, пропасть будет расти, пока он не сорвется в нее. Надо детально изучить сон, прежде чем его интерпретировать. Сны всегда касаются частных проблем личности. Они являются реакцией на нашу сознательную позицию. Это также, как реагирует наше тело, если мы наносим ему какой-либо вред. Бессознательное, появляющееся во сне, содержит путь к полноте и целостности личности, то есть к исцелению. Спуск в глубины должен принести исцеление, так как здесь спрятано сокровище целостности.

И.В. Страхов в работе «Психология сновидений» говорит, что сновидения связаны с различными сторонами личности, ее потребностями, интересами. «Все то, над чем человек усиленно работает, к чему он стремится, что его волнует и вызывает разнообразные чувства и желания, может получить соответствующий отклик в сновидениях [1; с. 24].

С помощью снов раскрывается внутренняя жизнь героев романа Достоевского. В романах писателя сновидения входят в картину реального мира. Обратимся к роману «Идиот». Так, в бессознательном состоянии сна герои постигают законы мироздания и вселенной, тайны жизни и смерти. Сны Ипполита вызваны болезнью организма, и рассказаны они в болезненном воодушевлении с намерением быть до конца откровенным. Герой пытается передать весь ужас кошмарных снов. Отсюда чрезмерные подробности, с какими рассказан, например, сон об омерзительном насекомом. По мнению Г. Щенникова, при всей чудовищности изображения картины сна образы, детали поражают своим правдоподобием [2; с. 129]. Во сне о тарантуле Ипполит испытывает мистический ужас, страх [2; с. 129]. В следующих снах данная тайна раскрывается. Этому способствует встреча Ипполита с Рогожиным. В доме у Рогожина Ипполит испытывает сильнейшее впечатление от картины Гольбейна «Христос в гробу». Картина эта утверждала всемогущество глухой, темной, безжалостной природы: «Картиной этой как будто именно выражается это понятие о темной, наглой и бессмысленно вечной силе, которой все подчинено, и передается вам невольно» [3; с. 411]. Вся жизненная концепция героя воплощена в этом сне. Ипполит не верит в божественность Христа, не верит в чудо.

Аналогичную функцию выполняет первый сон Марьям в романе «Молодые сердца» Г. Ибрагимова. В нем звучит мотив разрушения упорядоченного космоса хаотическими силами. Солнечное затмение, несущее угрозу мирозданию, жизни, приносит в мировосприятие человека страх, тревогу, ужас. А.М. Саяпова выявляет экзистенциальный подтекст социально-философской концепции писателя: «... затмение – причина той злой силы, которая лишает человека сознания, ввергая его в состояние оцепенелого недоумения-покая перед открывающейся пустотой, устрашающей бездной жизни времени катастроф» [4; с. 71]. В этом сне жизни противопоставлена смерть. Поэтому во второй части сна возникает идеальное пространство. Сад становится воплощением пространства, где Марьям и Зыя обретают счастье. Следующее за ним падение в пропасть - это своеобразное крушение надежд Марьям. Но в более широком плане этот сон отображает состояние мира в преддверии катастрофы.

В.Р. Аминова в одной из своих статей пишет, что «первый сон Марьям предваряет сам тип повествования в романе. Два плана сюжетного развития – личный (линия Зыи, Марьям и Фахри) и исторический (линия национальной и мировой истории) параллельны, тесно связаны друг с другом и входят в третий – план философского обобщения. Целостность художественного изображения дисгармонии, постижение общего смысла эпохи предполагает возведение частного, эмпирического к универсальному и всеобщему» [5; с. 27]. Таким образом, сны позволяют войти в «соприкосновение с

бытийственным слоем жизни и его смыслами, образующими сферу символического», как отмечал В.Н. Топоров [6; с. 132].

Сон – это и способ самоуглубления и самопознания. Как средство воплощения бессознательного сны в данных произведениях показывают опасения и страхи, которые неосознаны наяву героями, их скрытые желания, то есть иррациональную стихию чувств и др.

В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» сон Ипполита раскрывает внутреннее состояние героя. Он безнадежно болен, мысль о скорой смерти угнетает его, он не может без зависти смотреть на окружающих людей. Болезнь порождает в нем зло, которою герой в виде желчи выплескивает на окружающих. Ипполиту трудно смириться с тем, что он умрет. А другие будут жить дальше. И этот страх перед смертью, страстное желание жить Ипполита показаны через сон. Сны Ипполита в романе Ф.М. Достоевского раскрывают противоречия в его характере. С одной стороны, Ипполит изолирует себя от общества людей, воздвигая глухую «Мейерову стену», а с другой жаждет человеческого участия.

Сон Зыи в романе Г. Ибрагимова «Молодые сердца» после убийства старика сторожа служит для раскрытия чувств, терзавших героя. Зыя чувствует свою вину, его мучают угрызения совести. Во сне ему начинают слышаться стоны, иногда кажется, что вот-вот появится сам старик. Появление силуэта, который показывал на труп и стал грозить пальцем, выявляет предчувствие скорого наказания.

Первый сон Марьям в романе «Молодые сердца» открывает те ее качества, о которых она не подозревала – способность убить другого человека. Одним из участников первого сна Марьям является Фахри, ненавистный для нее человек. Перед убийством мужа Марьям полна небывалой решимости. Она прекрасно понимает, что один лишь ее поступок может изменить ее судьбу. Но этот поступок может повлечь за собой катастрофу. Марьям стреляет в Фахри три раза. Не ожидая от себя такого, она находится в каком-то оцепенении, ничего не слышит. Не понимая, что произошло, она начинает кричать. Она не может до конца осознать, как она могла на это решиться. Через этот сон нам открывается страшная сторона ее характера – способность убить.

Г. Ибрагимов в романе «Молодые сердца» в форме литературных снов осуществляет анализ психологических состояний и характеров действующих лиц. Сны героев Г. Ибрагимова предваряют события и переживания, связанные с данными событиями, которые являются источником возникновения снов у персонажей. Так сну Марьям предшествует переживание большой силы. Известие о том, что Зыю забирают на службу, вызывает у героини сильное эмоциональное потрясение. Марьям живет ощущениями неизбежной катастрофы, крушения надежды на счастливую жизнь рядом с любимым человеком. Это ощущение обреченности усиливается невозможностью проститься друг с другом перед отъездом Зыи. Марьям под воздействием своих переживаний видит страшные сны: «Яр буенда зур-зур кимэлэр тора... йа ходай, кимэлэр түгел имеш, – кулларына эллэ нинди нэрсэлэр тоткан адәмнэр имеш... Ходаем ниндидер адәм куркыныч күзлэре белән бертуктамый Мәрьямгә карап тора... йа ходай, бусы ни тагы? Үзгэрэ торгач, шул адәм таныш бер кыяфәткә эйләнде. Гүя Мәрьям аны таныш, әмма кем икәнә хәтеренә генә килми. Шулай дип уйларга өлгермәде, ул адәм Фәхри булды да, кулындагы зур пычагын ялтыратып, буларга таба атлый башлады» [7; с. 429-430].

«Ей приснилось: Прямо у воды – большие лодки... Господи, вдруг лодки превратились в людей, которые что-то держат в руке... О-о, какие страшные лица: боже, это ведь черти и ведьмы! О творец, что это? Какой-то страшила уставился на Марьям своими огромными, страшными, злыми глазами... Какое знакомое лицо! Марьям знает его, только вспомнить не может. И вдруг страшила превращается в Фахри. У него в руках огромный, сверкающий нож, идет к ним» [8; с. 151].

Наконец, через сны герои Ф.М. Достоевского обретают новое знание о тех людях, с которыми непосредственно переплетена их судьба. Главным «визионером» в романе «Идиот» является Мышкина. В его снах нет ничего фантастического. Князю снится Настасья Филипповна, мысли о которой постоянно мучают его: «... Но странно у ней было теперь как будто совсем не такое лицо, какое он всегда знал, и ему мучительно не хотелось признать ее за ту женщину. В этом лице было столько раскаяния и ужаса, что казалось – эта была страшная преступница и только что сделала ужасное преступление. Слеза дрожала на ее бледной щеке...» [3; с. 426]. Князь интуитивно постигает всю силу стремления Настасьи Филипповны к идеалу, жажду любви, прощения, ему открывается и глубина ее страдания из-за своей уязвленной гордости, которая не позволяет забыть обиды и принять прощение и др. Встреча князя с Настасьей Филипповной произошла и наяву: «Она опустила на колени, тут же на улице, как иступленная, она ловила его руку, чтобы целовать ее, – и точно так же, как и давеча в его сне, слезы блестели на ее длинных ресницах» [3; с. 459]. Сны эти кажутся пророческими: они предсказали реальную встречу; более

того, они предвещают трагическую развязку отношений князя с Настасьей Филипповной и Аглаей [2; с. 141–142]. Уже в первом сне Мышкин чувствует, что «произойдет что-то ужасное, на всю его жизнь», что это ужасное связано с новым обликом Настасьи Филипповны. И действительно, ее поступки усложнили отношения князя с Аглаей. По мнению Г.К. Щенникова, пророческий характер снов Мышкина имеет глубокую психологическую мотивировку. Князь угадал состояние Настасьи Филипповны, потому что все время думал о ней с состраданием. Князю близки чувства, пережитые ею: ощущение вины перед любимым, жажда самопожертвования и страх, что эта жертва не будет принята. Мышкин предчувствует трагическую развязку отношений с Настасьей Филипповной, потому что он никогда не признает ее «преступницей», не примет условием своего счастья чью-то жертву [2; с. 141 - 142].

Ф.М. Достоевский и Г. Ибрагимов используют форму сна как средство индивидуализации характера с целью раскрытия психологического состояния героев. В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» первыми упоминаются сны Александры Епанчиной. Ее сны отличались пустотой, невинностью, по словам автора, «семилетнему ребенку впору». Однажды ей приснились девять куриц, что чаще всего толкуется как увеличение семьи. И действительно, все выходит так. Князь Щ. после своих визитов и ухаживаний становится женихом Аделаиды, и Аглая в конце романа выходит замуж.

Таким образом, можно сказать, что сны Александры носят интуитивный характер. Все её переживания связаны с семьей. Она старается уберечь близких от невзгод, хочет, чтобы в семье царил мир. Пусть не до конца, а частично, Ф.М. Достоевский все же раскрывает часть её внутреннего мира. Автор прибегает к описанию сна, чтобы с его помощью подчеркнуть душевные качества своей героини. В данном случае – это отказ от своих интересов ради благополучия и счастья семьи.

В снах Настасьи Филипповны раскрывается ее внутренний мир. Из-за своей внутренней опустошенности, постоянного чувства вины, отказа от мира она становится той, какой представляет себе ее князь. Для Мышкина вполне очевидна жертвенность ее натуры. Его не возмущают те средства, которыми она мстит обществу. Он понимает, что это для затравленной женщины только способ самозащиты. Он пытается пробудить в ней чувство собственного достоинства. Мышкин был ее надеждой на счастье. Но, поняв, что он в большей степени жалеет ее, а не любит, она отказывается от мечты о счастливой жизни.

Приемом индивидуализации характера являются и сны Зулейхи-абыстай и солдат-рекрутов в романе Г. Ибрагимова. Зулейхе снится, как на нее несется собака с лаем. Этот сон вызван переживанием матери о сыне, которого должны забрать на службу. Рекрутство Зыи – в сознании, мыслях матери, которые не дают ей покоя. Ее горе настолько велико, что ее чувства выходят за грань сознательного и проявляются в виде снов. Зулейха сама осознает, что это сновидение не к добру.

В романе Г. Ибрагимова «Молодые сердца» солдатам тоже снятся страшные сны, старые ружья. Страх солдат понятен. Ведь они могут вообще больше не вернуться домой. Им предстояла тяжелая жизнь. Они мужчины и не могут говорить о своих слабостях – из сферы сознания эти мысли и чувства переходят в сферу бессознательного и проявляются в снах: переживание разлуки с родными, страх перед смертью.

В анализируемых произведениях сны обладают прогностической направленностью, представляя собой своеобразную форму иррациональной визуализации будущего. У Ф.М. Достоевского сны становятся решающим фактором в ходе постоянных колебаний героя. Так, Ипполит решается на самоубийство, Мышкин «прозревает» страдания Настасьи Филипповны. Сны Настасьи Филипповны так же можно назвать пророческими: «Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные... Один из ваших убийц в ваших глазах обратился в женщину, а из женщины в маленького, хитрого, гадкого карлика...» [3; с. 473]. Во сне, который она видит, происходят чудесные превращения образов, разнообразные нелепости, сон носит хаотичный характер, «но в общем хаосе ощущается какая-то мысль действительная, реальная, принадлежащая к настоящей жизни» [2; с. 129]. Сны являются важным композиционным приемом в творчестве Ф.М. Достоевского. Используя этот прием, писатель наделяет его каждый раз новой смысловой нагрузкой. Например, важную роль в развитии сюжета романа «Братья Карамазовы» играют фантастические сцены – сны, где сталкиваются два мира. Здесь сны уже выполняют чудодейственную функцию. Каждый сон становится своеобразным перерождением героя. В фантастических снах четко проходит разделение между сном и явью: герой понимает, что видит сон, который переживается как реальность. В кошмаре – стирается грань между явью и сном. Так, мы видим, что ужас рождается в болезненном сознании Ивана. В своем сне он видит, как черт приходит к нему, но всячески пытается внушить себе, что это всего лишь галлюцинация. Следствием данного кошмара является сон Лизы Хохлаковой о чертях. При этом аналогичный сон видит Алеша. Лиза подмечает, что все они видят один и тот же сон. И это в какой-то степени сближает героев. Жизнь человека – это балансировка между силами добра и зла.

Черт начинает занимать определенное место в сознании Ивана. Черт – это субъект со своим самосознанием. В дальнейшем мы видим внутреннее раздвоение Ивана. Через слова черта Иван передает свои слова, мысли. Здесь появляются атеистические идеи. Две идеи сталкиваются в сознании Ивана: эсхатологическая – надежда в гармоническое завершение жизни, и моральная и правовая одновременно. «Ад» Ивана оппонирует стремлению души Алеши к Благой Вести. В сознании Алеши постоянно возникают цитаты из Евангелия, Поучения старца Зосимы, басня, рассказанная Грушенькой, в результате это, сплетаясь, репрезентируется в его сне. Мы видим, что во сне Алеши все действия разворачиваются на фоне чтения о первом чуде Христа в Кане Галилейской.

Особую роль в композиции романа «Братья Карамазовы» играет притча о «Луковке», в которой раскрываются причины гибели души человеческой. Смысл ее в следующем: спасти себя – это значит спасти других. Об этом законе напоминает Грушенька. И старец Зосима во сне говорит о луковке. Сон о луковке вызвал переворот в душе Алеши. И герой задумывается о деятельной любви. Началом духовного перерождения Мити становится осознание собственной вины и остальных людей. Герой вспоминает легенду об аде, услышанную от ямщика по дороге в Мокрое. Во сне, увиденном Митей, «слезинка ребенка» приобретает конкретное значение. Через сновидение он приходит к нравственному обновлению: «... я в себе в эти два месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек! <...> Зачем мне тогда приснилось «дитё» в такую минуту? «Отчего бедно дитё?» Это пророчество мне было в ту минуту! За «дитё» и пойду. Потому что все за всех виноваты. За всех «дитё», потому что есть малые дети и большие дети. Все – «дитё». За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю!» [9; с. 31]. Сон открывает Мите то, что он является причиной страданий и смерти Илюши. Митя понимает, что совершил зло, когда унижил капитана Снегирева на глазах Илюши.

В последнем романе Ф.М. Достоевского доминирующей темой является тема разобщенности, которая породила вражду, существующую в семье Карамазовых. Дмитрий – человек поддающийся страстям, Иван находится под влиянием «распущенного ума», незаконнорожденный Смердяков не только лакей в действительности, но и сознание у него лакейское, Алеша – послушник монастыря, который всячески старается примирить членов семьи. Результатом враждебных столкновений становится отцеубийство. Иван не убивал отца, но допускал это, им же была сформулирована мысль об отцеубийстве. Дмитрий тоже не убивал, но ненависть к отцу готова была подтолкнуть его на этот шаг. Убил Федора Павловича Смердяков, но он лишь стал орудием, реализовав мысль Ивана.

Таким образом сны становятся критерием, по которому можно дифференцировать героев. Одни герои, увидев сон, заново рождаются, становятся другими людьми, а остальные, заключающие в себе отрицательные идеи, несут наказание за свои мысли и поступки. К первому типу относятся сны Алеши, Грушеньки и Дмитрия. Ко второму – Лизы Хохлаковской и Ивана Карамазова, в которых доминирующее положение занимают мотивы темноты, страха, погони и борьбы самих героев с бесами и чертом. Близость героев и типологическое родство душ говорит о том, что в романе Ф.М. Достоевского создан некий универсальный язык сновидений, с помощью которого передается авторское понимание человека. Таким образом можно сделать вывод, что сны в романе «Братья Карамазовы» несут собою функцию очищения.

В романе Г.Ибрагимова сны выполняют прогностическую функцию. В романе «Молодые сердца» первый сон Марьям о солнечном затмении превращается в реальность [10; с. 92]. В одном из своих снов Марьям убивает мужа. В немного искаженном варианте происходит в жизни – ее обвиняют в смерти мужа, и она оказывается в тюрьме. Ее падение в пропасть – это крушение ее мечты на счастье с Зыей, крушение всех ее надежд. В произведении Г.Ибрагимова прогностическая функция снов связана с идеей предопределенности судьбы человека, восходящей к религиозному учению – теологическому фатализму. В данном случае сны являются знаками трансцендентного.

Своеобразная взаимосвязь между сферой сознательного и бессознательного прослеживается в пограничных состояниях героев, когда они находятся на грани сна и яви, между бытием и небытием. В этих состояниях жизнь героев строится по законам сновидческой логики.

Во второй части романа «Идиот» с князем Мышкиным случается припадок эпилепсии. Князь находился в непонятном состоянии между действительностью и небытием. Он видит Рогожина с каким-то предметом, блеснувшим в руке. Глаза Рогожина были безумными.

В романе Г. Ибрагимова «Молодые сердца», находясь в бессознательном состоянии, Марьям дает согласие на брак с Фахри. Впоследствии Марьям сама не сможет объяснить причину своего поступка.

Ведь она всем сердцем любила Зыю. А Фахри в ее снах предстал как «страшила» со злыми глазами. И свое согласие на брак с ненавистным человеком Марьям объясняет своим полубредовым, полоумным состоянием.

В другом своем романе «Татар хатыны нилэр күрми» («Судьба татарки»), Г. Ибрагимов осмысливает положение татарской женщины в обществе. В произведении показаны причины не только внешней, но и внутренней несвободы. Жизнь главной героини Гульбану тесно связана с национальным укладом жизни, обычаями, традициями родной культуры. 17 счастливых лет она прожила в гармонии и радости: обучалась домашним делам, шила приданое, готовилась к семейной жизни. Она чувствовала сладость свободы, ничто ее не ограничивало. Жизнь Гульбану резко изменилась после желания отца выдать ее замуж. До этого момента она мечтала, что выйдет замуж за любимого человека – Лутфия. Узнав от Мафтухи, что он повредил ногу и находится в болезненном состоянии, Гульбану испытывает сильное порясение.

«Аның башын карангылык каплады. Йөрәге, ниндидер авырлык белән кысылып, кайгы дулкыны күкрәгеннән бугазына таба омтылды, еламаска тырышты, ләкин көче житмәде...» [11; с. 444].

«... была теперь как в чаду. В голове темнота какая-то, на сердце тяжесть, горячий клубок поднимался и подкатывался к горлу. Крепилась, чтобы не расплакаться, да не сдержалась» [12; с. 152].

Эта новость стала первым предвестием крушения надежд Гульбану на счастливую семейную жизнь с Луфтием. Она не сумела отговорить отца от брака с Закиром. Попытка сбежать с любимым не осуществилась, и Гульбану вынуждена подчиниться воле родителей. Слишком сильно довлеет воспитание, чтобы главная героиня смогла бороться за свое счастье и противостоять укладу жизни.

«Шул яраланган йөрәк өстенә алланың тәкъдиргә язып куйганлыгы капланды, кыз үзен язмышта Закирга билгеләнгән икән, шул тәкъдирдән узып, беркая да бара алмыйсың икән, дип уйланды» [11; с. 519].

«А тут еще внушенные с детства мысли о предопределенности, уверенность, что судьбу не объедешь, что раз предназначено ей быть женой Закира, значит тому и быть» [12; с. 215].

Гульбану не сопротивляется желанию отца. Но вся свадьба проходит для нее как во сне. Она не осознает в полной мере свои поступки. Со смирением она принимает свою участь.

«Мылтык тавышларын, ишек бавы өчен сатулашуларны, килеп кәргән секундларны ут эчендә кичерде. Жингәсе китереп күрештергән чакта, үзен яхшылап аңлый да алмады, чәй алдында егетнең туктаусыз сөеп каравы аз гына хәтерендә калды. Аңа елмаерга тырышуын да бик аз гына исләде. Егетнең беренче кочаклавы, озак үбүе – аның миендә нәрсәндер әйләндергән кебек булды. Лотфи әллә кайда, ак томан эчендә югалды, аңардан тик йөрәкнең әллә кайсы бер төпке катлавында нечкә, акрын жылылык, саныгуна, кызгануга охшаган бер якынлык кына калды» [11; с. 486].

«Как во сне, пережила она момент появления суженого, не помнила, как поздоровалась с ним, за чаепитием запомнила лишь его взгляд, полный любви. Кажется, силилась улыбнуться в ответ. Первое объятие, первый поцелуй что-то перевернули во всем ее существовании. Лутфий растаял где-то в белом тумане, оставив далеко, в тайниках сердца, чувство теплоты и жалости» [12; с. 189].

Выйдя замуж, Гульбану не ощущает радости семейной жизни. И здесь явно виден контраст между двумя семьями. Свекровь и муж постоянно подвергают ее унижениям. В этой семье у главной героини отняли человеческое достоинство. Гульбану, соблюдая обычаи, правила, старается не говорить о своих бедах и трудностях. Как предписывает религия, она с кротостью и смирением переносит все выпавшие на ее долю несчастья. Однако наступает момент, когда желание свободы, чувство собственного достоинства берут вверх, и Гульбану решается на отчаянный шаг. Виной всему становятся законы, по которым живет татарское общество. Подчинение и зависимость от мужчины, отсутствие свободы воли, неукоснительное выполнение желания старших привели женщину к такому унижительному положению.

Итак, исследование снов, предшествующих им психологических состояний героев и последующих событий позволяет раскрыть характер соотношения двух сфер – сознательного и бессознательного – в произведениях Ф.М. Достоевского и Г. Ибрагимова: сон является зеркалом, отражающим наиболее глубокие слои человеческой психики, не подверженные контролю сознания. Сны в сопоставляемых произведениях выполняют сходные функции: являются средством самоуглубления и самоанализа; откликом на непосредственные впечатления; способом психологической индивидуализации характеров; имеют сюжетообразующее значение, приобретают символический смысл и др. Герои Ф.М. Достоевского способны к анализу своих снов. Благодаря этому Мышкин живет в ожидании трагической развязки судьбы Настасьи Филипповны, Ипполит оказывается способным к перерождению. Герои романа Г. Ибрагимова не способны к этому. Через сны, выполняющие прогностическую функцию, мы видим, что Марьям в большей степени и Зулейха в меньшей обладают развитой интуицией. Но сознание героев не способно

реально осмыслить результаты сна. Поэтому пропасть между бессознательным и сознательным растет, что приводит к катастрофе.

Библиографический список

1. Страхов И.В. Психология сновидений. Саратов: Изд-е Саратовского гос. Педагогического ин-та, 1955. 144с.
2. Щенников Г.К. Художественное мышление Ф.М. Достоевского. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1978. 176 с.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. Собрание сочинений в 15 томах. Т.6. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. 344с.
4. Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2006. 246 с. (глава 2, п.4).
5. Аминова В.Р. Пророческая функция снов в романах Л.Н.Толстого «Анна Каренина» и Г.Ибрагимова «Молодые сердца» // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию МГПУ. М.; Ярославль, 2008. Вып. 2. С. 24-28.
6. Топоров В.Н. Странный Тургенев: (Четыре главы). М.: РГГУ, 1998.192с.
7. Ибрагимов Г. Сайлаган эсэрлэр 3т. Т.1. Казан: Матур әдәбият редакциясе, 1957. 527с.
8. Ибрагимов Г. Молодые сердца: Роман и рассказы; пер. с татар. Р. Фаткуллиной. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 240с.
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 30 томах. Т.15. Л.: Наука, Ленингр отд-ние, 1976. 624с.
10. Аминова В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами как предмет компаративистики // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С.88-92.
11. Ибрагимов Г. Сайлаган эсэрлэр 3т. Т.3. Казан: Матур әдәбият редакциясе, 1956. 612с.
12. Ибрагимов Г. Избранное; пер. с татар. Г. Шариповой. Казань: Татар. кн. изд-во, редакция художественной литературы, 1957.

References

1. Strakhov I.V. Psychology of dreams. Saratov: Publishing House of the Saratov State University. Pedagogical Institute, 1955. 144 p.
2. Shchennikov G.K. Artistic thinking of F.M. Dostoevsky. Sverdlovsk: Middle Ural book. publishing house, 1978. 176 p.
3. Dostoevsky F.M. Moron. Collected works in 15 volumes. T.6. Leningrad: Nauka, Leningrad. Department, 1989. 344 p.
4. Sayapova A.M. Dardmand and the problem of symbolism in Tatar literature. Kazan: Alma-Lit Publishing House, 2006. 246 p. (chapter 2, item 4).
5. Amineva V.R. The prophetic function of dreams in the novels of L.N. Tolstoy "Anna Karenina" and G. Ibragimov "Young Hearts" // Problems of philology of the Volga peoples: materials of the All-Russian. scientific-practical. conf., dedicated 135th anniversary of MGPU. M.; Yaroslavl, 2008. Issue. 2. P. 24-28.
6. Toporov V.N. Strange Turgenev: (Four chapters). M.: RGGU, 1998.192 p.
7. Ibragimov G. Saylagan asarlär 3v. T.1. Kazan: Matur adabiyat edition, 1957. 527 p.
8. Ibragimov G. Young Hearts: Novel and Stories; per. from the Tatars. R. Fatkullina. Kazan: Tatars. book. publishing house, 1980. 240 p.
9. Dostoevsky F.M. Brothers Karamazov. Collected works in 30 volumes. T.15. L.: Science, Leningrad department, 1976. 624p.
10. Amineva V.R. Types of dialogic relations between national literatures as a subject of comparative studies // Knowledge. Understanding. Skill. 2009. No. 4. P.88-92.
11. Ibragimov G. Saylagan asarlär 3v. T.3. Kazan: Matur adabiyat edition, 1956. 612 p.
12. Ibragimov G. Favorites; per. from the Tatars. G. Sharipova. Kazan: Tatar. book. publishing house, editorial office of fiction, 1957.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 81-114.2

DOI 10.36622/AQMPIJ.2022.16.19.015

*Шанхайский университет иностранных языков
аспирант института России, Восточной Евро-
пы и Центральной Азии*

Чжан Цзин

Китай, г. Шанхай,

+86 15663585229

e-mail: 1016034049@qq.com

*Shanghai International Studies University
School of Russian and Eurasian Studies, doctoral
postgraduate*

Zhang Jing

China, Shanghai,

tel. +86 15663585229

e-mail: 1016034049@qq.com

Чжан Цзин

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА *ВОДА* В ФОЛЬКЛОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНЫХ РУССКИХ СКАЗОК А.Н. АФАНАСЬЕВА)

В статье рассматриваются особенности языковой репрезентации и содержание концепта *вода* в русских народных сказках. Определена макроструктура анализируемого концепта, включающая информационное, образное и интерпретационное содержание. В настоящем исследовании использованы методы концептуального анализа, контекстуального анализа, сплошной выборки. Материалом для исследования послужили 408 контекстов с лексемами *вода, море, океан, река, озеро, волна, ключ*, отобранные из трехтомника «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева. Новизна исследования в том, что впервые макроструктура концепта *вода* исследуется и моделируется на материале сказок А.Н. Афанасьева, одном из жанров русского фольклора. Народные сказки, как и пословицы, поговорки, фразеологизмы, – это часть национальной культуры. Однако в сказке лексема «вода» обретает контекст и подтекст в развитии, происходит приращение смысла, невозможное в застывших фольклорных формах. Благодаря особенностям языковой репрезентации обогащается само содержание концепта *вода*. Исследование проводится в рамках лингвоконцептологии – современного научного направления, возникшего на основе когнитивной лингвистики, классической семантики, функциональной лингвистики, обогащенного знаниями, выработанными всеми гуманитарными науками. В этом смысле наше исследование актуально и может дополнить представление о концепте *вода*, уже существующее в научных трудах. Кроме того, вода, как одна из четырех стихий, занимает важное место в национальной концептосфере, этим обусловлен интерес исследователей к разным аспектам концепта *вода*. Исследование макроструктуры концепта *вода* на материале «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева выявило ведущую роль интерпретационного поля данного концепта. Верифицировать сделанный вывод позволяют приведенные в статье контексты. Следует, однако, подчеркнуть, что эти данные получены, пусть и на обширном, но тематически и жанрово ограниченном материале. Научная объективность требует исследования макроструктуры концепта *вода* на материале текстов разных жанров и стилей.

Ключевые слова: концепт *вода*, языковая репрезентация, структура концепта, русские народные сказки, А.Н. Афанасьев.

Zhang Jing

REPRESENTATION AND CONTENT OF THE CONCEPT *WATER* IN FOLKLORE (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN FOLK TALES BY A.N. AFANASYEV)

The article examines the features of the linguistic representation and the content of the concept of water in Russian folk tales. The macrostructure of the analyzed concept is defined, which includes informational, figurative and interpretative content. In this study, the method of conceptual analysis, the method of contextual analysis, the method of continuous sampling are used. The material for the study is 408 contexts with the lexeme water, sea, ocean, river, lake, wave, key in the "Russian folk tales" by A.N. Afanasyev. The novelty of the research lies in the fact that the concept of water is being studied for the first time on the material of A.N. Afanasyev's fairy tales, one of the folklore genres. The relevance of this study lies in the fact that the study is conducted under the framework of modern linguoconceptology, which is popular in modern linguistic research. In addition, as one of the four elements, water occupies an important

place in the national conceptual sphere. Folk tales are one of the forms of reflection and consolidation of ideas about life in all its diversity of manifestations, comprehension of being, fixation of the worldview within the framework of national culture, a way of transmitting national cultural values and traditions to subsequent generations. There are many studies of the concept of water, but there are few studies of the representations and content of the concept of water in fairy tales, especially in the fairy tales of A.N. Afanasyev. In the results of the study, we found that the concept of water in the folk Russian fairy tales of A.N. Afanasyev plays a leading role in the content of the interpretative field of the concept. The most relevant feature of the concept of water is "water is considered very necessary for the everyday life of humanity." The findings can be supplemented for the study of the concept of water in the Russian language picture of the world.

Key words: the concept of *water*, linguistic representations, the structure of the concept, Russian folk tales, A.N. Afanasyev.

В современной русистике не ослабевает интерес к выявлению традиционных доминант языковой картины мира. Концепт *вода*, наряду с концептами *душа*, *совесть*, *жизнь*, *огонь* и т.п., считается «константой» русской культуры. По определению Ю.С. Степанова, «константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время <...> некий постоянный принцип культуры» [1; с. 84]. Неудивительно поэтому, что лингвисты раз за разом выбирают концепт *вода* в качестве предмета своего исследования. Структура и содержание концепта *вода* рассматриваются на материале словарных дефиниций, фразеологизмов, пословиц, поговорок, поэтических текстов [2, 3, 4, 5, 6], однако фольклорный материал, в частности русские народные сказки, для исследования концепта *вода* почти не привлекался [7].

Русская народная сказка – ценный источник информации для осмысления картины мира русского этноса. Из русской народной сказки мы получаем представление о том, как носители русского языка воспринимали воду. Важно проследить эволюцию в понимании роли воды и водных источников в жизни людей. Истоки этого восприятия и понимания мы обнаруживаем в фольклоре. Исследование особенностей реализации концепта *вода* в фольклорных текстах – необходимый шаг к исследованию содержания концепта *вода* в национальной концептосфере.

В литературоведении сказка определяется как «один из основных жанров фольклора, преимущественно прозаический художественный рассказ волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на фантастический вымысел» [8]. Для исследователей национальной концептосферы наиболее значимо, что в сказках «отражен культурно-познавательный опыт народа, вбирающий в себя национальную символику, обычаи, привычки и традиции, принадлежащие определенному народу и служащие отражением его национального духа» [9; с. 148]. Сказки, собранные, обработанные и изданные А.Н. Афанасьевым, как никакие другие фольклорные тексты, отвечают задачам нашего исследования.

Объектом нашего исследования является концепт *вода*, предмет исследования – особенности языковой репрезентации и содержание концепта *вода* в русских народных сказках А. Н. Афанасьева [10, 11, 12]. В настоящей статье мы делаем попытку определить макроструктуру концепта *вода*, опираясь на труды авторитетных российских ученых, в частности, используем методiku выявления когнитивных признаков концепта, предложенную в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина [13, 14]. Описание макроструктуры концепта включает распределение выявленных когнитивных признаков концепта по «основным структурным компонентам концепта – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю» [14].

Информационное содержание концепта *вода*

Когнитивные признаки, составляющие информационное содержание концепта *вода*, выявляются на основе словарных дефиниций лексемы «вода», при этом учитываются лишь существенные и дифференциальные семы [14; с. 77, с. 194].

Анализ словарных дефиниций, данных в толковых словарях, позволил выявить следующие признаки концепта *вода*:

- 1) прозрачная бесцветная жидкость [15; с. 139; 16; с. 89; 17; с. 66];
- 2) речное, морское, озерное пространство [15; с. 139; 16; с. 89];
- 3) моря, реки, озёра, каналы, проливы, относящиеся к данному государству, региону, территории [16; с. 89];
- 4) минеральные источники [15; с. 139; 16; с. 89];
- 5) мн. потоки, струи, волны, водная масса [15; с. 139; 16; с. 89; 17; с. 66].

Четыре из пяти выявленных признаков находят отражение в текстах сказок А.Н. Афанасьева. Информационное содержание концепта *вода* в русских народных сказках может быть представлено следующим образом:

1) прозрачная, бесцветная жидкость: *хрустальная вода, светлая вода* (Здесь и далее курсивом выделены примеры контекстов, взятых из «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева. Тексты, по объему равные предложению или нескольким предложениям, сопровождаются ссылками на библиографический список с указанием тома и страницы. При текстах, по объему равных словосочетаниям, ссылки не даются (за редким исключением), поскольку эти примеры зачастую не уникальны и многократно появляются в разных сказках)

2) речное, морское, озерное пространство: в русских народных сказках упоминаются различные природные водоемы – реки, озера, моря;

3) моря, реки, озёра, каналы, проливы, относящиеся к данному государству, региону, территории: *Кам-река, Трос-река, Кубенское озеро, Ростовское озеро, море Хвалынское (Каспийское), Черное море, Переславское озеро, Обь.*

Примеры контекстов:

... кому у тебя ведомо про Ростовское озеро и о реках и о востоках и на кого шлешься? [10; с. 101]

... когда я шел из Волги-реки к Ростовскому озеру и к рекам жировать и он меня встретил на устье Ростовского озера и нарече мя братом ... [10; с. 101-102]

4) Мн. волны моря, волны реки: ... на синем море начнут волны подыматься ... [10; с. 289] ... в море волны заколыхаются... [10; с. 368].

Образное содержание концепта *вода*

В образном содержании концепта отражаются чувственные представления людей перцептивный образ и смысловые связи с другими концептами – когнитивный образ [14; с. 76, 192-193].

Перцептивный образ концепта *вода* представлен в текстах сказок А.Н. Афанасьева полно и разнообразно: вода воспринимается зрительно, тактильно, на вкус и на слух.

1. Зрительный образ: синяя (*синее море*), белая (*белое море*), широкая (*широкое море, открытое море, широкая-широкая река, большая река,*), глубокая (*глубокое море, глубокое озеро, глубокая река, ушла в глубину моря, со дна моря ее достань*), целая (*целое озеро*), чистая (*чистая вода*) быстрая (*быстрые воды, быстрая река*), молодая (*молодая вода*).

2. Тактильный образ: холодная (*холодная вода, студеная вода*), горячая (*горячая вода*), огненная (*огненное море, огненная река*).

3. Звуковой образ: гремучая (*гремучий ключ*), тихая (*море стихло*).

4. Вкусовой образ: свежая (*пей свежую воду*).

Когнитивный образ концепта *вода* представлен в текстах сказок А.Н. Афанасьева следующими признаками.

1. Вода – пространство: *прыгнула в воду; в пруде лежит; в воду бросился; сижу в воде; лезть в воду; вышел Иван Несчастный из-под воды* [12; с. 26]; *упал в воду; повел корабль под воду; попал в воду; нырнуть в море; в море плавает; плавать по озеру; жернова по воде плавают; лошадь наклонилась к воде; селезень вылез из воды.*

2. Вода – кровь: *Вот видите, братцы, какая вода настойчивая, словно кровь* [10; с. 222].

3. Вода – слезинка: *В том саду из пригорка выбегала струею ключевая вода, а над ней был колодезь беломраморный. Зачерпнув золотым ковшом воды чистой, как слезинка...* [12; с. 229].

4. Вода – наслаждение: *Благодать – вода.*

5. Вода – человек, поступает как человек: *Вода спит; Вода закружилась; Волны загуляли; Море встрепенулось; Что есть сил бежит, а вода за ним по пятам гонит* [10; с. 294].

Интерпретационное поле концепта *вода*

Интерпретационное поле концепта *вода* включает 26 когнитивных признаков, выявленных в текстах русских народных сказок А.Н. Афанасьева. Распределение признаков по различным зонам позволяет упорядочить их и структурировать интерпретационное поле концепта *вода*.

Оценочная зона

1. Положительные оценки: хорошая (*хорошая вода*), чудесная (*чудесная вода*).

2. Отрицательные оценки: ужасная (*ужасное море*).

Мифологическая зона

В русских народных сказках существует демонизация воды. В воде живут существа, наделенные магическими способностями: *Водяной царь, Царь-рак, Морское Чудовище, водяные черти, черти, чертенок, бес, бесенок.*

Пример контекста:

Иванко Медведко отправился на озеро, сел на берегу и начал из песку веревки вить. Вдруг выскочил из воды чертенок: «Что ты делаешь, Медведко?» – «Что? Вережки вью; хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить – затем, что в наших омутках живете, а руги не платите». – «Погоди, Медведко! Я побегу скажу дедушке», – и с этим словом бултых в воду [10; с. 271].

Энциклопедическая зона

Вода имеет ряд физических особенностей.

1. Вода может превратиться в лед при низкой температуре:

Заперли их обоих в бане, мужик разбросал солому – и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мерзнуть [10; с. 255].

2. Вода характеризуется плавучестью, в ней могут плавать и люди, и животные:

... и стали прекрасные девицы, кинулись в воду и давай купаться [11; с. 117]; Глядь – плывут по воде двенадцать уток [10; с. 329].

3. Вода способна двигаться, для воды характерны разные способы движения: *вода подступалась; вода прибывает да прибывает; поднялись волны на море; начнут волны подыматься; вода хлынула; во озерах вода колебалась; вода всколыхалась; реки волновались, море разлилось; море взболталось, вода плесканулась; вода разбрызжет; вода закипела; стала вода сбывать.*

4. Воду можно кипятить:

Царь приказал налить чугунный котел воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить. Вот все готово, вода кипит, брызги так и летят; привели бедного стрельца [10; с. 346].

Утилитарная зона

1. Вода необходима любому живому существу, без воды и люди, и звери умирают.

Ночью старик проснулся, захотелось ему испить, посмотрел кругом – видит: стоит светлый таз с водою, давай из него пить [11; с. 236]; «Ступай, принеси воды! Мне пить хочется» [10; с. 164]; ... быки выпили всю реку дочиста [10; с. 127].

2. Воду можно использовать для приготовления пищи.

«... Батюшка приказал, чтоб ты испекла хлеб». – «Не плачь, не тужи, все сделаю!» – и велела принести квашню, муки и воды; всыпала муку в квашню, влила воду, растворила раствор, вылила в холодную печь, и заслонила заслонкой ... [12; с. 264]; Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет воды, то сварить ничего нельзя [10; с. 320].

3. Вода не везде есть, для того чтобы её пить, нужно за нею специально ходить.

посылает он его за водою, посылают ее воду носить, вышел монах за водою, по воду идти, шла баба по воду.

4. Воду нужно вместилище (сосуд) для того, чтобы ее взять.

ведро с водою [12; с. 209], почерпнуть воды нечем [12; с. 149], взяла баба ведра и пошла за водой [12; с. 311], зачерпнул воды [10; с. 326], выпил два ковша воды [12; с. 209].

5. Количество воды можно измерять при помощи сосудов, в которых находится вода, или оценивать как большое / малое – много / мало воды.

... выпил два ковша воды [12; с. 209].

Поехал казак разыскивать оловянное царство, много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы [11; с. 268].

6. Вода даёт пищу.

Иду к Ростовскому озеру и к рекам жировать [10; с. 102].

7. Воду можно использовать как место для жизни, в воде живут рыбы и водяные гады.

Крикнула по морю: «Рыбы и гад водяной! Идите сюда». Тотчас сине море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается всякий гад, к берегу идет – воду укрывает [10; с. 290].

8. Вода – важный транспортный канал.

Поди, скажи царю, чтоб он велел сделать корабль, обить его красным бархатом и нагрузить золотом-серебром и разными драгоценными вещами и чтоб этот корабль и по воде плавал и по суше ходил». Приемши доложил царю, и в короткое время все было исполнено. Сел он на корабль и жеребенка с собою взял. Побежал корабль по суше, поплыл по морю и, наконец, пристал в государство Царь-девицы [10; с. 347].

9. Вода может препятствовать проходу.

Фомка бросил свою березку в воду, и солдаты побросали свои туда же, запрудили реку и перешли на другую сторону [12; с. 163]; Жили-были пузырь, соломина и лапоть: пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают, как через реку перейти? [10; с. 107].

10. Вода очищает.

Царевич обрадел, достал яйцо; пошел, доходит до моря, стал мыть яичко, да и ронил в воду [10; с. 286]; Тогда только взять эту крошку, обмыть в воде да скормить царевне – царевна и поздоровеет [10; с. 162]; А с вечера царевич ноги мыл в золотом тазе, так эта вода в нем и осталась. Ночью захотелось старику напиток, попросить не посмел, взял да и напился из таза. Царевич услышал и спрашивает: «Кто там возится?» – «Это я, батюшка! Пришел водицы испить». – «Что ты! Ведь я в этой воде ноги мыл!» [11; с. 237].

11. Вода способствует росту растений.

На другую ночь Незнайко не спал нимало, а все носил из колодца воду и поливал те ломаные деревья – и к утру те деревья стали вырастать, и как скоро взошло солнышко, то распустились они и выросли еще лучше прежнего [12; с. 268].

12. Вода противостоит огню, может потушить огонь.

Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок. «Воды! Воды!» – кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгнуло [12; с. 211].

13. Вода может быть опасной, вредной; в воде может утонуть, потопить; водой можно обвариться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!» А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась [10; с. 230].

Царь увидел, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту же минуту обварился. Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца [10; с. 346].

14. Вода — место погребения.

...богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище – рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину... [10; с. 228].

15. Вода может быть святой, способной отгонять нечистые силы.

На другой день померли у Маруси и муж и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: «Скажи, была у церкви?» – «Была». – «А видела, что я делал?» – «Мертвого жрал!» Сказала да как плеснет на него святой водою – он так прахом и рассыпался [12; с. 73].

16. Вода может делать человека молодым, красивым.

Да слышал я, что за тридцать земель, в тридесятом государстве, есть красная девица – с рук и с ног вода целующая точится: кто этой воды достанет да изопьет, тот тридцатью годами моложе будет [10; с. 356].

Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово из змеиных палат воды принести, которою всплеснешься – помолодеешь! [12; с. 229].

17. Вода делает человека сильным или бессильным.

«Славная водица! – молвил Голь, расходясь, руками размахивая. – Какова-то теперь сила моя?» Тут велел он принести большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлю, из конюшни королевниной вывести коня богатырского. Сел на него, разъехался, вскочил в петлю головою и порвал канат [12; с. 285].

«Сильная» вода противопоставляется «бессильной» (малосильной) воде. Функции сильной воды и бессильной воды противоположны: сильная вода делает человека могучим, бессильная вода делает человека слабым.

Иван-царевич взял кади и переставил с места на место. «Вот видишь ли, любезный сын: в одной кади – сильная вода, в другой – бессильная; кто первой напьется – будет сильномогучим богатырем, а кто второй изопьет – совсем ослабеет [10; с. 191].

Весь свет Вихрь вылетал, умирился и начал спускаться; спустился прямо-таки в погреб, подбежал к той кади, что на правой руке стояла, и давай пить бессильную воду, а Иван-царевич кинулся налево, напился сильной воды и сделался первым могучим богатырем во всем свете. Видит он, что Вихрь совсем ослабел, выхватил у него острый меч да разом и отсек ему голову [10; с. 192].

18. Вода является целебной, она может заживлять раны, лечить, делать человека здоровым.

Приложила к его ране свою руку белую, омочила целующей водой – и вдруг рана зажилилась, и встал Иван-царевич здрав-невредим [10; с. 358].

Целебная сила может заключаться в «живой» и «мертвой» воде. Живая и мертвая вода противопоставлены, но их функции не противоположны. Обе они положительны для здоровья, для жизни, могут лечить, отличается только воздействие. Мертвая вода заживляет раны, от мертвой воды сростаются кости, но жизнь и движение не возвращаются. Жизнь и движение возвращает живая вода.

На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном – живая вода, в другом – мертвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, sprыснул его мертвою водою – и тот вороненок сrossя, sprыснул живую водою – вороненок встрепенулся и полетел [10; с. 343].

Братья изрубили его на мелкие куски и разбросали по чистому полю; взяли с собой пузырек с живой водою и отправились к отцу. Вдруг прилетает жар-птица, собрала все разбросанные куски, склала их, как следует быть человеку; потом принесла во рту мертвой воды, вспрыснула – все куски срослись; принесла живой воды, вспрыснула – царевич ожил, встал и говорит: «Как я долго спал!» Отвечает жар-птица: «Век бы тебе спать непробудным сном, если б не я!» [10; с. 355]

«Дети мои возлюбленные! Сходите к Соньке-богатырке за живой водой и мертвою – мне глаза лечить» [10; с. 370].

Все это злые духи зародились в твоей супружнице», – сказал Ивашка белая рубашка. Пожег всех гадов, потом сложил тело королевны и sprыснул живую водою: в ту ж минуту она ожила и сделалась столько же кроткою, сколько прежде была злою [12; с. 278].

Социально-культурная зона

Вода выступает как стандарт морального суждения:

Жил-был мальчик-сиротинка, кормиться нечем, пошел к богатому мужику и нанялся в работники: в год за одну копеечку порядился. Целый год работал, получил копейку, приходит к колодезю и бросает ее в воду: «Коли не потонет, так возьму! Значит, я верно служил хозяину!» Копеечка потонула. Остался на другой год в работниках, опять получил копейку, бросил ее в колодезь — опять потонула. Остался на третий год; работал-работал, пришло время к расчету; хозяин дает ему рубль, сиротинка, – мне твоего не надобно; давай копеечку!» Получил копеечку, бросил ее в колодезь, смотрит – все три копейки поверх воды плавают; взял их и пошел в город [11; с. 134].

Итак, в результате анализа выявленных признаков было сформировано 5 зон интерпретационного поля: оценочная, мифологическая, энциклопедическая, утилитарная, социально-культурная (нами используется терминология, предложенная в работах З.Д. Поповой, И.А. Стернина [13, 14]). Однако нельзя не заметить, что признаки, входящие в разные зоны, связаны общностью отдельных семантических компонентов. Признаемся, что не для всех выявленных признаков легко было находить место в определенной зоне. Более того, признаки составляющие интерпретационное поле, вступают в сложные семантические отношения с признаками, составляющими информационное и образное содержание.

Самая небольшая по объему зона – оценочная – формально включает лишь мелиоративы и пейоративы. Однако оценочность выражается и в сочетаниях *хрустальная вода, чистая вода, свежая вода*, составляющих информационное и образное содержание концепта *вода*. Понятно, что признаки *хрустальная, чистая* содержат положительную оценку и противопоставлены признакам с негативной оценкой – *мутная, грязная*, а признак *свежая* противопоставлен признакам *затхлая, тухлая*.

В самой большой по объему зоне – утилитарной – некоторые признаки оказываются связанными настолько, что их трудно разграничить. Так, признаки «целебная», «живая», «мертвая» были объединены, поскольку отражают общую функцию – способность лечить/вылечить.

Многие признаки воды представляют своего рода оппозиции: сильная вода – бессильная вода; важный транспортный канал – препятствует проходу; полезная (делает молодым, красивым, очищает, способствует росту, может потушить огонь) – вредная, опасная (можно утонуть, обвариться). Общей семой «сосуд» связаны признаки «воде нужно вместилище (сосуд)» и «количество воды можно измерить сосудами». С некоторой натяжкой в утилитарную зону был включен признак «за водой нужно специально ходить». Основанием для включения было следующее рассуждение: *за водой, по воду* идут, если нуждаются в ней, т.е. собираются использовать.

Сложные, разнообразные связи когнитивных признаков, составляющих информационное содержание, образное содержание и интерпретационное поле концепта *вода*, свидетельствуют о значимости исследуемого концепта в национальной концептосфере.

Библиографический список

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
2. Гришина Н.В. Концепт ВОДА в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка XI-XX веков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 210 с.

3. Фоменко И.Б. Концепт ВОДА в русских и китайских фразеологизмах, пословицах и поговорках [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. N 10. С. 3229–3236. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2021/10/58.html> (дата обращения – 04.06.2022).
4. Мусап Айчичек. Репрезентация концепта *вода* во фразеологической картине мира (на материале русского, турецкого и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 172 с.
5. Подколзина Е.В. Концепт «вода» в малых фольклорных жанрах славянских народов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. N 5-1. С. 128–132.
6. Галдин Е.В. Концепт ВОДА как полевая структура и способы его выражения в русском языке (на материале поэтических текстов И.А. Бродского): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 175 с.
7. Богданова И. А. Функционирование архетипического концепта *вода* в текстах народного и индивидуально-творчества: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 231 с.
8. Русова Н. Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба [Электронный ресурс]. М.: Флинта; Наука, 2004. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-terminology/fc/slovar-209-1.htm#zag-664> (дата обращения – 01.06.2022).
9. Корниенко Е. Р. Об опыте лингвокультурологического исследования русской народной сказки // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. С. 148–54.
10. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т.1. М.: Наука, 1984. 512 с.
11. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т.2. М.: Наука, 1985. 464 с.
12. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т.3. М.: Наука, 1985. 496 с.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
15. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
17. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.

References

1. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Moscow: Academic Project, 2004. 992 p.
2. Grishina N.V. The concept of WATER in the linguistic picture of the world (based on the nominative and metaphorical fields of the Russian language of the XI-XX centuries): dis. ... Candidate of Philology. sciences. Saratov, 2002. 210 p.
3. Fomenko I.B. Concept of WATER in Russian and Chinese phraseological units, proverbs and sayings [Electronic resource] // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2021. N 10. pp. 3229-3236. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2021/10/58.html> (accessed 04.06.2022).
4. Musap Aychichek. Representation of the concept of water in the phraseological picture of the world (based on the material of the Russian, Turkish and English languages): dis. ... Candidate of Philology. sciences. Ufa, 2012. 172 p.
5. Podkolzina E.V. The concept of "water" in small folklore genres of Slavic peoples // Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition. 2011. N 5-1. pp. 128-132.
6. Galdin E.V. The concept of WATER as a field structure and ways of its expression in the Russian language (based on the material of I.A. Brodsky's poetic texts): dis. ... Candidate of Philology. sciences. Pyatigorsk, 2006. 175 p.
7. Bogdanova I. A. Functioning of the archetypal concept of water in the texts of folk and individual creativity: dis. ... Candidate of Philology. sciences. Perm, 2006. 231 p.
8. Rusova N. Y. Terminological dictionary-thesaurus on literary studies. From allegory to Iambic [Electronic resource]. Moscow: Flint; Nauka, 2004. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-terminology/fc/slovar-209-1.htm#zag-664> (accessed 01.06.2022).
9. Kornienko E. R. On the experience of linguoculturological research of the Russian folk tale // Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2005. No. 4. pp. 148-54.
10. Folk Russian fairy tales by A.N. Afanasyev in three volumes. Vol.1. M.: Nauka, 1984. 512 p.
11. Folk Russian fairy tales by A.N. Afanasyev in three volumes. Vol.2. M.: Nauka, 1985. 464 p.
12. Folk Russian fairy tales by A.N. Afanasyev in three volumes. Vol.3. M.: Nauka, 1985. 496 p.
13. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive linguistics. Moscow: AST: East – West, 2007. 314 p.
14. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantic and cognitive analysis of language. Monograph. Voronezh: Istoki, 2007. 250 p.
15. Kuznetsov S. A. The Big explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
16. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: ITI Technologies, 2006. 944 p.
17. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Adelant, 2013. 800 p.

УДК 811.111
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.77.84.016

*Российская академия музыки
имени Гнесиных
кафедра языковой коммуникации,
кандидат филологических наук, доцент
Бутенко Е.Ю.
Россия, Москва
тел.: 89684002817
e-mail: alionab@yandex.ru*

*Russian Academy of Music
named after the Gnesins
The chair of language communication
PhD, associate professor
Butenko E. Y.
Russia, Moscow
tel.: 89684002817
e-mail: alionab@yandex.ru*

Е.Ю. Бутенко

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА EYORISHNESS (ПЕССИМИЗМ) В АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье предлагается анализ синонимических рядов лексем, номинирующих концепт EYORISHNESS (ПЕССИМИЗМ), который является одной из основополагающих характеристик, определяющих мировоззрение англичан. Как важный элемент этнического самосознания, он вызывает особую заинтересованность, но системного анализа данного концепта не проводилось. Проблемы постижения особенностей менталитета, культурного своеобразия определенного народа, выраженного в языковых единицах, остаются неизменно актуальными. Эмпирической базой исследования послужили данные англоязычных электронных лексикографических ресурсов, словарей синонимов, словарей-тезаурусов. Исследование позволяет рассмотреть лексико-семантическую представленность концепта в языке, выявить общие семантические признаки для синонимических единиц, входящих в состав концепта EYORISHNESS, означить их стилистическую характеристику. Значимость работы состоит в возможности продемонстрировать в какой-то мере содержание и структуру концепта, высокую степень его коммуникативной релевантности, лингвокультурную специфичность. Состав вербальных манифестаторов концепта EYORISHNESS, среди которых глагольные номинации, существительные, прилагательные, представлен в виде таблицы с выделением 28 интегральных сем, признаков, которые англичане сочли существенными для фиксации в дифференцированных номинациях. О важности осмысления данного феномена для британского сообщества свидетельствует непрестанный поиск новых языковых средств для выражения своеобразного мироощущения, его детальная вербализация в языке, а также возникновение оригинальной номинации – Eeyorishness, десигнирующей концепт, с отчетливо эксплицированной спецификой, новыми эмоционально-оценочными коннотациями, которая функционально отличается от предыдущих, но состоит с ними в синонимических отношениях.

Ключевые слова: концепт EYORISHNESS, синонимический ряд, семантические признаки, интегральная сема, вербальная сфера, лингвокультурная специфика, мировоззрение.

E. Y. Butenko

SYNONYMIC REPRESENTATIONS OF THE CONCEPT EYORISHNESS IN THE ENGLISH LEXICOGRAPHY

The article proposes an analysis of the synonymous series of lexemes that nominate the concept of EYORISHNESS (PESSIMISM), which is one of the fundamental characteristics that determine the world outlook of the British. As an important element of ethnic self-consciousness, it is of particular interest, but a systematic analysis of this concept has not been carried out. The problems of understanding the peculiarities of the mentality, the cultural identity of a certain people, expressed in linguistic units, remain invariably relevant. The empirical basis of the study was the data of English-language electronic lexicographic resources, dictionaries of synonyms, thesauri dictionaries. The study allows us to consider the lexical-and-semantic representation of the concept in the language, to identify common semantic features for synonymic units that are part of the EYORISHNESS concept, to designate their stylistic characteristics. The significance of the work lies in the ability to demonstrate the content and structure of the concept to some extent, a high degree of its communicative relevance, linguistic and cultural specificity. The composition of the verbal

manifestations of the EYORISHNESS concept, including verbal nominations, nouns, adjectives, is presented in the form of a table with the allocation of 28 integral semes, features that the British considered essential for fixing in differentiated nominations. The importance of understanding this phenomenon for the British community is evidenced by the constant search for new language means to express a peculiar worldview, its detailed verbalization in the language, as well as the emergence of an original nomination - Eeyorishness, designating the concept, with a clearly explicated specificity, new emotional and evaluative connotations, which is functionally different from the previous ones, but is in a synonymous relationship with them.

Key words: EYORISHNESS concept, synonymic series, semantic features, integral seme, verbal sphere, linguocultural specificity, worldview.

Антропоцентрический принцип, ставящий в центре внимания человека и использование им языка как средства реализации социальной интеракции, остается определяющим и в XXI веке. В сфере интересов лингвокультурологии, как продукта антропоцентрической мегапарадигмы, лежат отличительные черты духовной жизни определенного народа, культурное своеобразие, выраженное в языковых единицах, при этом язык понимается не только как средство коммуникации, а как культурный код нации и важное условие ее существования. Исследования, посвященные проблемам постижения особенностей менталитета, определяющих лингвокультурную специфику бытования и ценностные ориентиры конкретной этнической общности, остаются неизменно актуальными, особенно в условиях глобализации.

К основным составляющим мировоззрения англичан, характеризующим национальную идентичность, британские антропологи относят классовое сознание (Class-consciousness), приверженность к фактам (Empiricism) и коммуникативный пессимизм (Eeyorishness) [1, p. 405-406; 2].

Концепты CLASS и EMPIRICISM были проанализированы нами в предыдущих работах [3; 4, с. 81-94].

EYORISHNESS как важный элемент этнического самосознания, источник информации о проявлении национального менталитета вызывает особую заинтересованность, но системного анализа данного концепта, по нашим данным, не проводилось.

Нами уже рассмотрены экстралингвистические аспекты концепта EYORISHNESS (ПЕССИМИЗМ) [5, с. 64-69] и его экспликация на дефиниционном уровне, репрезентирующем понятийные характеристики [6, с. 245-250].

В настоящей работе поставлена цель провести лингвокультурологический анализ семантической сферы синонимических единиц концепта EYORISHNESS, их функционально-стилевой принадлежности; выявить общие семантические признаки для синонимических единиц, входящих в состав концепта EYORISHNESS, обозначить характеристики данной составляющей мировоззрения британцев и ее специфичность.

Напомним, что в семантической основе имени концепта лежит имя персонажа любимой англичанами сказочной повести А.А. Милна о Винни-Пухе – пессимистичного ослика Eeuge (Иа). Известный британский антрополог Кейт Фокс считает Eeyorishness одной из основополагающих характеристик, определяющих мировоззрение англичан. «Eeyorishness. More than just our incessant moaning» [1, p. 405]. – (Пессимизм. Нечто большее, чем просто наше непрестанное нытье) (перевод здесь и далее наш – Б.Е.). Для удобства Eeyorishness мы переводим как пессимизм, но отсутствие устойчивых переводных эквивалентов в других языках служит одним из подтверждений лингвокультурной уникальности концепта EYORISHNESS.

«Синонимический ряд показывает наиболее близкие по значению к имени концепта (доминанте ряда) лексемы и занимает ключевое место в вербальной сфере концепта, так как построение последней начинается с синонимического ряда» [3, с. 33].

К языковым средствам объективации концепта EYORISHNESS, которые наиболее точно отражены в словарных дефинициях, мы относим: *pessimism* (пессимизм), *moan* (нытье), *complain* (жалобы), *depression* (депрессивность), *sadness* (грусть), *apathy* (апатия), *doom* (обреченность) [6, с. 248].

EYORISHNESS как ментальное состояние проявляется в коммуникативном поведении субъекта в виде определенных действий, объективированных в глагольных формах. Рассмотрим синонимы глагольной лексемы *moan*, которая представлена в тезаурусе английского языка гораздо шире, чем имя концепта.

Опираясь на ресурсы комплекса словарей Collins Thesaurus of the English Language, Oxford Dictionary, Cambridge Dictionary & Thesaurus, Free Dictionary by Farlex мы выделили следующие синонимические ряды, репрезентирующие действия обладателей Eeyorishness-мировоззрения:

– с интегральной семой «*complain*» (жаловаться, выражать неудовольствие): *complain* (поплакаться), *repine* (роптать), *beef* (жаловаться), *gripe* (жаловаться, ворчать), *grizzle* (жаловаться, хныкать), *grudge* (выражать недовольство), *kvetch* (жаловаться, ныть), *carp* (придирается, критиковать), *cavil* (находить недостатки),

bitch (сл. жаловаться, ныть), *expostulate* (противоборствовать), *lodge* (подавать жалобу), *nark* (доносить, ворчать), *plain* (плакаться, сетовать), *protest* (возражать), *squeal* (визжать, жаловаться, доносить), *quibble* (жаловаться, критиковать что-то несущественное), *yammer* (жаловаться, ныть), *bellyache* (сл. жаловаться, ворчать), *bleat* (жаловаться, ныть), *mouth off* (раздражительно жаловаться);

– с интегральной семьей «**groan**» / «**whine**» (стонать / ныть): *groan* (стонать, охать), *whine* (хныкать, скулить, ныть), *lament* (стенать, сокрушаться), *deplere* (сожалеть, оплакивать), *bemoan* (оплакивать), *bewail* (оплакивать, сокрушаться), *mewl* (ныть, хныкать), *wail* (стенать, вопить), *whimper* (хныкать, распустить нюни), *keen* (причитать, голосить), *sob* (всхлипывать, рыдать), *cry* (плакать, вопить), *howl* (стонать, выть), *weep* (оплакивать), *whinge* (скулить, хныкать), *yowl* (выть), *pule* (хныкать, скулить), *mule* (хныкать, ныть), *snivel* (хныкать, распускать нюни), *moan and groan* (разохаться);

– с интегральной семьей «**grumble**» (ворчать): *grumble* (ворчать, роптать), *gripe* (ворчать), *growl* (ворчать, рычать), *grunt* (ворчать, брюзжать), *grouse* (ворчать), *mutter* (бурчать, бормотать), *murmur* (бормотать, ворчать), *grouch* (брюзжать), *nag* (ворчать, ныть), *scold* (ворчать, брюзжать), *harp* (талдычить, бубнить одно и то же, завести волынку), *hone* (ворчать, хныкать);

– с интегральной семьей «**sigh**» / «**sorrow**» (вздыхать / горевать): *sigh* (вздыхать, охать), *sorrow* (печалиться, горевать), *grieve* (горевать, кручиниться), *mope* (киснуть, хандрить), *yearn* (тосковать), *long for* (тосковать), *sulk* (куксить, быть мрачным), *pine* (тосковать, томиться), *languish* (изнывать, принимать печальный вид), *despond* (унывать, терять надежду), *droop* (унывать, падать духом), *despair* (отчаиваться, терять надежду), *crumple* (падать духом), *pout* (надувать губы), *sadden* (печалиться), *rue* (печалиться, горевать), *mourn* (горевать, печалиться), *huff* (фукать, обижаться), *anguish* (испытывать острую тоску), *hump* (приходить в дурное настроение) [7; 8; 9].

Как видим, в семантической структуре синонимического ряда слова *moan* в качестве глагола преобладают лексемы с интегральной семьей «**complain**» (жаловаться) – 21 единица, многочисленны лексемы с семами «**groan**»/ «**whine**» (стонать/ ныть) – 20, «**sigh**»/ «**sorrow**» (вздыхать / горевать) – 20, группа «**grumble**» (ворчать) – 12 также достаточно продуктивна.

Отметим, что из словарей синонимов выбирались лексические номинации, дифференцирующие для коммуникации исследуемый концепт, отражающие различные его стороны.

Далее перейдем к моделированию синонимической парадигмы понятийного компонента «**pessimism**» в составе исследуемого концепта, также на основании выделения интегральной семьи:

– с интегральной семьей «**melancholy**» (меланхолия): *melancholy*/ *melancholia* (меланхолия, тоска, грусть), *gloom*/ *gloominess* (уныние, мрачность), *bleakness* (унылость, мрачность), *blue/the blues* (хандра, меланхолия), *grimness* (мрачность), *yearning* (тоска), *anguish* (тоска, мучение), *longing for* (тоска), *wistfulness* (тоска), *ennui* (внутренняя опустошенность), *mope*/ *mopes*/ *mopus* (хандра), *distemper* (хандра), *dumps* (хандра, тоска зеленая), *hip* (уныние, меланхолия), *vapor* / *vapour* (меланхолия), *angst* (от нем. тоска, тревога), *languishment* (печальность, томление), *the doleful* (шутл. хандра, скорбь), *funk* (разг. хандра, уныние);

– с интегральной семьей «**sadness**» (печаль): *sadness* (печаль, уныние), *sorrow* (печаль, скорбь) / *sorrowfulness* (печальность, скорбность), *rue* (печаль, сожаление) / *ruefulness* (печальность, горестность), *mourning* (печаль, скорбь), *dolour/ dole* (печаль, горе) / *dolefulness* (опечаленность, скорбь) / *dolorousness* (печальность), *heart sore* (печаль, огорчение), *heavyheartedness* (унылость, печальность), *mournfulness* (печальность, скорбность), *plaintiveness* (заунывность, горестность), *woe* (чрезвычайная грусть, скорбь);

– с интегральной семьей «**depression**» (депрессия, угнетенное состояние): *depression* (депрессия), *droop* (упадок духа), *regression* (упадок духа), *dejection* (уныние, подавленное настроение) / *dejectedness* (подавленность), *disheartenment* (упадок духа, уныние), *doldrums* (депрессия, дурное настроение), *low spirits* / *dispiritedness* / *low-spiritedness* (подавленность, удрученность) / *spiritlessness* (безжизненность), *discouragement* (уныние, упадок духа), *dismals* (подавленное настроение/состояние, уныние), *decay* (упадок, расстройство), *self-pity* (жалость к себе), *heaviness* (депрессия, подавленность), *slough* (депрессия, отчаяние), *oppression* (подавленность), *hang-up* (подавленность), *moodiness* / *bad temper* (удрученность), *crestfallenness* (удрученность), *downheartedness* (унылость, упадок духа), *heartsickness* (удрученность, упадок духа), *lowness* (подавленность), *woebegoneness* (мрачность, удрученность), *glumness* (подавленное настроение, уныние), *despond* / *despondency* (уныние, отчаяние);

– с интегральной семьей «**despair**» / «**disappointment**» (отчаяние / разочарование): *despair* / *desperation* (отчаяние, безысходность), *disappointment* (разочарование, обманутая надежда), *hopelessness* (безнадежность, отчаяние), *defeatism* (пораженчество), *desolation* (отчаяние, горе), *upset* (расстройство, огорчение), *chagrin* (огорчение, досада, разочарование), *letdown* (разочарование), *disillusion* / *disillusionment* (разочарова-

ние, утрата иллюзий), *pique* (досада, разочарование), *disenchantment* (разочарование), *comedown* (разочарование, упадок), *perturbation* (расстройство, душевное волнение), *disconsolateness* (безутешность), *upset* (расстройство, огорчение);

– с интегральной семьей «**doom**» (фатум, неотвратимая судьба): *doom* (рок, участь, гибель), *doom and gloom* (безнадежная ситуация, мрачные предсказания, гибель и мрак), *destruction* (разрушение, причина разорения/гибели), *downfall* (крушение), *grim fate* (мрачная судьба), *terrible fate* (ужасная судьба), *ruin / ruination* (разорение, крушение), *rack and ruin* (полное разорение), *catastrophe* (катастрофа), *disaster* (катастрофа, бедствие), *extinction* (вымирание), *annihilation* (уничтожение), *end* (конец), *destiny* (судьба, неизбежность, рок), *lot* (жребий, участь, судьба);

– с интегральной семьей «**bad mood**» (плохое настроение): *bad mood* (плохое настроение/ не в духе), *sulk / the sulks* (дурное настроение), *hump* (дурное настроение), *mumps* (приступ плохого настроения), *ill humour* (плохое настроение, дурное расположение духа, сварливость), *needle* (дурное настроение), *pet* (скверное настроение, обида);

– с интегральной семьей «**complaint**» / «**grudge**» (жалоба, недовольство/ недоброежелательство): *complaint* (жалоба, недовольство), *grudge* (недовольство), *grievance* (жалоба, повод для недовольства), *beef* (ворчание, жалоба), *grouse* (жалоба, претензия), *gripe* (жалоба, ворчание), *protest* (протест) / *protestation* (опротестование, возражение), *grouch* (дурное настроение, недовольство), *pout* (недовольная гримаса), *displeasure* (недовольство, досада), *dissatisfaction* (недовольство, неудовлетворенность), *disaffection* (недовольство, недружелюбие), *discontent / discontentment / discontentedness* (недовольство, неудовлетворенность, досада), *moie* (от фр. недовольная или презрительная гримаса), *disgruntlement* (недовольство, раздражение), *down* (неудовольствие, крах, неудача), *jeremiad* (сетования, жалобы);

– с интегральной семьей «**grumble**» (ворчание): *grumble* (ворчание, дурное настроение), *muttering* (ворчание, бормотание), *rumble* (бурчание, недовольство), *murmuring* (ропот/ворчание), *growl* (ворчание), *grunt* (ворчание, брюзжание), *nagging* (ворчание, нытье), *snarl* (ворчание);

– с интегральной семьей «**moan**» (стон, нытье): *moan* (стон, жалоба), *groan* (стон, тяжелый вздох, оханье), *whine / whining* (хныканье, нытье), *howl* (стон, выть), *snivel* (хныканье), *sob* (рыдание, всхлипывание), *wail* (выть, стенания), *keening* (плач, причитания), *moans and groans* (стоны и оханья), *mourning* (оплакивание, скорбь, печаль), *whimper* (хныканье), *whinge* (хныканье), *yammer* (нытье, жалобы), *lament / lamentation* (сетования, плач, жалобы);

– с интегральной семьей «**apathy**» (апатичность, безучастность): *apathy* (вялость, апатия), *breakdown* (упадок сил), *prostration* (поверженное состояние, упадок сил), *inertia / inertness* (вялость), *lassitude* (вялость, апатия), *torpor* (апатия, безразличие) / *torpidity* (вялость, апатичность, бездеятельность), *listlessness* (вялость), *wasting* (упадок сил), *languor / languidness* (апатичность, безжизненность, вялость), *acedia* (апатия), *bloodlessness* (безжизненность), *drowsiness* (вялость, апатия), *flabbiness* (вялость, слабость, апатия), *flaccidity* (вялость, апатия), *insipidity* (безжизненность, вялость), *lackadaisicalness* (апатичность, вялость), *slackness* (вялость, апатия), *lethargy* (апатичность, вялость), *oscitancy* (вялость), *supineness* (бездеятельность, инертность);

– с интегральной семьей «**irritation**» / «**concern**» (раздражение, беспокойство): *irritation* (раздражение), *rasp* (раздражение, досада), *raspberry* (пренебрежительное фырканье), *spleen* (раздражение, злоба), *preoccupation* (озабоченность), *huff* (вспышка раздражения, фуканье), *concern* (огорчение, беспокойство), *fret / fretfulness* (раздражение, волнение/ раздражительность), *disquiet / disquietude* (беспокойство, тревога), *malaise* (беспокойство, дискомфорт), *vexation* (досада, раздражение), *annoyance* (раздражение, досада), *anxiety* (беспокойство, тревожность), *disturbance* (расстройство, тревога), *fash* (беспокойство, досада), *bile* (раздражительность), *aggravation* (раздражение), *dysphoria* (безотчетная тревога), *dismay* (тревога, уныние), *peeve* (раздраженное состояние), *gall* (раздражение, досада);

– с интегральной семьей «**cynicism**» (цинизм): *cynicism* (цинизм), *negativity* (пессимизм, критичность, отрицательность), *distrust / mistrust* (недоверие, сомнение), *skepticism* (скептицизм), *incredulity* (скептицизм, недоверчивость), *disbelief* (недоверие, неверие), *world-weariness* (пресыщенность жизнью, разочарованность), *doubt* (сомнение) / *doubtfulness* (сомнительность), *suspicion* (подозрительность);

– с интегральной семьей «**unhappiness**» (несчастье): *unhappiness* (несчастье), *wretchedness* (несчастье, страдание), *misery* (горе, несчастье, невзгоды), *heartache* (душевная боль, страдание), *affliction* (огорчение, несчастье), *mishap* (несчастье, неудача), *misfortune* (несчастье, беда, злосчастие), *mischance* (неудача, несчастный случай), *grief / grieving* (горе, скорбь, беда, кручина), *setback* (неудача, регресс), *fiasco* (фиаско, провал), *washout* (неудача, провал), *trouble* (беда, неприятность), *flop* (провал, неудача), *mischievousness* (беда), *distress* (бедствие, несчастье), *torment* (мучение, мука), *woefulness* (горестность, скорбность), *smart* (горе, печаль), *nuisance* (неприятность, досада) [7; 8; 9; 10].

Семантический анализ синонимических рядов понятия «pessimism» позволяет выделить доминантные составляющие, которые по продуктивности распределяются следующим образом: «*depression*» (депрессия) – 29, «*apathy*» (апатичность) – 23, «*irritation*»/ «*concern*» (раздражение, беспокойство) – 23, «*unhappiness*» (несчастье) – 21, «*melancholy*» (меланхолия) – 20, «*complaint*»/ «*grudge*» (жалоба, недовольство) – 20, «*despair*»/ «*disappointment*» (отчаяние, разочарование) – 17, «*moan*» (стоны, нытье) – 16, «*sadness*» (печаль, грусть) – 15, «*doom*» (фатум, неотвратимая судьба) – 15, «*cynicism*» (цинизм, недоверие) – 11, «*grumble*» (ворчание) – 8, «*bad mood*» (плохое настроение) – 7 лексем.

Проведенный анализ комплекса синонимов адекативной лексемы *pessimistic*, имеющей схожую дефиницию со словом *pessimism* [10], позволил выявить семантические связи с понятиями: «*grouchy / discontented*» (ворчливый, недовольный) – 38 лексем, «*gloomy*» (мрачный, унылый) – 27, «*sad / melancholy*» (грустный, меланхоличный) – 25, «*depressed*» (подавленный) – 25, «*apathetic*» / «*restrained*» (апатичный, замкнутый) – 25, «*irritable*» (раздражительный) – 24, «*unhappy*» / «*distressful*» (несчастный, многострадальный) – 23, «*disappointed*» (разочарованный) – 17, «*moody*» (угрюмый, в дурном настроении) – 17, «*whining*» (ноющий) – 14, «*doomed*» (обреченный) – 8.

Продемонстрируем синонимические ресурсы понятий «*pessimist*», «*moaner*»/«*eeyore*», обозначающих непосредственных носителей EYORISHNESS, с выделением доминантных семантических признаков.

Moaner (пессимист-нытик): *eeyore* (нытик), *bellyacher* (нытик), *calamity howler* (нытик, пессимист), *crybaby* (плакса, рева), *kvetch* (нытик), *misery* (нытик), *misery guts* (нытик, зануда), *misfire* (нытик), *wet blanket* (зануда, брюзга), *whiner* (нытик), *yammerer* (нытик, жалобщик, скандалист), *yelper* (нытик), *sniveler* (плакса), *hypochondriac* (ипохондрик).

Grumbler (пессимист-ворчун, раздражительный человек): *griper* (ворчун, нытик), *grouch* (брюзга), *grouse* (ворчун), *growler* (ворчун, брюзга), *grump* (сварливый раздражительный человек, брюзга), *killjoy* (брюзга), *nagger* (ворчун), *sourpuss* (ворчун, брюзга, мрачная личность), *sorehead* (брюзга, нытик), *crab* (ворчливый, раздражительный человек), *gadfly* (придирчивый человек), *mutterer* (ворчун), *murmurer* (ворчун, жалобщик), *party pooper* (тот, кто портит всем настроение, удовольствие), *spoilsport* (тот, кто портит удовольствие другим), *croaker* (ворчун, прорицатель дурного), *spitfire* (раздражительный, вспыльчивый человек), *splenetic* (раздражительный/ сердитый человек), *misanthrope* (мизантроп, человеконенавистник), *worrier* (беспокойный человек).

Complainer (пессимист – любитель пожаловаться, недовольный человек): *complainant* (жалобщик), *squawker* (жалобщик), *turkeycock* (надутый, недовольный человек), *appellant* (жалобщик), *squealer* (доносчик, визгун, нытик), *pouter* (недовольный, надутый человек), *dissenter* (недовольный человек), *malcontent* (недовольный человек), *naysayer* (жалобщик, скептически настроенный, отрицающий все).

Melancholiac/ melancholic (пессимист – меланхолик или страдающий от депрессии): *depressive* (человек, страдающий или склонный к депрессии), *dreary* (мрачный тип), *nudnik* (зануда, ноющий человек), *dampener/ dampener* (человек, имеющий угнетающий или подавляющий эффект), *mope/ mopus* (угрюмый человек).

Doomster (мрачный пессимист, предрекающий несчастье/гибель, ожидающий худшего): *doomsayer / doom monger* (человек, который всегда озвучивает свои плохие ожидания, предсказывает катастрофы, особенно в политике или экономике), *defeatist* (пораженец, капитулянт), *fatalist* (фаталист), *alarmist* (паникер), *Cassandra* (прорицатель дурного), *crepehanger* (пессимист, мрачный человек), *cynic* (циник), *Gloomy Gus* (человек с пессимистическим мировоззрением, угрюмый человек с несчастным видом), *Jeremiah* (человек, ожидающий плохих событий в будущем), *merchant of doom / merchant of gloom = doom merchant/ gloom merchant* (человек, ожидающий и предрекающий самое плохое), *prophet of doom* (пессимист, тот, кто постоянно предрекает плохие события), *worrywart* (пессимист, мнительный человек, вечно ожидающий неприятностей) [11; 9; 12].

Вербальные репрезентации понятий «*pessimist*», «*moaner*»/«*eeyore*» позволили нам установить такие семантические соотношения, как «*eeyorishness*» ↔ «*grumble*» (пессимизм – ворчание) (21 пример), «*eeyorishness*» ↔ «*moaning*» (пессимизм – нытье/стенания) (15), «*eeyorishness*» ↔ «*doom*» (пессимизм – фатум) (15), «*eeyorishness*» ↔ «*complaint*» (пессимизм – жалоба / недовольство) (10), «*eeyorishness*» ↔ «*melancholy*» (пессимизм – меланхолия) (6). Опыт моделирования синонимических рядов выявляет обширные семантические парадигмы и указывает на высокую номинативную плотность данного концепта в английском языке. Продемонстрируем состав вербальных манифестаторов концепта EYORISHNESS в виде нижеследующей таблицы.

Вербальные манифестаторы концепта EYORISHNESS

Имена существительные:	292 лексемы
13 интегральных сем: <i>moan</i> (31 единица), <i>complaint /grudge</i> (30), <i>doom</i> (30), <i>depression</i> (29), <i>grumble</i> (29), <i>melancholy</i> (26), <i>apathy</i> (23), <i>irritation / concern</i> (23), <i>unhappiness</i> (21), <i>despair / disappointment</i> (17), <i>sadness</i> (15), <i>cynicism</i> (11), <i>bad mood</i> (7).	
Имена прилагательные:	243 лексемы
11 интегральных сем: <i>grouchy / discontented</i> (38 единиц), <i>gloomy</i> (27), <i>sad / melancholy</i> (25), <i>depressed</i> (25), <i>apathetic / restrained</i> (25), <i>irritable</i> (24), <i>unhappy / distressful</i> (23), <i>disappointed</i> (17), <i>moody</i> (17), <i>whining</i> (14), <i>doomed</i> (8).	
Глаголы:	73 лексемы
4 интегральных семы: <i>complain</i> (21), <i>groan / whine</i> (20), <i>sigh / sorrow</i> (20), <i>grumble</i> (12).	

Итак, результатом применения метода сплошной выборки и обобщения лексикографических данных стало выделение 28 интегральных сем и ранжирование 608 синонимов – конститuentов вербальной сферы концепта EYORISHNESS, иллюстрирующих богатое разнообразие семантико-стилистических вариантов.

Необходимо отметить, что семантические границы между приведенными лексемами довольно условны и в рамках определенного контекста некоторые синонимы могут перейти в ряд с иным семантическим признаком.

Доминирование в количественном отношении имен существительных и прилагательных коррелирует с результатами дефиниционного анализа, согласно которому EYORISHNESS – это, прежде всего, константное ментальное состояние, мироощущение, убеждение, настрой. Субстантивные и адъективные лексемы характеризуются высокой степенью семантической структурированности, многообразия, и оказываются схожими по семантическому составу: чаще всего субъекту свойственны состояния: нытья, стенаний (*moan, complaint /grudge*), ворчливости/ недовольства (*grumble, grouchiness, discontent*), меланхолии, печали (*melancholy, sadness*), угрюмости/ мрачности (*gloominess*), подавленности /депрессии (*depression*), апатии/замкнутости в себе (*apathy, restraint*), утраты иллюзий/ разочарования, неотвратимости рока/ обреченности (*disappointment, doom*), раздражения (*irritation*). Достаточно высокой семантической детализацией в языке отличаются и глагольные лексемы, указывающие действия или выступающие экспликаторами состояния: субъект с пессимистическим мировоззрением склонен жаловаться (*complain*), тосковать/печалиться (*sigh, sorrow*), стонать/ныть (*groan, whine*), ворчать/брюзжать (*grumble*).

Большинство проанализированных лексем стилистически нейтральны, являются общеупотребительными, некоторые имеют словарные пометы «неодобрительно» (*moan, grizzle, whinge*), передавая несомную словом узуальную эмоциональную оценку явления. Встречаются номинации с пометой «сленг» (*bitch, belly-ache, nark*), но, тем не менее, они общеизвестны и широко употребительны. Укажем, что *Eeyorishness* – ключевое слово-репрезентант концепта, образованное от прилагательного *Eeyorish* (дериват от лексемы *Eeyore*), имеющего дефиницию в «Urban Dictionary» – онлайн-словаре слов и фраз англоязычного сленга, возникло в результате литературных ассоциаций и значение которого обусловлено его смысловыми связями с исходным понятием [13].

Принимая во внимание все выше приведенные сведения, можно сделать вывод о многообразии и существенной значимости данного феномена в сознании англичан, так как согласно закону номинативной дробности развернутая сеть синонимических единиц, объективирующих тот или иной концепт, демонстрирует высокую степень его коммуникативной релевантности [14, с. 146-148]. Детальная вербализация в языке своеобразного мироощущения, которая достигается во многом благодаря постоянному поиску все новых языковых средств для его выражения, свидетельствует об актуальности осмысления данной сферы для британского сообщества. Англичане пытаются точнее выразить, нестандартно определить свое мировидение, что привело к возникновению оригинальной номинации – *Eeyorishness*, десигнирующей концепт, с отчетливо эксплицированной спецификой, новыми эмоционально-оценочными коннотациями, которая функционально отличается от предыдущих, но состоит с ними в синонимических отношениях.

Отметим, что наиболее полная нюансированность смысловых компонентов концепта раскрывается при анализе его дискурсивных реализаций, намеченных для наших дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Fox, Kate. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder and Stoughton Ltd, 2005. 424 p.

2. Khor Z., Marsh P. Britain: A nation of emotion? Oxford UK: 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sirc.org/publik/emotion.pdf> (дата обращения: 16.02.2022)
3. Бутенко Е.Ю. Британский мировоззренческий концепт «CLASS»: опыт лингвокультурологического анализа: монография. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2013. 246 с.
4. Бутенко Е.Ю. Прологомены к характеристике английского мировоззренческого концепта EMPIRICISM // Язык. Коммуникация. Образование: уч. зап. / Рост. гос. эконом. ун-т (РИНХ); Отв. ред. Т.В. Евсюкова. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2011. Вып.11. С. 81-94.
5. Бутенко Е.Ю. Экстралингвистические аспекты мировоззренческого концепта "EEYORISHNESS" (ПЕССИМИЗМ) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. Научно-практический журнал. 2018. №9/2. С. 64-69.
6. Бутенко Е.Ю. Лексикографический аспект концепта Eeyorishness (Пессимизм) в британской лингвокультуре // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 245-250. [Электронный ресурс]. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Butenko.pdf> (дата обращения: 19.12.2021)
7. Collins English Thesaurus. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/moan> (дата обращения: 17.11.2021)
8. The Free Dictionary by Farlex. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.freethesaurus.com/moaner> (дата обращения: 10.12.2021)
9. Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexico.com/definition/eeyorish> (дата обращения: 18.11.2021)
10. Cambridge Dictionary & Thesaurus. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/moan> (дата обращения: 16.12.2021)
11. Macmillan Dictionary. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/moan_1?q=moaner#moan_1__8 (дата обращения: 24.12.2021)
12. Random House Thesaurus. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesaurus.com/browse/moaner?s=t> (дата обращения: 17.12.2021)
13. Urban Dictionary. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=eeyorish> (дата обращения: 20.01.2022)
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток - Запад, 2010. 314 с.

References

1. Fox, Kate. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder and Stoughton Ltd, 2005. 424 p.
2. Khor Z., Marsh P. Britain: A nation of emotion? Oxford UK: 2007. [Electronic resource]. URL: <http://www.sirc.org/publik/emotion.pdf> (date of application: 16.02.2022)
3. Butenko E.Y. British worldview concept "CLASS": experience of linguoculturological analysis: a monograph. Rostov-on-Don: Publishing and printing complex RSUE (RINH), 2013. 246 p.
4. Butenko E.Y. Prolegomena to characterize the English worldview concept EMPIRICISM // Language. Communication. Education: scientific notes / Rostov State University of Economics. Rostov-on-Don: RSUE (RINH), 2011. Iss. 11. P. 81-94.
5. Butenko E.Y. Extralinguistic aspects of the worldview concept "EEYORISHNESS" // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanitarian sciences: Scientific and practical journal. 2018. Vol. 9/2. P. 64-69.
6. Butenko E.Y. Lexicographic aspect of the concept EEYORISHNESS in the British linguistic culture // Humanitarian Scientific Bulletin. 2020. Vol. 5. P. 245-250. [Electronic resource]. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Butenko.pdf> (date of application: 19.12.2021)
7. Collins English Thesaurus. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/moan> (date of application: 17.11.2021)
8. The Free Dictionary by Farlex. [Electronic resource]. URL: <https://www.freethesaurus.com/moaner> (date of application: 10.12.2021)
9. Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.lexico.com/definition/eeyorish> (date of application: 18.11.2021)
10. Cambridge Dictionary & Thesaurus. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. [Electronic resource]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/moan> (date of application: 16.12.2021)
11. Macmillan Dictionary. 2021. [Electronic resource]. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/moan_1?q=moaner#moan_1__8 (date of application: 24.12.2021)
12. Random House Thesaurus. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.thesaurus.com/browse/moaner?s=t> (date of application: 17.12.2021)
13. Urban Dictionary. 2021. [Electronic resource]. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=eeyorish> (date of application: 20.01.2022)
14. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. Moscow, 2010. 314 p.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 316.77:001.4; 070:001.4
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.14.29.017

*Новосибирский государственный университет
доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории журналистики
Журавель О.Д.
Россия, г. Новосибирск, тел. +7(383)3634022
E-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru*

*Novosibirsk State University
Doctor of Philology, associate professor, Head of the Department of Theory and History of Journalism
Zhuravel O.D.
Russia, Novosibirsk, tel. +7(383)3634022
E-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru*

*магистрант 2 курса направления «Журналистика»
Шишкина Н.Е.
Россия, г. Новосибирск, тел. +7(923)6019971
e-mail: n.shishkina1@g.nsu.ru*

*2th year the master's student direction "Journalism"
Shishkina N.E.
Russia, Novosibirsk, tel. +7(923)6019971
e-mail: n.shishkina1@g.nsu.ru*

О.Д. Журавель, Н.Е. Шишкина

ЖАНРЫ И ФОРМАТЫ НОВЫХ МЕДИА: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ НОВОГО ФЕНОМЕНА В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты исследования границ одного из видов современного журналистского контента в интернет-пространстве. Актуальность исследования обусловлена быстрым развитием жанров и форматов журналистики, многие из которых еще не были осмыслены в научном дискурсе. В связи с популярностью развлекательного и комического в медиа, в качестве материала исследования была выбрана программа «Редакция. News», которая построена на фактах, в том числе, осмысленных в юмористическом и сатирическом ключе. В статье представлен анализ научных изысканий применительно к рассматриваемой передаче. На основе изученных отечественных трудов, посвященных классификациям форматов и жанров информационно-аналитических, развлекательных передач, была выявлена недостаточность теоретических сведений о современном положении типологического и терминологического аппарата в изучаемой области. Исследование показало, что «Редакция. News» и аналогичные программы в российском сегменте YouTube представляют собой новый вид контента, в дискурсе которых можно наблюдать смешение документальных и художественных черт, а также использование средств образности, характерных для традиционной журналистики и блогосферы. Проанализировав специфику материала исследования в соответствии с научными трудами отечественных теоретиков медиакommunikации, авторы предложили собственное определение для описания подобных передач. Представленные в настоящей статье обобщения и выводы могут способствовать формированию теоретической базы для дальнейшего изучения видов медиаконтента, а также для исследования аудиовизуального контента традиционной журналистики и блогосферы. В заключение статьи указывается, что своеобразие жанров и форматов новых медиа мало изучено и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: медиадискурс, жанр, формат, развлекательный контент, инфотейнмент, комическая стратегия, интернет-пространство, «Редакция. News».

O.D. Zhuravel, N.E. Shishkina

GENRES AND FORMATS OF NEW MEDIA: ON THE ISSUE OF THE BOUNDARIES OF A NEW PHENOMENON IN MEDIA DISCOURSE

The article presents the results of a study of the boundaries of one of the types of modern journalistic content in the Internet space. The relevance of the research is due to the rapid development of genres and formats of journalism, many of which have not yet been comprehended in scientific discourse. Due to the popularity of entertainment and comic in the media, the program "Editorial. News", which is based on facts, including those meaningful in a humorous

and satirical way. The article provides an analysis of scientific research in relation to the transmission in question. On the basis of the studied domestic works devoted to the classifications of formats and genres of information-analytical, entertainment programs, the insufficiency of theoretical information about the current position of the typological and terminological apparatus in the studied area was revealed. The study showed that "Editorial. News" and similar programs in the Russian segment of YouTube represent a new type of content, in the discourse of which one can observe a mixture of documentary and artistic features, as well as the use of visual means characteristic of traditional journalism and the blogosphere. Having analyzed the specifics of the research material in accordance with the scientific works of Russian media communication theorists, the authors proposed their own definition to describe such broadcasts. The generalizations and conclusions presented in this article can contribute to the formation of a theoretical basis for further study of types of media content, as well as for the study of audiovisual content of traditional journalism and the blogosphere. In conclusion, the article indicates that the specifics of the genres and formats of new media have been little studied and require further research.

Keywords: media discourse, genre, format, entertainment content, infotainment, comic strategy, Internet, "Editorial. News».

В последние годы развлекательный контент стал доминирующим видом в медиадискурсе. Он широко представлен в разных формах, однако наиболее востребованным является видеоконтент. В 2016 году А. Ф. Галиуллина отмечала, что развлекательность стала «частью информационно-аналитического телевидения и превратилась в основной тренд современного телевидения» [1; с. 77]. В 2019 году стало очевидно, что на смену телевидению приходит интернет-пространство. В том числе, статистика ВЦИОМ выявила: 58% россиян являются пользователями видеохостинга YouTube [2]. К 2022 году русскоязычный сегмент платформы пополнился спектром развлекательных передач. Среди них были программы, созданные знаменитостями традиционных медиа или с их помощью (например, «звезды» телеканала ТНТ являются участниками многочисленных шоу компании Medium Quality в YouTube). Данная тенденция – переход персоналий из традиционного телевидения в интернет-пространство для продолжения работы в медийном поле – также оказала влияние и на журналистов. В российском сегменте видеохостинга стал появляться профессиональный контент, который был представлен интервью, репортажами, документальными фильмами, а также другими жанрами («устойчивые типы публикаций, объединенные сходными содержательно-формальными признаками» [3]) и форматами («продукт, который основывается на определенном жанре, но реализуется путем использования различных нестандартных решений» [4; с. 41]). В том числе появились новые феномены, которые ранее не описывались в научном дискурсе. В настоящем исследовании мы предпримем попытку охарактеризовать границы одного из них.

Чтобы перейти к рассмотрению нового феномена, необходимо обратиться к истории изучения рекреационного сегмента в отечественном медиадискурсе. Отметим, что развлекательный контент, как правило, строится на основе комической коммуникативной стратегии. Е. В. Выровцева отмечает, что посредством комического можно эффективно критиковать что-либо, осваивать реальную действительность и привлекать массовую аудиторию [5]. Данное суждение отмечалось в отечественной науке и ранее. Чтобы продолжить исследование теории отечественных медиа, считаем необходимым указать, что существует множество философско-эстетических концепций комического, но в настоящем исследовании мы будем рассматривать его как «общественно-значимое смешное» [6; с. 137].

Исследователи связывают всплески активного развития комического в разных эпохах с социокультурными сдвигами в жизни общества [7]. М. В. Покотыло отмечает, что комическое, в том числе сатира, «отражает позиции, несанкционированные официальной властью и идеологией, что, несомненно, углубляет и уточняет восприятие действительности» [8; с. 271]. История показывает, что нередко комическое становилось оружием борьбы или причиной политических преследований, поскольку его авторы приравнивались к фигурам, значимым в общественно-политическом контексте [9]. Манипулятивный потенциал комического использовался в различных исторических периодах, в том числе в советское время юмор и сатира приобретали оттенок государственной идеологии, выступали в роли рычага управления обществом, выполняли дидактическую функцию. Д.О. Юмашев говорит о том, что долгое время в телевизионном дискурсе советской России не было сатирических программ с социально-политической тематикой [10]. Наиболее активно развивались юмористические телепередачи, в центре внимания которых были бытовые ситуации и человеческие пороки («Оба-На», «Аншлаг», «Кабачок 13 стульев», «Вокруг смеха»). Параллельно с этим в народной культуре существовали другие проявления комического с острым осмеянием общественно-политической жизни

страны – например, анекдоты и частушки [9]. Я. В. Брусиловская указывает, что острое осмеяние в телевизионном дискурсе стало появляться в ранний постсоветский период на телеканале НТВ [11]. В связи с тем, что комическое актуализируется во время каких-либо социально-политических изменений, нужно отметить, что негосударственная и оппозиционная (на тот момент) телекомпания начала свое существование на фоне кризиса 1992-1993 годов. В телеэфир НТВ на рубеже веков выходили высмеивающие действительность программы Виктора Шендеровича (признан иностранным агентом), которые также стали предметом внимания государственной власти и были закрыты в начале XXI века после смены владельца телеканала.

В 2014 году Д.О. Юмашев отмечал, что на тот момент политическая сатира в российских СМИ отсутствовала практически полностью, а «последним заметным явлением этого порядка был анимационный сериал “Куклы”, закрытый в 2002 году» [7; с. 245]. Тем не менее, есть ряд программ (Comedy club, «Наша Russia», «Большая разница», «Прожекторпэрисхилтон», «Мультличности», «Салтыков-Щедрин шоу»), в которых наблюдалось осмеяние социально-политической жизни страны, хотя его острота была значительно снижена. В связи с этим А. А. Ландерова пишет: «после десятилетнего перерыва сатира вновь начинает возрождаться, и не следует предъявлять большие требования к только что складывающемуся явлению, хотя процесс идет “медленнее черепахи”» [12; с. 127]. Возможно, это также связано с тем, что современные телепередачи часто носят не только сатирический, но и юмористический характер, поскольку их контент не полностью посвящен обличению противоречий действительности и направлен на искоренение «неправильных» моделей поведения. А. А. Ландерова также указывает, что своеобразие современной сатиры состоит в том, что «наряду с высмеиванием она продолжает целенаправленно “пиарить” высших политических лидеров» [Там же]. Такую функцию, например, выполняет телепередача Тиграна Кеосаяна «Международная пилорама». Более подробно об этом см. [13]. Эксперты отрицают журналистскую, а тем более сатирическую или юмористическую природу содержания этой программы, и говорят об оскорбительном характере осмеяния [14]. Примечательно, что многое из развлекательного медиаконтента не является журналистским продуктом, в связи с чем в настоящем исследовании мы не будем подробно останавливаться на всех проявлениях комического в современном медиадискурсе.

Большое внимание государственной власти к сфере комического в разные эпохи представляется нам значимым в контексте исследования, поскольку и сегодня из-за широкого распространения развлекательного контента можно видеть заинтересованность политиков в нем. Представляется, что это связано с возрастанием влияния деятелей рекреационного сектора медиа на широкую аудиторию. К сегодняшнему дню наибольший интерес вызывают блогеры, в том числе профессиональные журналисты, размещающие контент на видеохостинге YouTube. Напомним, площадка принадлежит иностранной компании и контролируется в соответствии с ее корпоративной политикой и законодательством зарубежных стран [15]. Со стороны российского закона видеохостинг практически не регламентируется. Несмотря на относительную свободу в информационном пространстве, большинство отечественных журналистов, осуществляющих там свою деятельность, чаще следуют законодательству Российской Федерации, поскольку представляют профессиональный контент. Тем не менее, некоторые из них также стали объектом пристального внимания государственных органов власти. В том числе признанный иностранным агентом Алексей Пивоваров, один из медиапродуктов которого мы будем рассматривать далее.

В 2019 году в российском сегменте YouTube появился новый формат авторских информационно-аналитических передач: «Осторожно: новости» с Ксенией Собчак и «Редакция. News» с Алексеем Пивоваровым. В качестве материала настоящего исследования мы рассмотрим только вторую передачу. Итак, «Редакция. News» представляет собой индивидуальный взгляд журналиста на общественно-политические процессы, произошедшие в течение недели. Ведущий высказывается об информационной повестке России и мира, используя художественные средства изобразительности. Такая коммуникационная стратегия в трудах исследователей получила наименование «инфотейнмент»; она характеризуется «смешением художественного и документального дискурсов» [16; с. 253]. Доминирующим средством выразительности в передаче являются формы комического, посредством которых происходит осмысление действительности. Подобные еженедельные передачи – традиционные для телевидения: «Итоги недели с Ирадой Зейналовой», «Вести недели» и другие. Отметим, что классические итоговые информационно-аналитические передачи (обозрения), как правило, носят «серьезный» характер [16; с. 257]. В отличие от преемников на видеохостинге, комическое в них является элементом, а не доминирующим инструментом коммуникации. Другие черты классического обозрения, которые можно встретить в исследованиях жанров журналистики, в новом формате информаци-

онно-аналитических передач сохраняются. В том числе: обозрение показывает причинно-следственные связи конкретного общественного явления или события, выявляет их значение и тенденции развития; может охватывать разнородные факты действительности или быть узконаправленным, тематическим [17]. Содержание «Редакция. News» разнородно по содержанию, состоит из набора информационных блоков, которые выстроены в определенной логической последовательности и представляют собой композиционную законченность. Гармоничная структура, в том числе, достигается за счет лейтмотива, которым определяется общее настроение выпуска. Это может быть не только конкретный инфоповод, но и тема, характеризующая повествование. Наиболее четко лейтмотив демонстрируется посредством символики на одежде ведущего.

Смешение аналитического и художественно-публицистического в дискурсе программы «Редакция. News» дает возможность рассмотреть ее с точки зрения телевизионных жанров сатирической подгруппы – телефельтона и памфлета. Возникшие на основе классических жанров периодической печати, они представляют собой виды злободневных публицистических произведений, цели которых состоят в комическом обличении некоего явления (как правило, одного) посредством художественных средств изобразительности [3]. При этом телефельтон посвящен частностям и должен вызывать добрый смех, а телевизионный памфлет имеет разоблачительный характер, направлен на уничтожение целого явления [17]. Предметом же «Редакция. News» является набор фактов действительности, из которых комически могут быть осмыслены не все. Главная цель передачи заключается не в создании комического эффекта (как в классических жанрах), а в информировании, установлении причинно-следственных связей. Таким образом, можем видеть, что памфлет и фельтон не могут в полной мере описать границы передачи.

Исследователи российского медиапространства отмечают, что сегодня происходит расширение жанров и форматов отечественной журналистики, в том числе, в области телевидения. С.И. Ильченко связывает это с доминированием бизнес-составляющей в практике аудиовизуальных СМИ [18; с. 45]. В научном дискурсе уже предпринимались попытки изучить типологию современного развлекательного аудиовизуального контента. В том числе, С.Н. Акинфиев дал определение развлекательной передаче: «это телепрограмма, являющаяся формой и способом проведения досуга, рассчитанная на эмоциональную реакцию аудитории, связанную с получением удовольствия, наслаждения, эмоционального комфорта и релаксации» [19; с. 6]. Исследователь также отметил, что развлекательный контент стоит наряду с информационно-аналитическим и не уступает ему по качеству. Более того, развлекательные телепередачи стали конструктами, с опорой на которые происходит формирование принципов и моделей поведения в обществе. Отметим, что к такому выводу приходил и А.В. Дмитриев, изучающий проявления комического в отечественном медиадискурсе [9].

С.Н. Акинфиев также выделил типологию развлекательного телевизионного контента (реалити-шоу, ток-шоу, телевикторины и шоу), на которой мы не будем останавливаться подробно в связи тем, что в ней нет характерных для материала нашего исследования примеров. Наиболее подходящей можно считать типологию юмористических программ С. Н. Ильченко: эстрадный капустник («КВН»), юмористический сборник («Вокруг смеха»), юмористический журнал («Ералаш», «Фитиль»), телевизионный розыгрыш («Розыгрыш»), передача-пародия («Большая разница», «Прожекторперисхилтон»), комедийный сериал и авторская юмористическая/сатирическая программа. Описывая последнюю разновидность, автор говорит о частично схожей с нашим материалом исследования программе Виктора Шендеровича «Итого». Напомним, в ней в комическом ключе ведущий рассказывал о явлениях политической и общественной жизни страны на рубеже XX-XXI веков. Цель передачи состояла в достижении комического эффекта посредством художественных образов, вплетенных в канву различных рубрик – от обзора прессы до пародийной «Странички зоолога». «Редакция. News» с Алексеем Пивоваровым также является авторской передачей с использованием приемов сатирико-юмористического характера, однако в качестве доминирующего у нее выступает информационно-аналитический аспект. Комическое в ней – это не самоцель, а инструмент общения с аудиторией. Также в отличие от программы В. Шендеровича материал нашего исследования менее разнообразен в использовании игровых форм аудиовизуального контента – программа ограничивается комментариями ведущего по какому-либо поводу, художественно-публицистические рубрики отсутствуют.

Поскольку мы говорим о разновидности авторской программы, нужно обозначить специфику такого продукта. А.М. Шестерина указывает, что главная цель таких передач – донесение субъектив-

ных взглядов и убеждений [20; с. 15]. Важнейшую роль в таком контенте играет личность автора, его авторитет и бэкграунд. Как мы отмечали выше, для YouTube-контента характерны персонификация проектов, их связь со значимой персоналией. Е.В. Шипова отмечала, что образ журналиста «становится неотъемлемой частью сообщаемой информации, а смысл и суть информации находятся под влиянием личности того, кто ее озвучивает» [21; с. 177]. В «Редакция. News» фигура ведущего играет одну из важных ролей, поскольку за плечами у журналиста большой опыт работы в медиапространстве. Напомним, Алексей Пивоваров – ранее корреспондент, ведущий телепрограмм «Сегодня», «Страна и мир» и ряда авторских передач на телеканале НТВ, продюсер и менеджер в холдинге «СТС Медиа», главный редактор и генеральный продюсер телеканала RTVi. Следовательно, фигура А. Пивоварова может быть расценена как авторитетная. Общественно-политическую повестку передачи формирует сам ведущий. Журналист говорит об этом в начале каждого выпуска: «Здесь я говорю о событиях недели, на которые *обратил внимание больше*, чем на другие. *Рассказываю, что думаю* по этому поводу. *Максимально субъективно*. По возможности – *внятно и коротко*». Таким образом, можно видеть преобладание субъективной точки зрения в подборе инфоповодов и в их оценке. В анализируемой передаче А. Пивоваров, в том числе, может подвергаться критике или подшучивать над различными явлениями действительности с разной остротой осмеяния. Проявление комического всегда ограничивается этическими рамками. В выпуске от 7 июня 2020 года А. Пивоваров аргументировал невысокий уровень осмеяния некоторого факта действительности так: «Мы стараемся быть на стороне слабых». Можно видеть, что в «Редакции» существует некая редакционная политика (вероятнее всего апеллирующая к журналистской этике), которая регламентирует высказывания автора. Также можно заметить, что журналист позиционирует себя наравне с аудиторией. В отличие от телеведущих классических журналистских передач, А. Пивоваров одет неформально, употребляет разговорную лексику, активно обращается к юмору и сатире, отсылает к массовой культуре. В рамках передачи автор использует метод инфотеймента, а также комическую стратегию, тем самым достигая эффекта интимизации и легкости повествования.

Считаем необходимым подробнее остановиться на границах понятия инфотеймента, поскольку С.С. Щербаль обозначает его как формат аудиовизуального контента [16]. Исследователь справедливо отмечает, что инфотеймент существует, в том числе, в общественно-политическом медиадискурсе современного отечественного телевидения. Однако в качестве описания формата для аудиовизуального контента он представляет очень обширное понятие, под которым может пониматься не только информационные и аналитические передачи, но и постановочные шоу. Ранее мы отнесли инфотеймент к наиболее популярной коммуникативной стратегии, и в настоящем исследовании будем придерживаться этой точки зрения. Далее поясним причину его актуальности в современном медиадискурсе. По мнению Н.А. Захарченко и Т.В. Карелова, этот метод позволяет авторам информационно-аналитических программ апеллировать к эмоциям аудитории и, тем самым, воздействовать на нее. Исследователи также отмечают: «для конструктивного инфотеймента характерен содержательный стержень, на который журналист «нанализует» собственные представления о картине мира, не нарушая ее, не искажая по принципу фантастических или антиутопических моделей построения художественного бытия» [22; с. 9]. Так, в «Редакция. News» частотными классическими приемами создания комического являются аллюзия, гипербола, ирония и сарказм, которые подчеркивают противоречия действительности, но не искажают информацию.

Так как содержание исследуемой программы построено в основном на вербальных средствах изобразительности, можно обратиться к теории жанров печатной журналистики. В диссертационном исследовании А.Н. Тепляшина выделяет следующий жанр – сатирический комментарий [23]. Он представляет собой реакцию журналиста на событие или явление с последующим выявлением в них противоречий, нелепости, глупости. Такое описание наиболее полно, в сравнении с предыдущими, описывает формат материала исследования. Тем не менее, в нем не упоминаются другие важнейшие характеристики: количество и характер комментируемых событий, используемых средств изобразительности. Кроме того, в описании исследователя отсутствует указание на информационно-аналитическую природу содержания, которая присуща анализируемой программе. Д.О. Юмашев в своем диссертационном исследовании выделяет формы сатиры, специфичные для аудиовизуальных медиа, в том числе, интернет-пространства [10]. Среди них – сатирический видеокomentarий, представляющий собой эквивалент представленного выше жанра, но выходящего на другом канале распространения информации.

В теории журналистских жанров и форматов мы не нашли эквивалентов, которые могли бы полноценно описать материал нашего исследования. Возможно, это связано с «современным диф-

фузным состоянием различных каналов массовой коммуникации» [1; с. 73]. В том числе, сегодня мы можем наблюдать взаимовлияние традиционной журналистики и блогосферы. Обратившись к классификации публикаций в интернет-пространстве, встретим три группы: информационные видео (лайфстайл, обзор новостей, политический блог, тревел-блог, интервью), обучающие видео (туториал и бьюти-блог), развлекательные видео (челенж, пранк, летсплей, социальный эксперимент, обзор вирусных видео, обзор кино, технический обзор, музыкальное видео) [24]. Данная типология является неполной (устаревшей), поскольку не содержит информации о проектах, появившихся в последние годы – например, упоминаемый ранее контент Medium Quality. Из представленной типологии можно выделить два вида – обзор новостей и политический блог, которые наиболее близки к характеристикам материала нашего исследования, но, как правило, поверхностны по содержанию, поскольку не устанавливают причинно-следственные связи событий. «Редакция. News» можно отнести и к развлекательным видео из-за доминирующего в нем комического компонента. Также отметим, что в передаче используется визуальное оформление, характерное для медиаконтента в блогосфере. Некоторые из них выделила О. А. Козлова: «монтаж, коллаж, съемку подвижной камерой, применение компьютерной графики, анимации, звуковых и музыкальных эффектов. Аудитории предлагается динамичная, «живая» картинка. Каждый тезис ведущего визуализируется скриншотами публикаций, всплывающими подписями анимированными образами, дополняется звуками аплодисментов, фанфар, барабанной дроби и т. п. В качестве музыкальной подложки могут быть использованы фрагменты классических произведений» [25; с. 82].

Можно видеть, что и классификация продуктов блогосферы не дает исчерпывающего описания материалу исследования. Вследствие этого можно говорить о том, что в медиапространстве «Редакция. News» является новым типом контента, который появился в симбиозе традиционной журналистики и блогосферы, модернизировался под влиянием времени и запроса аудитории. Об этом также указывает Е. В. Выровцева, отмечая взаимовлияние адресата и адресанта в процессе коммуникации при создании журналистского контента классическими инструментами [5].

Поскольку в теории аудиовизуального медиаконтента нет наиболее подходящего эквивалента для описания формата «Редакция. News», на основе изученных исследований дадим определение. Итак, «Редакция. News» – аудиовизуальная программа, выходящая в интернет-пространстве и принадлежащая к разновидностям авторского медиаконтента, который представляет собой информационно-аналитическое обозрение общественно-политических явлений действительности и характеризуется глубоким уровнем выводов и обобщений, представляемых посредством художественного и комического переосмысления с использованием вербальных и невербальных средств.

Таким образом, анализ научных трудов в сфере медиа показал, что на сегодняшний день отсутствуют исчерпывающие классификации для описания современного аудиовизуального контента. Выявлено, что традиционные жанры и форматы стали больше трансформироваться, в том числе заимствуя черты некоторых феноменов из интернет-пространства – отдельные лексические единицы или особенности визуализации. На примере материала исследования обнаружилось, что данная тенденция характерна, в том числе, для информационно-аналитических программ. В таких передачах используются эмоциональные средства выразительности (зачастую формы и приемы комического), которые позволяют установить наиболее продуктивную коммуникацию с аудиторией. Перечень выявленных характеристик материала исследования позволил дать определение новому виду аудиовизуального контента в интернет-пространстве. Статья рассматривает лишь один феномен из палитры жанрового и форматного разнообразия современных медиа. Результаты настоящего исследования могут способствовать дальнейшему изучению своеобразия отечественного контента в частности, журналистики и медиапространства России в целом.

Библиографический список

1. Галиуллина А.Ф. Комические коды в коммуникации: «развлекательная» телевизионная журналистика (юмористический телевизионный контент) и телевизионная реклама: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – Омск, 2016. – 224 с.
2. YouTube – телевидение XXI века. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka> (дата обращения 15.01.2022).
3. Тертычный А. А. Жанры периодической печати [Электронный ресурс] URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения 10.10.2021).

4. Корецкий М. Д. Трансформация телевизионных жанров на площадке YouTube на примере деятельности Алексея Пивоварова // Медиасреда. 2020. № 17. С. 41-44.
5. Выровцева Е.В. Комическая стратегия в медиадискурсе YouTube-канала «Редакция» // Медиалингвистика: сб. трудов конференции. 2021. С. 101-104.
6. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. М.: Искусство, 1977. – 183 с.
7. Юмашев, Д.О. Политическая сатира в аудиовизуальных СМИ // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 245-247.
8. Покотыло М.В. Сатира в контексте русской литературы XX в.: онтологический статус и функции // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 8. С. 262-271.
9. Дмитриев А.В. Социология политического юмора: очерки. М.: РОССПЭН, 1998. 332 с.
10. Юмашев Д.О. Сатира в сетевых аудиовизуальных СМИ: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10. – Воронеж, 2016. – 24 с.
11. Брусиловская Я.В. Телефельетон как феномен журналистики рубежа XX-XXI века: «Куклы», «Итого», «Тушите свет» // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований. Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. 2016. С. 44-46.
12. Ландерова А.А. Политическая сатира в России: имитация или возрождение? // Актуальные вопросы политической науки Сборник научных трудов. 2012. С. 122-128.
13. Шишкина, Н. Е. Функции интернет-мемов в политическом медиадискурсе [Электронный ресурс] URL: <https://scipress.ru/philology/articles/funksii-internet-memov-v-politicheskom-mediadiskurse.html> (дата обращения 15.01.2022).
14. Общественная коллегия по жалобам на прессу: Жалоба на телепрограмму Международная пилорама – Решение Коллегии. URL: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/6299-zhaloba-na-teleprogrammu-mezhdunarodnaya-pilorama?start=3> (дата обращения 1.02.2022).
15. Условия использования YouTube. URL: <https://www.youtube.com/static?template=terms> (дата обращения 15.01.2022).
16. Щербаль С.С. Инфотейнмент как метод создания телевизионного контента // Вестник Волжского университета. 2021. №4. Т. 1. С. 247-261.
17. Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика [Электронный ресурс] URL: <http://evartist.narod.ru/text6/32.htm> (дата обращения 10.10.2021).
18. Ильченко С.Н. Современные аудиовизуальные СМИ: новые жанры и формы вещания. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 139 с.
19. Акинфиев С.Н. Жанровая структура российского развлекательного телевидения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2008. – 21 с.
20. Шестерина А.М. Авторская телепередача. Воронеж: Издательство факультета журналистики Воронежского государственного университета, 2017. 136 с.
21. Шипова Е.В. Персонификация информации на российском телевидении: профессионально-этический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – СПб., 2006. – 246 с.
22. Захарченко Н.А., Карелова, Т. В. Инфотейнмент как перспективный способ презентации видеoinформации // Вестник Волжского университета, 2021. № 4. Т. 1. С. 102-111.
23. Тепляшина А.Н. Творческая природа комического: жанровая парадигма современной журналистики : дис. ... док. филол. наук: 10.01.10. – СПб., 2007. – 373 с.
24. Ахметьянова Н.А., Мулюкова, А. И. Жанровое разнообразие видеоблогинга в России // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: сб. трудов конференции. 2016. С. 292–295.
25. Козлова О.А. Специфика новостных программ на платформе YouTube // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8, Литературовед. 2020. № 1 (19). С. 79-83.

References

1. Galiullina A.F. Comic codes in communication: "entertaining" television journalism (humorous television content) and television advertising: dis. ... Candidate of Philology: 10.01.10. – Omsk, 2016. – 224 p.
2. YouTube – television of the XXI century. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka> (accessed 15.01.2022).
3. Tertychny A. A. Genres of periodicals [Electronic resource] URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (accessed 10.10.2021).
4. Koretsky M. D. Transformation of television genres on the YouTube platform on the example of Alexey Pivovarov's activity // Media environment. 2020. No. 17. pp. 41-44.
5. Levantseva E.V. Comic strategy in the media discourse of the YouTube channel "Editorial Office" // Media Linguistics: proceedings of the conference. 2021. pp. 101-104.
6. Luk A.N. Humor, wit, creativity. Iskusstvo. Moscow. 1977. – 183 p.

7. Yumashev, D.O. Political satire in audiovisual media // Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism. 2014. No. 1. pp. 245-247.
8. Pokotylo M.V. Satire in the context of Russian literature of the twentieth century: ontological status and functions // Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. 2014. No. 8. pp. 262-271.
9. Dmitriev A.V. Sociology of political humor: essays. ROSSPEN. Moscow. 1998. 332 p.
10. Yumashev D.O. Satire in online audiovisual media: abstract. dis. ... Candidate of Philology: 10.01.10. – Voronezh, 2016. – 24 p.
11. Brusilovskaya Ya.V. Telefeleton as a phenomenon of journalism at the turn of the XX-XXI century: "Dolls", "Total", "Put out the light" // Problems of philology, cultural studies and art criticism in the light of modern research. Collection of materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference. 2016. pp. 44-46.
12. Landerova A.A. Political satire in Russia: imitation or rebirth? // Current issues of political science Collection of scientific papers. 2012. pp. 122-128.
13. Shishkina N. E. The functions of Internet memes in political media discourse [Electronic resource] URL: <https://scipress.ru/philology/articles/funktsii-internet-memov-v-politicheskom-mediadiskurse.html> (date of appeal 15.01.2022).
14. Public Collegium on complaints against the press: Complaint about the TV program International Sawmill – The decision of the Collegium. URL: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/6299-zhaloba-na-teleprogrammuy-mezhdunarodnaya-pilorama?start=3> (accessed 1.02.2022).
15. YouTube Terms of Use. URL: <https://www.youtube.com/static?template=terms> (accessed 15.01.2022).
16. Shcherbal S.S. Infotainment as a method of creating television content // Bulletin of the Volga University. 2021. No. 4. Vol. 1. pp. 247-261.
17. Kuznetsov G.V., Tsvik V.L., Yurovsky A.Ya. Television journalism [Electronic resource] URL: <http://evartist.narod.ru/text6/32.htm> (accessed 10.10.2021).
18. Ilchenko S.N. Modern audiovisual media: new genres and forms of broadcasting. St. Petersburg: Publishing House St. Petersburg State University, 2006. 139 p.
19. Akinfiyev S.N. Genre structure of Russian entertainment television: abstract. dis. ... Candidate of Philology: 10.01.10. – M., 2008. – 21 p.
20. Shesestina, A.M. The author's TV show. Voronezh: Publishing House of the Faculty of Journalism of Voronezh State University, 2017. 136 p.
21. Shipova, E.V. Personification of information on Russian television: professional and ethical aspect: dis. ... Candidate of Philology: 10.01.10. – St. Petersburg, 2006. – 246 p.
22. Zakharchenko N.A., Karelova, T. V. Infotainment as a promising way of presenting video information // Bulletin of the Volga University, 2021. No. 4. Vol. 1. pp. 102-111.
23. Teplyashina A.N. The creative nature of the comic: the genre paradigm of modern journalism : dis. ...doc. philol. sciences: 10.01.10. – St. Petersburg, 2007. – 373 p.
24. Akhmetyanova N.A., Mulyukova A. I. Genre diversity of video blogging in Russia // Mass communication media in a multipolar world: problems and prospects: proceedings of the conference. 2016. pp. 292-295.
25. Kozlova O.A. The specifics of news programs on the YouTube platform // Bulletin of Volgograd State University. Series 8, Literary critic. 2020. No. 1 (19). pp. 79-83.

УДК 811'А

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.30.78.018

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки
Алексеев А.Б.
Россия, г. Москва,
тел. 89636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

*Russian Academy of Economy and Public Administration,
The chair of professional linguistic preparation
PhD, senior lecturer
Alexeyev A.B.
Russia, Moscow,
tel. 89636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

А.Б. Алексеев

ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США 2015–2016 гг.

Статья посвящена проблеме функционирования языковых игр в политическом дискурсе. Имеет смысл различать языковую игру в ее узком, сугубо лингвистическом значении, и более широком, социально-философском осмыслении данного феномена. В английском языке русскому термину «языковая игра» соответствуют несколько эквивалентов, однако непроходимой границы между различными видами языковых игр на самом деле нет, и часто в рамках реального общения они используются вкупе. Обращаясь к материалу американского политического дискурса 2015–2016 гг., устанавливаем: языковые игры широко использовались кандидатами, что отчасти соотносилось с коммуникативным трендом превращения серьезной политической повестки в развлекательную – своеобразный политеймент. Языковые игры позволяли политикам искусно дискредитировать не только идеологических противников, но нередко и целые социальные группы, внедрять в дискурс не одобряемые обществом смыслы, включая прямые оскорбления. С точки зрения лингвостилистики, в основе языковых игр в их узкой концептуализации лежит лингвокреативное употребление эпитетов, метафор, иронических высказываний, каламбуров, хиазмов, иногда усеченных, переосмысленных, и т.д. С позиции же более глобального, социально-философского представления о языковой игре изучаемый феномен представляет собой отвержение говорящими привычных дискурсивных практик, поиск новых, изменение и кардинальный пересмотр уже существующих. Языковые игры в рамках политического дискурса – и не только в нем – можно представить себе играми во власть. Дискурсивная власть – одно из ключевых понятий, предложенных М. Фуко, позволяющих интерпретировать дискурсивные практики как социально обусловленные и одновременно социотрансформативные явления.

Ключевые слова: дискурсивные практики, Д. Трамп, политеймент, политический дискурс, языковая игра.

A.B. Alexeyev

LANGUAGE GAMES AND LANGUAGE PLAYS IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE USA (2015–2016)

The article is dedicated to the problem of functioning of language games and plays in political discourse. It makes sense to differentiate between language games and plays, with the first concept being of a broader, socio-philosophical nature. As for the language play, this term is quite narrow and is restricted to the use in the domain of linguistics. While thus one has to deal with different phenomena, there is actually no unsurpassable borderline between them and often in real communication language games and plays are used together. Turning to the analysis of the American political discourse of 2015–2016, we determine that language games and plays were widely employed by candidates and this fact partially corresponded to the communicative trend of transformation of the serious political agenda into an entertaining one or politainment. Language games and plays allowed politicians to skillfully discredit not only ideological foes but also whole social groups by introducing to the domain of discourse ideas frowned upon by the majority of people, including the ones expressed by direct insults. From the standpoint of lingostylistics, language plays are based on creative uses of epithets, metaphors, ironies, puns, chiasms, sometimes reduced, sometimes redefined, etc. As for the more global, sociophilosophical conceptualization of the studied phenomenon, i.e., the understanding of it as a language game, the researcher ought to speak about the rejection of the habitual discursive practices, the search for the

new ones and the change and drastic reconsideration of the existing discourses. Within the framework of political discourse – and not only within it, – language games can be thought about as games in power. Discursive power is one of the key concepts, advanced by M. Foucault, allowing to interpret discourse practices as socially dependent and at the same time sociotransformative phenomena.

Key words: discourse practices, D. Trump, politainment, political discourse, language game, language play.

В основе понятия «языковая игра» лежат два взаимосвязанных аспекта: с одной стороны, очевидно, что при его использовании речь всегда так или иначе заходит о языке, а точнее, о его функционировании (на это указывает определение «языковая»), а с другой – перед аналитиком, занимающимся проблематикой языковых игр, неизбежно встает вопрос об особенностях контекстуального значения ключевого слова «игра» – прямого или метафорического, широкого или более узкого, обусловленного социально философской или лингвистической трактовкой феномена игры, интерес к которому проявляли еще в древности. Неслучайно, что институт Олимпийских игр был основан задолго до нашей эры. Переосмыслить «игру» – представить ее себе не в повседневно-обыденной интерпретации («игра ребенка», «спортивная игра») и даже не просто как одну из многих метафор («игра сил»), а как стимул развития личности и важнейшую особенность общественного уклада, вносящую динамику в отношения между людьми, удалось во многом благодаря разработке теории языковых игр.

В английском языке русскому термину «языковая игра» соответствуют, как минимум, два обозначения – ‘language game’ и ‘language play’. Подчеркнем: эти две номинации не равнозначны. В первом случае речь идет, по словам А.Ф. Боголюбова, о социо- или лингвокультурной языковой игре [1, с. 138], т.е. ее глубинном родстве с дискурсивными, или социальными практиками – в КДА исследователи, опираясь прежде всего на теорию М. Фуко, признают дискурс средством общественного регулирования [14, с. 22; 17, с. 6]. Эквивалент ‘language play’ в свою очередь выступает не более чем синонимом понятиям «игра слов» (англ. word play) и «каламбур» (англ. pun) [1, с. 138]. Он соотносится со стилистическими и эстетическими аспектами употребления языка и может проявляться в эпитетах, метафорах, коррелировать с иронией и сарказмом [12, р. 328]. В основу языковых игр закладывается механизм игры ассоциаций, или «ассоциативно сопряженных ... смыслов» [5, с. 111; 7, с. 186]. Иногда языковой игрой следует признавать и ношение коммуникантом речевых масок, хотя, как правило, эта дискурсивная практика находится уже за пределами *language play* и выводит исследователя в сферу анализа *language games*.

Социально философское осмысление языковой игры как *language game* высвечивает ее глубинные признаки. В русле теории Л. Витгенштейна, впервые употребившим термин «языковая игра», *language game* определяют формой жизни, что, учитывая экзистенциальную природу языка, по меткому выражению М. Хайдеггера, дома бытия человека (нем. *das Haus des Seins*) [16, S. 9], вполне оправдано. Продуктивно, на наш взгляд, и совмещение феномена языковой игры с функцией конструирования языковой реальности, или социотрансформативной функцией языка [10, с. 140], ведь, изучая прагматический потенциал использования языковых игр в различных сферах взаимодействия людей, можно выделить реальность, создаваемую только посредством языка, фикциональную [9, с. 95], неизоморфную внешнему, объективно существующему миру, но предшествующую его изменению.

Для прояснения особенностей функционирования языковых игр обратимся к политической коммуникации в США 2015–2016 гг., в ходе которой сомнению были подвергнуты многие конвенциональные способы ведения публичной коммуникации, если руководствоваться еще не изжившей себя традицией, не допускающей неполиткорректность и / или оскорбления. Тем не менее даже в дискурсах демократических стран встречаются ничем не прикрытые речевые атаки на иностранные государства и меньшинства. Опасность такой риторики, иногда именуемой языком ненависти (англ. *hate speech*), вне всякого сомнения: к примеру, немецкие нацисты тоже начинали свой политический путь не столько с конкретных дел, сколько со слов и обещаний [15, S. 9].

С целью изменения дискурсивных практик и внедрения в политическое общение социально одобряемых смыслов актуализируются языковые игры, в значении и *language games*, и *language plays*, причем эти две разновидности изучаемого феномена часто действуют вкуче: языковые игры в их узкой, сугубо лингвистической интерпретации способствуют созданию комического эффекта, под прикрытием которого политика может быть трансформирована. Современный политический дискурс превращается в политеймент (от англ. *politics* – политика, *entertainment* – развлечение), в котором собственно политическая составляющая заметно редуцируется. Политика все чаще представляет собой «шоу, постановщики которого зачастую сознательно создают провокационные контексты, чтобы шоу получилось более захватывающим» [3, с. 151].

Стратегии политейнмента [1, с. 137], или – в более широком понимании – *тейнмент технологии* [2, с. 31] удобны тем, что являются адресатоцентричными, а следовательно, создают иллюзию вовлеченности зрителя в эвристический перформанс [11, с. 80], в котором ему, как правило, отводится пассивная роль наблюдателя – актуальное концептуальное содержание дискурса всецело определяется политиком. Лингвопрагматическая цель создания развлекательного политического контента побуждает говорящих отвергать лингвоэтические максимы, оскорблять противников, навешивать на них диффамирующие ярлыки, использовать грубые намеки. Такое речезыковое поведение напоминает азартный спорт, и оно заразительно, не говоря о том, что коммуниканты, подвергшиеся крайней дискредитации – *речевой делегитимизации, маргинализации, аннигиляции* [3] – имеют тенденцию платить своим противникам той же монетой.

Обвинения Д. Трампа в приверженности радикальной идеологии были небезосновательными. Рассмотрим пример:

TRUMP: *When Mexico sends its people, they're not sending their best. They're not sending you. They're not sending you. They're sending people that have lots of problems, and they're bringing those problems with us. They're bringing drugs. They're bringing crime. They're rapists. And some, I assume, are good people* (<http://time.com/4473972/donald-trump-mexico-meeting-insult/>).

Перевод: *Когда Мексика засылает своих людей, они не присылают своих лучших. Они не присылают вас. Они не присылают вас. Они засылают людей, у которых множество проблем, и они приносят эти проблемы нам. Они приносят наркотики. Они насильники. Но некоторые из них, я допускаю, хорошие люди.*

Основная идея приведенной реплики заключается в том, что нелегальные мигранты, якобы преднамеренно засылаемые в США правительством соседнего государства, являются в своем большинстве преступниками – наркодилерами, насильниками, прочими криминальными элементами. Все эти по сути ксенофобские, расистские смыслы обозначаются эксплицитно, посредством генерализации транспонируются на значительную социальную группу, контуры которой четко не обозначаются. Общий посыл слов кандидата минимизируется его допущением (I assume), что часть приезжих – законопослушные граждане (good people). В дискурсе выстраивается оппозиция черно-белого мира «мы – они», фактически трансформируемая в противопоставление «вы – они». «Вы» – это аудитория Д. Трампа, американцы. Местоимение же «они» многозначно: с одной стороны, это Мексика и прежде всего ее правительство, с другой – о «них» упоминается как о мигрантах, преступниках. Для смягчения некоторые из «них» изображаются неплохими людьми. Следует полагать, что говорящий намеренно амплифицирует семантическую неопределенность местоимения «они», сознательно повторяет его в рамках анализируемого высказывания 8 раз, избирая и соответствующий синтаксис – простые, сложноподчиненные предложения, предельно короткие, основанные на повторе, главным образом анафорическом (They're... They're...).

Языковая игра проявляется в данном случае и в весьма небрежном, с вкраплением грамматических ошибок построении речевого фрагмента. Так, нормативной была бы замена слова 'Mexico' на местоимение 'it', а не 'they' (ср. русс. Мексика – «она», но не «они»), нестандартным выступает употребление некоторых предлогов (...they're bringing those problems **with us**). Подобного рода неточности характерны для политейнмента, где почти всегда предпочтительней разговорный, неформальный стиль общения с аудиторией.

Диагностируя наличие аспектов языковой игры в широкой концептуализации последней, нельзя оставить без внимания тематическое содержание речи: Д. Трамп выдвигает ничем не аргументированное мнение, согласно которому Мексика отправляет иммигрантов в США – едва ли сам республиканец верил в этот политический миф. Однако чем абсурднее заявление, тем больше политического резонанса оно способно вызвать. Д. Трампу такая «игра» весьма свойственна – он не раз анонсировал и более сенсационные «новости», фактически начав свою политическую карьеру с непризнания легитимности президентства Б. Обамы: первый темнокожий лидер США, по утверждению миллиардера, якобы родился за границей, а потому не мог быть законным резидентом Белого дома. Конечно же, у бизнесмена не было никаких сведений, где родился Б. Обама, и все это было не более чем громким голословным заявлением, привлечшим внимание общественности.

Натурализованным гражданином для Д. Трампа был и латиноамериканец Т. Круз (<https://www.youtube.com/watch?v=Un3OhYs-tCE>). Миллиардер выдвигал также предположение, что отец его главного противника в борьбе за номинацию от Республиканской партии мог иметь отношение к убийству 35-го президента США Дж. Кеннеди:

TRUMP: *His father was with Lee Harvey Oswald prior to Oswald's being – you know, shot. I mean, the whole thing is ridiculous. What is this, right prior to his being shot, and nobody even brings it up. They don't even*

talk about that. That was reported, and nobody talks about it. I mean, what was he doing – what was he doing with Lee Harvey Oswald shortly before the death? Before the shooting? It's horrible. (<https://www.washingtonpost.com/blogs/erik-wemple/wp/2016/05/03/fox-friends-gets-exclusive-trumps-hyping-of-national-enquirer-scoop-on-ted-cruzs-father/>).

Перевод: *Его отец был с Ли Харви Освальдом перед тем, как, как вы знаете, Освальда застрелили. Я имею в виду, это абсурдно. Как так, прямо перед убийством, и никто об этом даже не упоминает. Никто об этом даже не говорит. Об этом сообщили, и никому никакого дела. Я имею в виду, что он делал с Ли Харви Освальдом незадолго до его смерти? Перед выстрелом? Это ужасно.*

Посредством оценочных эпитетов (*ridiculous* – нелепый; *horrible* – ужасный) строительный магнат дает оценку обнаруженному им «факту» из биографии близкого родственника своего соперника. Прибегая к манипулятивному приему «ссылка на слухи» (*That was reported...*), политик скрывает сомнительность информации, распространяемой им, – у адресата может сложиться мнение, что раз о причастности отца сенатора к убийству Дж. Кеннеди упомянули в СМИ, этой истории можно доверять, хотя никакого указания на источник репортажа нет – напротив, указывается на секретность сообщаемого, о котором никто ничего толком не знает (*...nobody even brings it up. They don't even talk about that.*) Используя риторические вопросы, а также пресуппозицию (то, что член семьи Крузов находился на месте совершения преступления рядом с подозреваемым Л. Освальдом подается аудитории как аксиома), Д. Трамп постулирует неблагонадежность латиноамериканского кандидата ввиду вероятной связи его родственников с криминальным миром. Таким образом, говорящий обращается к стереотипам о латиноамериканцах, имеющих циркуляцию в США.

Расплывчивость (англ. *fuzziness*) выражений, используемых политиками, можно считать манипулятивным приемом, нередко представляющим собой языковую игру (*language play*):

TRUMP: *You could see there was blood coming out of her eyes, blood coming out of her whatever* (<https://www.youtube.com/watch?v=uUKWRSIUS5o>).

Перевод: *Вы могли видеть в ее глазах кровь, кровь из одного места.*

Начиная предложение с местоимения 'You', позволяющего говорящему самоидентифицироваться с аудиторией, республиканец заявляет, что во время дебатов можно было видеть, как у М. Келли текла кровь – «кровь из одного места» (*blood coming out of her whatever*). Что имел в виду политик осталось до конца не ясным, но возможный грубый намек, завуалированный широкой семантикой слова 'whatever', не остался незамеченным. Между тем в дальнейшем Д. Трамп отверг все обвинения в свой адрес – он вел речь только о крови из носа.

Инсинуации, в том числе имеющие отношение к таким деликатным темам, как «внешность», «индивидуальная гигиена», «личная жизнь», «секс», «физиология», обсуждение которых традиционно несвойственно сфере политического общения, маркируют тренд становления политейнмента:

RUBIO: *The other thing he says is he's always calling me little Marco. And I'll admit, he's taller than me. He's like 6'2", which is why I don't understand why his hands are the size of a guy that's 5'2". I just see his hands - they're like this (motions). And you know what they say about men with small hands -- you can't trust them. You can't trust them. You can't trust them. Alright? You can't trust them* (<https://abcnews.go.com/Politics/video/marco-rubio-mocks-donald-trumps-spray-tan-small-37280875>).

Перевод: *Еще одно, что он говорит обо мне, так это постоянно обзывает меня мелким Марко. И я признаю, он выше меня. Он 6 футов, 2 дюйма и мне не ясно, почему у него руки, как у парня ростом 5 футов, 2 дюйма. Я смотрю на его руки – они такие маленькие. А вы знаете, что говорят о мужчинах с маленькими руками, им нельзя доверять. Им нельзя доверять. Им нельзя доверять. Правильно? Им нельзя доверять.*

Сенатор М. Рубио сравнивает свой рост с ростом Д. Трампа, признавая, что последний выше его, косвенно соглашаясь с диффамирующим ярлыком «мелкий Марко». С другой стороны, кандидат отмечает, что у его противника маленькие руки. Обращаясь к аудитории, политик несколько раз повторяет, что мужчинам с маленькими руками нельзя доверять, но, на самом деле, он играет с адресатом – непосредственно подключает его к дискуссии, предоставляет возможность догадаться / додумать, что же еще говорят в народе о диспропорционально сложенных мужчинах с маленькими руками.

Языковая игра применяется для тонкой дискредитации, привлечения и удержания внимания слушающих:

Barack OBAMA: *If you've made a career of idolizing Ronald Reagan, then where were you when your party's nominee for president was kissing up to Vladimir Putin, the former KGB officer? You used to criticize*

me for even talking to Russia, now suddenly you are OK with your nominee having a romance with Putin? (<https://www.youtube.com/watch?v=FKicz0C2Y>).

Перевод: *Если вы всю свою политическую карьеру идеализировали Рональда Рейгана, то где были вы, когда номинант вашей партии подлизывался к Владимиру Путину, бывшему офицеру КГБ? Вы критиковали меня даже за то, что я вел переговоры с Россией. Внезапно вы не против того, что ваш номинант завел роман с Путиным?*

Осуждая близкие отношения между Д. Трампом и В. Путиным, Б. Обама подбирает такую лексику, которая относится к семантическим полям «любовь», «подобострастие» (idolize, kiss up to, romance) – морально-нравственные идеалы 40-го президента США Р. Рейгана, которым восхищаются республиканцы, противопоставляются говорящим тем, которых придерживаются его идеологические соперники. Приведенный речевой фрагмент отличается особой выразительностью, достигаемой за счет употребления риторических вопросов, метафоры (having a romance with Putin), метонимии (Russia – в значении правительство России), антитезы (used to criticize – suddenly you are OK).

Языковая игра помогает политикам использовать инвективу креативным образом, а в случае необходимости позволяет и отказаться от своих слов, например, сославшись на то, что они были неправильно интерпретированы. Особое значение в этой связи приобретает оборот речи, известный в стилистике под термином «каламбур»:

CARSON: *I'm the only one to separate Siamese twins. The only one to operate on babies while they were still in mother's womb. The only one to take out half of a brain, although you would think, if you go to Washington, that someone had beaten me to it* (<https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58>).

Перевод: *Только я разделял сиамских близнецов. Только я проводил операции на детях, находящих еще в утробе матери. Только я вынимал половину мозга, хотя, если подумать, в последнем некоторые вашингтонские политики преуспели больше меня.*

Или: CARSON: *She even learned how to play pool because she knew I was a good player. And you know, she actually wins sometimes but most of the times I beat her. But I should be careful because there is some media in here. And their headline will be: 'Carson admits he beats his wife' (LAUGHTER)* (<https://www.youtube.com/watch?v=ulsA8aFOkRs>).

Перевод: *Она даже научилась играть в бильярд, потому что она знала: я хороший игрок. И знаете, на самом деле, иногда она побеждает меня, но в большинстве случаев я разношу ее. Но мне следует быть осторожнее в словах, потому что здесь репортеры. И их заголовок будет: «Карсон признает, что он терроризирует свою жену» (СМЕХ).*

В первом примере Б. Карсон сопоставляет свою профессиональную деятельность нейрохирурга с работой политиков. Обыгрывая многозначность выражения 'take out half of a brain', кандидат фактически оскорбляет государственные лица США, делая с помощью каламбура намек на то, что они не такие уж умные и пользуются не всем, а половиной мозга. Во второй реплике республиканец актуализирует полисемантическую глагола 'beat', прагматически выделяя нечестность, предвзятость СМИ, во всем готовых искать скрытый смысл. Смех, последовавший в ответ на шутку, является свидетельством того, что аудитория оценила лингвокреативность Б. Карсона.

Шутки в принципе не чужды политической коммуникации, особенно в свете трансформации серьезной политики в развлекательную:

CARSON: *Well, I'm very happy to get a question this early on. I was going to ask you to wake me up when that time came (LAUGHTER)* (<https://www.youtube.com/watch?v=Un3OhYs-tCE>).

Перевод: *Я очень рад, что мне задали вопрос так рано. Я собирался попросить разбудить меня, когда до меня дойдет очередь (СМЕХ).*

Или: CARSON: *Neil, I was mentioned too.*

CAVUTO: *You were?*

CARSON: *Yeah, he said everybody. (LAUGHTER)* (Ibid.).

Перевод: *Карсон: Нейл, меня тоже упомянули. / Кавуто: Вас упомянули? / Карсон: Да, он сказал, все. (СМЕХ).*

Как видим, речевой жанр шутки может иметь отношение к той или иной ситуации внешнего мира, но также может базироваться непосредственно на игре слов, например, на их неоднозначном понимании: широкая семантика лексемы 'everybody' (русс. все, каждый), употребленной в дебатах, побуждает кандидата пошутить, что речь шла о нем. Это сближает шутку с каламбуром, который является одной из ее разновидностей.

Вариантом 'language play' можно признать ироничные высказывания, произносимые с целью дискредитации политического оппонента:

Jeb BUSH: *Thank you, Donald, for allowing me to speak at the debate. That's really nice of you. Really appreciate that. (APPLAUSE) What a generous man you are* (<https://www.youtube.com/watch?v=gLUxXiaP6LQ>).

Перевод: *Спасибо вам, Дональд, за то, что позволили мне говорить на дебатах. Очень мило с вашей стороны. По-настоящему ценю это. (АПЛОДИСМЕНТЫ). Какой же щедрый вы человек.*

Формально жанры речи, избираемые Джебом Бушем (благодарение, комплимент), являются этикетными. На самом же деле, губернатор применяет иронию, говоря Д. Трампу спасибо за разрешение высказаться во время дебатов; тем самым подчеркивается невежливость, бестактность бизнесмена, который не дает своим коллегам слово, постоянно перебивает их.

Впоследствии Джеб Буш, иронизируя характер отношений, сложившихся у него с ведущим кандидатом-республиканцем, сравнил своего противника с плюшевым мишкой, вызвав смех аудитории. Он также употребил лексику из семантического поля «любовь» (loving, miss):

Jeb BUSH: *I kind of miss Donald Trump. He was a little teddy bear to me. (LAUGHTER) We always had such a loving relationship in these debates and in between and the tweets. I kind of miss him. I wish he was here* (<https://www.youtube.com/watch?v=dqLfPu-NIX8>).

Перевод: *Я как будто скучаю о Дональде Трампе. Он был для меня маленьким плюшевым мишкой (СМЕХ). У нас всегда были такие нежные отношения на дебатах и между ними – в твиттере. Я словно скучаю по нему. Мне бы хотелось, чтобы он был здесь.*

Ирония иногда может принимать формы самоиронии, в таком случае выполняя не только функцию скромной самопрезентации, но и индицируя определенную смелость политика, не боящегося, например, шутить по поводу той или иной черты своей личности:

SANDERS: *When I was a young man – I'm not a young man today – when I was a young man, I strongly opposed...* (<https://www.youtube.com/watch?v=5e-Pq9Qks88>).

Перевод: *Когда я был молодым человеком – а сегодня я не такой уж молодой – когда я был молодым, я был сильно против...*

Ср.: Jeb BUSH: *And I wrote a book about this called Immigration Wars. You can get it at \$2.99 on Amazon. It's not a bestseller. I can promise you. (LAUGHTER)* (<https://www.youtube.com/watch?v=dqLfPu-NIX8>).

Перевод: *И я написал книгу на эту тему под названием «Войны иммиграции». Ее можно приобрести за \$2.99. Она не бестселлер. Это я вам гарантирую (СМЕХ),*

Достаточно часто в политическом дискурсе языковые игры возникают в результате манипуляций с именами собственными. Так, фамилия претендента на государственный пост либо искажается (*McMuffin* вместо *McMullin*; *Munchkin* вместо *Manchkin*), либо, как в следующем приводимом речевом фрагменте, актуализируется в нарицательном значении:

CLINTON: *I call it trumped-up trickle-down, because that's exactly what it would be* (<https://www.youtube.com/watch?v=855Am6ovK7s>).

Перевод: *Я называю это сфабрикованной Трампом «стекающей» экономикой, потому что это как раз ей и будет.*

В английском языке слово 'trump' (ср. с нем. der Trumpf) прежде всего означает «козырь», но, как и большинство лексем, оно многозначно. Фразовый глагол 'trump up' наделен отрицательными коннотациями и переводится на русский язык как «сфабриковать», «выдумать». Используя данное выражение, Х. Клинтон не просто дискредитировала инициативы лидера республиканской партии, но и увязала их непосредственно с его именем.

Иногда с целью дискредитации Д. Трампа демократы употребляли его фамилию с артиклем или во множественном числе. Таким образом лексема 'Trump' стала нарицательным существительным, фактически синонимом слов «миллиардер», «нечестный человек», «популист», «расист»:

SANDERS: *And somebody like a Trump comes along and says...* (<https://www.youtube.com/watch?v=JDqZlGcSYtI>).

Перевод: *И некто, какой-то Трамп появляется и говорит...*

SANDERS: *And where we are right now is we have got to stand up to the Trumps of the world who are trying to divide us up* (<https://www.youtube.com/watch?v=F5RPN5vstHc>).

Перевод: *И сейчас, в том положении, в котором находимся мы, нам необходимо противостоять всяким Трампам, пытающимся разъединить нас.*

Номинант республиканцев в свою очередь навешивал диффамирующие ярлыки на своих идеологических / политических соперников, тоже творчески преобразовывая их:

TRUMP: People are tired of the Hillary Clintons of the world. It's all talk, no action. It's crooked Hillary (https://www.youtube.com/watch?v=sLZIEDF_bUk).

Перевод: *Люди устали от всяких Хиллари Клинтон. Это все разговоры и никаких действий. Это жуликоватая Хиллари.*

Широкая циркуляция диффамирующих ярлыков привела к тому, что политики начали пользоваться приемом лингвистической апроприации (см. [8; 13, p. 141]), суть которого сводится к принятию оскорбления, как правило, с аксиологическим переосмыслением последнего [5, с. 249]. Так, фраза 'nasty woman', брошенная Д. Трампом во время третьих президентских дебатов в адрес Х. Клинтон, стала своеобразной *дискурсивной скрепой* – термин Е.А. Кондаковой и О.В. Принципаловой [4, с. 150] – антирамповского движения:

Elizabeth WARREN: I've got news for you, Donald Trump. Women have had it with guys like you. And nasty women have really had it with guys like you. Get this, Donald, nasty women are tough, nasty women are smart and nasty women vote. And on November the 8th we, nasty women, are gonna march our nasty feet to cast our nasty votes to get you out of our lives forever (www.youtube.com/watch?v=-wKyCLOb0Eg).

Перевод: *У меня для вас новости, Дональд Трамп. Женщинам надоели такие мужчины, как вы. И противные женщины на самом деле устали от таких мужчин, как вы. Поймите, Дональд, противные женщины стойкие, противные женщины умные, и противные женщины голосуют. И 8 ноября мы, противные женщины, пойдем своими противными ногами и бросим противные голоса, чтобы вы никогда больше не были в нашей жизни.*

Сенатор Э. Уорен переняла диффамирующий ярлык 'nasty woman' (русс. противная женщина), через цепочку переопределений полностью изменив его коннотации. Языковая игра в данном случае наблюдается не столько в плане 'language play', сколько – 'language game': столкнувшись с противником, нарушающим все правила публичного политического общения, открыто оскорбляющим своих соперников, демократы приняли нестандартное решение, обратив некоторые инвективы Д. Трампа в позитивные выражения.

В целом следует отметить, что тема «языковая игра», как в ее чисто лингвистической, так и социально-философской концептуализации, настолько обширна и интересна, что можно бы было продолжить ее обсуждение, допустим, с точки зрения анализа лингвостилистических средств, используемых для актуализации людических (от лат. ludo – играю) возможностей языка, тем более что не все из них детально освещаются исследователями, обычно отмечающими конститутивную роль в генерации языковых игр эпитетов, метафор, ироний, каламбуров и т.д., но, например, редко упоминающими хиазм, который, по нашим наблюдениям, не только встречается в политической коммуникации, но и выполняет, помимо прочих, функцию подчеркивания комического:

HEWITT: ... Why do you disagree with him?

CRUZ: Well, you know, I'm reminded of what FDR's grandfather said. He said, "All horse-thieves are Democrats, but not all Democrats are horse-thieves." (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

Перевод: *- ... Почему вы не согласны с ним?*

КРУЗ: Знаете, я вспоминаю, что сказал дедушка Франклина Рузвельта. Он сказал: «Все конокрады – демократы, но не все демократы – конокрады».

Или: *TRUMP: And many of these people are sitting right in the audience right now — your lobbyist and your special interest and your donors, because the audience is packed with them, and they're packed with you* (<https://www.youtube.com/watch?v=GasRDffe1Xg>).

Перевод: *И многие люди, сидящие в аудитории прямо сейчас, – это ваши лоббисты, представители ваших специальных интересов, ваши инвесторы, – поскольку аудитория переполнена ими, и они – это продолжение вас.*

В последней приведенной реплике языковая игра проявляется в том числе в имплицировании смыслов, облачаемых в своеобразную метафорическую и хиастическую формы: говорящий утверждает, что аудитория заполнена лоббистами, а лоббисты в свою очередь представлены политиками. Таким образом хиазм получается не полным (ср. the audience is packed with them, and they're packed with you и the audience is packed with them, and they're packed with the audience), построенным на манипулятивной инсинуации идеи, что политики, здесь обозначенные местоимением 'you', и лобби-группы – это одно и то же.

На основании проведенного исследования представляется возможным сделать несколько выводов. Прежде всего, выяснено, что уместно различать, как минимум, две разновидности языковых игр, которые мы за отсутствием соответствующих русских терминологических эквивалентов обозначили английскими

терминами *language game* и *language play*. В первом случае речь идет о широкой, социально-философской концептуализации феномена языковой игры, проявляющегося в языке и речи в аспекте отвержения говорящими привычных дискурсивных практик, поиска новых, изменения и кардинального пересмотра уже существующих, во втором – наиболее близком собственно лингвистической проблематике – исследователь имеет дело с тем, как коммуниканты актуализируют комический, людический потенциал языка.

При этом непроходимой границы между двумя вариантами языковой игры нет, и, как показывает анализ, они могут успешно применяться вкуче. Так, оскорблять оппонента, делать грубые намеки и т.п. по праву относят к социально неодобряемым коммуникативным действиям, особенно в сфере публичного общения, и во избежание общественного порицания кандидаты могут успешно обходить запреты с помощью *language plays*, принимающих формы каламбуров, острот, шуток, облачаемых в такие лингвистические средства, как эпитеты, метафоры, иронии, хиазмы и т.д., на первый взгляд кажущиеся безобидными, но на самом деле часто оказывающиеся коварными, нацеленными на утверждение говорящими своего доминирующего статуса в языке и посредством языка. С помощью языковых игр дискредитируют не только идеологического / политического противника, но и целые группы населения (к ним традиционно относят иммигрантов, национальные меньшинства, женщин, пожилых людей и т.д.), изначально находящиеся в непривилегированном положении и сравнительно недавно в демократических странах обретшие относительную свободу

Было бы, однако, серьезной ошибкой представлять себе языковые игры исключительно в негативном свете. Напротив, предпринятое исследование подводит к выводу о том, что объект нашего изучения может использоваться в качестве средства *сопротивления* гегемонистическим дискурсивным практикам, а также выступать как противодействие попыткам радикально настроенных политиков-популистов незаконно присвоить себе дискурсивное пространство, по-своему категоризировав действительность. Очевидно, что в таком понимании языковые игры, особенно в рамках публичной коммуникации, отнюдь не только политической, превращаются по существу в игры во *власть* в фукианском понимании данного термина (фр. *le pouvoir*).

Библиографический список

1. Боголюбов А.Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтение Марша шпионов Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 2. С. 132–153.
2. Грошева А.В. Политейнмент-дискурс: к определению понятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4. С. 31–37.
3. Каменева В.А., Потапова Н.В. Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в американском предвыборном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 202. Т. 19. № 3. С. 84–97.
4. Кондакова Е.А., Принципалова О.В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 2. С. 143–156.
5. Коннова М.Н. Модальность долженствования в стихотворных текстах Б.Л. Пастернака // Модальность. Коммуникация. Текст. Калининград, 2021. С. 109–117.
6. Копнина Г.А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 13. Вып. 11. С. 248–253.
7. Минярова Д.Р. Метафора как элемент языковой игры в политическом дискурсе // Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 186–190.
8. Серебряк А.Н. Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 1. С. 134–148.
9. Стырина Е.В., Мартиросян А.А. Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 1. С. 92–105.
10. Труш Е.Н. Мифология как основа формирования рекламного образа // Вестник МГЛУ. Серия 1 Филология. 2009. № 1(38). С. 139–144.
11. Шмелева Е.С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале *The Economist*) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 78–86.

12. Crystal D. Language play and linguistic intervention // *Child Language Teaching and Therapy*. 1996. Vol. 12 (3). P. 328–344.
13. Curzan A. *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 197 p.
14. Fairclough N. *Language and power*. London: Longman Group, 1989. 259 p.
15. Hansen T. *Ein deutsches Leben. Was uns die Geschichte von Goebbels' Sekretärin für die Gegenwart lehrt*. Berlin: Europa Verlag, 2017. 205 S.
16. Heidegger, M. Zum Brief über den Humanismus. *Heidegger Studies*, vol. 26, Duncker & Humblot GmbH, 2010. S. 9–16, <http://www.jstor.org/stable/45013566>.
17. Mills S. *Discourse*. London: Routledge, 2004. 168 p.

References

1. Bogolyubov A.F. Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of The Spies' March in Time of the Media War and Pandemic) // *NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. Vol. 18. № 2. P. 132–153.
2. Grosheva A.V. Politainment discourse: to the definition of the concept // *Sign: the problem field of media education*. 2022. № 4. P. 31–37.
3. Kameneva V.A., Potapova N.V. Authority-based strategy of (de)legitimization in American electoral discourse: a case study. // *NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. Vol. 19. 2021. Iss. 3. P. 84–97.
4. Kondakova E.A., Printsipalova O.V. Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics] // *NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021. Vol. 19. Iss. 2. P. 143–156.
5. Konnova M.N. The Modality of obligation in B. Pasternak's poems // *Modality. Communication. Text*. Kaliningrad, 2021. P. 109–117.
6. Kopnina G.A. Verbal resistance to political labelling as a defensive means in information-and-psychological war // *Philological Sciences. The Questions of Theory and Practice*. 2021. Vol. 13. Iss. 11. P. 248–253.
7. Miniyarova D.R. Metaphor as an element of language play in political discourse // *Modern Linguistic Paradigms: Traditions and Innovations*. Ufa, 2020. P. 186–190.
8. Serebryuk A.N. Linguistic discrimination and linguistic appropriation as the examples of double consciousness in the U.S. // *NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2019. Vol. 17. Iss. 1. P. 134–148.
9. Styrina E.V., Martirosyan A.A. Elements of fictionality in media texts: facts vs fiction // *NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021. Vol. 19. Iss. 1. P. 92–105.
10. Troosh E.N. Mythology as the basis for the formation of an advertisement image // *MSLU Bulletin. Series 1: Philology*. 2009. Iss. 1(38). P. 139–144.
11. Shmeleva E.S. Cognitive mechanisms and pragmatic potential of linguistic creativity (based on The Economist). // *NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. Vol. 18. Iss. 3. P. 78–86.
12. Crystal D. Language play and linguistic intervention // *Child Language Teaching and Therapy*. 1996. Vol. 12 (3). P. 328–344.
13. Curzan A. *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 197 p.
14. Fairclough N. *Language and power*. London: Longman Group, 1989. 259 p.
15. Hansen T. *Ein deutsches Leben. Was uns die Geschichte von Goebbels' Sekretärin für die Gegenwart lehrt*. Berlin: Europa Verlag, 2017. 205 S.
16. Heidegger, M. Zum Brief über den Humanismus. *Heidegger Studies*, vol. 26, Duncker & Humblot GmbH, 2010. S. 9–16, <http://www.jstor.org/stable/45013566>.
17. Mills S. *Discourse*. London: Routledge, 2004. 168 p.

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент ка-
федры связей с общественностью, рекламы и
дизайна
Попов С.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: spo@bk.ru*

*Voronezh State University
PhD, associate professor of the Department of
public relations, advertising and design
Popov S.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: spo@bk.ru*

С.А. Попов

О РОЛИ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

В статье рассматриваются лингвокраеведческие аспекты профессиональной деятельности современных журналистов региональных СМИ (на примере районных газет Воронежской области). В связи с резко увеличившимся в годы «перестройки» спросом на историческую и краеведческую информацию региональные средства массовой информации стали уделять большее внимание соответствующей тематике, в результате чего в первые «перестроечные» годы наблюдались массовый рост их тиражей и увеличение аудитории телезрителей и радиослушателей. Анализируя публикации районных газет «Аннинские вести», «Вести Придонья», «Заря», «Звезда», «Калачеевские зори», «Родное Придонье», автор приводит положительные примеры использования сотрудниками редакций сведений из истории, культуры, ономастики, топонимии, диалектологии родного края, что способствует удовлетворению соответствующих запросов читателей. Среди наиболее часто освещаемых лингвокраеведческих тем – циклы публикаций к юбилейным датам со Дня Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, посвященных героям-землякам, в честь которых названы населённые пункты, улицы, бульвары, площади, скверы, парки и школы, что способствует сохранению для потомков памяти о героическом прошлом нашей страны и отдельных регионов, проведению патриотического воспитания подрастающего поколения. Особенное место в лингвокраеведческих публикациях «районки» занимают материалы об исчезнувших населённых пунктах и их названиях (ойконимах). Однако не все журналисты региональных СМИ готовы работать с лингвокраеведческой информацией. По мнению автора, в настоящее время в учебные планы российских вузов, готовящих журналистов и специалистов по рекламе и связям с общественностью, медиакоммуникациям, необходимо включить предмет «Лингвокраеведение», что позволило бы выпускникам вузов профессионально вести лингвокраеведческую работу на страницах газет, готовить соответствующие рубрики на радио- и телеканалах, интернет-порталах. Качественно подготовленные материалы об истории родного края впоследствии будут высоко оценены читателями, радиослушателями и телезрителями.

Ключевые слова: журналистика, связи с общественностью, лингвокраеведение, антропонимия, топонимия, ойконимия, диалектология.

S.A. Popov

ON THE ROLE OF LINGUISTIC LOCAL HISTORY IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF JOURNALISTS OF REGIONAL MEDIA

The article examines the linguistic and local history aspects of the professional activity of modern journalists of regional media (on the example of regional newspapers of the Voronezh region). Due to the sharply increased demand for historical and local history information during the years of "perestroika", regional mass media began to pay more attention to the relevant topics, as a result of which in the first "perestroika" years there was a massive increase in their circulation and an increase in the audience of viewers and radio listeners. Analyzing the publications of the regional newspapers "Anninskies Vesti", "Vesti Pridonya", "Zarya", "Zvezda", "Kalacheevskie Dawns", "Native Pridonye", the author gives positive examples of the use by editorial staff of information from the history, culture, onomastics, toponymy, dialectology of the native land, which contributes to the satisfaction of relevant readers' requests. Among the most frequently covered linguistic and local history topics are cycles of publications dedicated to the anniversary dates of the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945, dedicated to the heroes of fellow countrymen, after whom settlements,

streets, boulevards, squares, squares, parks and schools are named, which contributes to preserving for posterity the memory of the heroic past of our country and individual regions, conducting patriotic education of the younger generation. Materials about disappeared settlements and their names (oikonoms) occupy a special place in the linguistic and local history publications of "rayonok". However, not all journalists of regional media are ready to work with linguistic and local history information. According to the author, currently the curricula of Russian universities that train journalists and specialists in advertising and public relations, media communications, it is necessary to include the subject "Linguocraevedenie", which would allow university graduates to professionally conduct linguocraevedic work on the pages of newspapers, to prepare the appropriate headings on radio and TV channels, Internet portals. Qualitatively prepared materials about the history of the native land will later be highly appreciated by readers, radio listeners and TV viewers.

Keywords: journalism, public relations, linguistic local history, onomastics, anthroponymy, toponymy, oikonomy, dialectology.

В последние десятилетия у многих жителей нашей страны резко возрос интерес к истории государства, своей малой родины, семьи. Этому в немалой степени способствовала смена политической системы от тоталитарного советского государства – к «перестройке» и демократии. Быстро увеличился спрос на историческую и краеведческую литературу, которая моментально стала дефицитом. Региональные средства массовой информации, от районных газет и радиостудий до изданий областного масштаба, больше площадей и эфирного времени стали выделять соответствующей тематике. Как результат – в первые «перестроечные» годы наблюдался массовый рост их тиражей и увеличение аудитории телезрителей и радиослушателей.

По воспоминаниям одного из бывших редакторов литературно-художественного журнала «Подъём» Е.Г. Новичихина, «уже в 1989 году число подписчиков «Подъёма» увеличилось... до 500 тысяч. В пятьдесят раз! Предвидеть такое было невозможно. Оказалось, что производственные мощности воронежской типографии не в состоянии справиться с таким тиражом. С помощью Госкомиздата мы нашли типографию в Рыбинске, которая взялась печатать 180 тысяч. А 30 тысяч, как и прежде, печатали в Воронеже. Словом, «Подъём» выходил тиражом 210 тысяч экземпляров. Остальным подписчикам пришлось возвращать деньги, извиняясь перед ними за то, что мы не оправдали их надежд» [1]. В частности, читателей журнала заинтересовали роман Валентина Пикуля «Нечистая сила» (полный вариант этого произведения «Подъём» напечатал первым в стране), документальное повествование известного историка Роя Медведева «Жизнь и смерть командарма Миронова», другие его произведения. Журнал также первым опубликовал роман Нины Сороткиной «Гардемарины, вперед!», произведение Елены Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана».

В том же 1989 году тираж воронежской областной молодежной газеты «Молодой коммунар» перешагнул за 100 тысяч экземпляров, во многом этому способствовала развернувшаяся на страницах издания дискуссия по поводу повести Анатолия Жигулина «Чёрные камни».

В районных газетах Воронежской области чаще стали публиковаться материалы по истории родного края, комментарии специалистов по лингвистическому краеведению о происхождении названий населенных пунктов, фамилий местных жителей, значение диалектных слов и т.д.

В настоящее время данная традиция активно продолжается. В связи с этим возникает потребность в специальной лингвокраеведческой подготовке журналистов региональных СМИ, поскольку работникам редакций необходимо хорошо знать историю и географию родного края. Мы отмечали ранее: «Как показывает практика некоторых воронежских интернет-порталов, авторы ряда статей не всегда представляют, в каком районе расположен тот или иной населённый пункт, который упоминается в материале. Например, путают Кантемировский и Коминтерновский, Поворинский и Подгоренский районы, неправильно пишут наименования населённых пунктов (*Эртель* вместо *Эртиль*) и т.д.» [2, с. 166].

Как утверждает Л.Н. Верховых, «Изучение языка региона с учётом краеведческих сведений позволяет говорить об исследованиях лингвокраеведческого плана. Объект исследования лингвокраеведения – язык края, функционирующий в устной или письменной речи жителей, в текстах местных художественных произведений, местных исторических документов, предмет исследования – особенности языка края в соотношении с краеведческими данными» [3, с. 65].

Таким образом, лингвокраеведческая работа воспитывает любовь к малой родине, «внимание к слову: его форме, значению и употреблению в устной и письменной речи, обостряет интерес к языку русского народа – государственному языку Российской Федерации» [4, с. 18].

Нередко из работников районных или региональных газет, увлеченных местной историей, природой, диалектами, впоследствии вырастали известные писатели или журналисты. В качестве приме-

ра можно привести уроженца села Орлово Новоусманского района Воронежской области, фенолога и журналиста В.М. Пескова, лауреата многочисленных государственных и негосударственных премий. Он ещё в 1976 году написал: «Человеку важно знать свои корни – отдельному человеку, семье, народу, – тогда и воздух, которым мы дышим, будет целебен и вкусен, дороже будет взрастившая нас земля и легче будет почувствовать назначение и смысл человеческой жизни» [5, с. 3].

Рассмотрим опыт ряда региональных и районных СМИ Воронежской области по ведению на своих страницах полноценной лингвокраеведческой работы.

В газете «Аннинские вести» (Аннинский муниципальный район) часто выходят содержательные материалы, посвящённые разным аспектам краеведения. Журналист издания Сергей Афанасьев увлечён историей родного края, регулярно публикует собственные краеведческие изыскания, пишет и о местных исследователях «старшины глубокой». К тому же он является одним из авторов идеи герба и флага Аннинского района. Краеведческие публикации С. Афанасьева, как правило, посвящены известным землякам, забытым событиям, юбилейным датам местной истории, антропонимии и топонимии, хорошо иллюстрированы фотографиями автора. Например, одна из героинь его публикации Дарья Гальцова, аспирант филологического факультета ВГУ, рассказала землякам, откуда взялись названия улиц села Старый Курлак, основанного в начале 18 века. Читатели узнали, что такое микро-топонимия, как раньше назывались современные улицы села (*ул. Кирова – Барановка*: «Со времён помещиков Станкевичей в селе разводили много овец и баранов. Многих улиц тогда ещё не было, и скот пасли на лугах недалеко от небольшого озера. Животных приводили к нему на водопой. Здесь же их и купали», *ул. Советская – Барская*: «На ней жили богатые купцы Синичкины – владельцы кирпичного завода; жили на этой улице и другие зажиточные односельчане», после пожара в центре Барской улицы эту часть стали называть Погорельщиной; *ул. Краснознамённая – Свисты*: «Два ряда домов Краснознамённой улицы расположены далеко друг от друга. Между ними часто свистел ветер» и др.), особые народные дореволюционные названия улиц, которые не найти в географических словарях, они редко встречаются в письменных документах, зато их помнят и знают местные жители (*Малашикина слобода, Сорокинская слобода, Гурякова слобода, Гудовка, Романовка*) [6, с. 5]. Одна из публикаций С. Афанасьева посвящена уроженцу п.г.т. Анна, Герою Советского Союза, генерал-полковнику С.Н. Перевёрткину. Автор уточнил дату рождения героя: «Новые дополнительные данные мы обнаружили в метрической книге аннинской Христо-Рождественской церкви, хранившейся ранее среди других документов архива органов ЗАГС Аннинского района. Запись о рождении выглядит следующим образом: «20 июля родился, 21 июля крещён Симеон. Родители: Тамбовской губернии Усманского уезда Поддубровской волости села Студского крестьянин Никифор Стефанов Перевёрткин и законная жена его Дарья Сергеева. Восприемники: села Анны крестьянин Тимофей Фёдоров Мананников и Острогожского уезда Гниловской волости села Кривой Поляны крестьянка Анастасия Арсеньева Ласукова», однако в подавляющем количестве источников ошибочно датой рождения указана дата крещения. [7, с. 7]. Далее приводятся сведения о боевом пути героического земляка. И в заключение сообщается читателям, что именем С.Н. Перевёрткина названы две улицы – одна в Воронеже, другая – на родине героя, в Анне. Материал традиционно хорошо иллюстрирован (фото наградного листа, фото памятника на могиле С.Н. Перевёрткина на Новодевичьем кладбище в Москве).

Еще один журналист «Аннинских вестей» Ирина Аверьянова профессионально проводит лингвокраеведческую работу на страницах газеты. В частности, она ведёт любимую многими аннинцам рубрику «Путеводитель по району», в которой на газетном развороте публикует хорошо иллюстрированные автором материалы про все сельские поселения Аннинского муниципального района. Читатели узнают об истории всего сельского поселения и его административного центра, о храмах, музеях, памятниках и других достопримечательностях, об интересных людях. В течение 2022 года вышло более десяти публикаций на заданную тему. Как и С. Афанасьев, И. Аверьянова находит интересных земляков-краеведов, готовит о них содержательные материалы, в которых герои публикаций делятся с читателями результатами своих исследований.

Например, в номерах от 13 и 27 августа, 7 сентября 2021 года в рубрике «Краеведение» при содействии журналиста бывшая жительница села Левашовка Валентина Татаринцева опубликовала материал «Каким было Прибитюжье 300 лет назад», в котором она при помощи созданной ей программы отследила, когда и откуда в районе появилась та или иная фамилия: «Есть фамилии, которые записаны в первых переписях 1710 года в Анне. Но в более поздний период они значатся только в Ле-

вашовке. Например, Дворниковы, Татаринцевы, Власовы, Максимовы, Жилкины, Сумины, Понявины и другие» [8, с. 7].

Ономастическая тематика не чужда и другим районным газетам Воронежской области. Например, в бобровской газете «Звезда» в рубрике «По страницам истории» 9 и 16 февраля 2021 года были опубликованы статьи Елены Ледневой «На каких улицах жили бобровцы до революции», в которых приведены сведения о прежних названиях современных улиц города, приведена их этимология, перечислены расположенные на них исторические здания. В частности, до революции 1917 года в Боброве имелись улицы *Большая Воронежская* (ул. Кирова), *Большая Московская* (современная ул. 22 января), *Дугиновская* (ул. Пугачёвская), *Икорецкая*, *Романовский бульвар*, *Садовая* (ул. Авдеева), *Солдатско-Ротная* (ул. Краснофлотская), *Прогульно-Дворянская* (ул. Алексеевская) и др. Автор просвещает своих читателей, что «Оборонительная – единственная улица, которая не меняла своего названия. С древних времён она была пограничной» [9, с. 4].

В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов на страницах районных и областных газет, в интернет-пространстве (на сайтах информационных агентств, в социальных сетях) в специальных рубриках («Война. Победа. Память», «К 75-летию Великой Победы», «Лица Победы», «О войне написано не всё», «Память», «Простые герои великой войны», «У подвига нет срока», «Шла война народная», «Эхо войны» и др.) массово публиковались иллюстрированные материалы, посвященные героям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и труженикам тыла, в честь которых были названы улицы и площади (чаще всего это были герои-земляки). Например, из газеты Борисоглебского городского округа «Борисоглебский вестник» можно было узнать о Владимире Пешкове, Викторе Талалихине, Георгии Печковском, в память которых названы две городские улицы и переулок, и их подвигах. Газета «МОЁ!» открыла рубрику «Город героев», посвящённую военнослужащим и гражданским лицам, воинским соединениям и событиям Великой Отечественной войны, в честь которых названы улицы областного центра. В 2017-2018 годах к 75-летию со дня освобождения областного центра Региональное информационное агентство «Воронеж» совместно с воронежским историком Владимиром Размустовым успешно реализовало просветительский проект «Воронеж. Улицы победителей».

Особенное место в лингвокраеведческих публикациях «районки» занимают материалы об исчезнувших населённых пунктах. Районные СМИ играют важную роль в сохранении памяти об исчезнувших поселениях, вместе с которыми ушли и их названия. Информация об этих хуторах, деревнях, посёлках, сёлах через страницы «районки» передается последующим поколениям земляков зачастую во многом благодаря энтузиазму местных краеведов, школьных учителей, журналистов. Например, в конце 1990-х – начале 2000-х годов калачеевская районная газета «Калачеевские зори» на своих страницах опубликовала серию статей местного краеведа И.А. Письменного, уроженца исчезнувшего хутора Арнаутов, о нескольких десятках исчезнувших хуторов района. Тема получила положительный отклик среди читателей. При финансовой помощи предпринимателя Н. Бондарева на месте хутора был установлен памятный знак: «В текст таблички постарались вместить всю историю хутора за 230 лет: “Хутор Арнаутов. Возник в 1751 году. Не стало в 1981 году. Дворов в 1940 году – 66, население – 362 человека. Колхоз “Красная гвардия”. Погибло в Великую Отечественную войну – 34 человека. Здесь жили семьями: Величко (6 дворов), Деркачевы (12 дворов), Письменные (3 двора)”. 30 мая 1999 года» [10]. После публикации краеведческих материалов И.А. Письменного в районе начали устанавливать памятные знаки на месте исчезнувших хуторов, а 18 октября 2003 года в центре Калача открыли общий памятник исчезнувшим хуторам в виде двух мраморных стел – как две страницы раскрытой книги, на каждой из которых по 22 названия исчезнувших хуторов.

В настоящее время данный вид лингвокраеведческой работы продолжается. Редакция таловской районной газеты «Заря» 25 октября 2019 года публикацией И. Нужной «Некорольская судьба Корольского» открыла на своих страницах рубрику «Исчезнувшие с карты». В ней опубликованы материалы «Добрый баптист и Нижний Колпак: С карты района исчезли 26 посёлков» (26 ноября 2019, № 95), «В списках значится: Поселок Макаровский ещё не списали как исчезнувший, но последние жители покинули его 20 лет назад» (3 декабря 2019, № 97), «Что Купальный передал Гнилому: С карты района исчезло название одного посёлка, а в реальности перестал существовать другой» (21 января 2020, № 4), «Мы – краснянцы: Уроженцы исчезнувшего поселка сохранили историю своей малой родины» (28 июля 2020, № 52), «Печеровка в воспоминаниях» (22 сентября 2020, № 68) и др.

Петропавловская районная газета «Родное Придонье» в январе 2020 года ввела рубрику «Здесь был хутор». В дебютном материале о хуторе Мандровка раскрыта этимология ойконима, приведены сведения из начальной истории хутора: «Старожилы утверждали, что название хутору дал крестья-

нин по фамилии Мандровский, который перебрался в это место вместе с семьей из села Журавка Богучарского района. Было это в 1865 году. В том же году в хуторе было отстроено 12 хат-лозинок, где проживало 46 мужчин и 47 женщин. Через 20 лет в Мандровке уже проживало 686 человек в 132 домах» [11, с. 8].

Лингвокраеведческая работа в региональных СМИ не ограничивается только историей, антропией и топонимией местности. Большое внимание также уделяется народным говорам (диалектам). Еще в июле 2016 года редакция «Калачеевских зорь» на своей странице в соцсети «Одноклассники» разместила анонс газетной статьи, в которой уроженец района, доктор филологических наук Юрий Линов рассказал о местных диалектах. Тема настолько заинтересовала калачеевцев, что обсуждения в соцсетях не прекращаются до сих пор (на сегодняшний день пост собрал более 10 тысяч комментариев). Газета посвятила местным диалектам материал «Поговорим – побалакаем: Как калачеевцы ценят диалекты нашего края» (26 мая 2020, № 35). Читатели с радостью поделились народными словами и выражениями, услышанными от своих бабушек и дедушек, с характерным для данной местности украинским оттенком: «Дивка шые та спива, матэ порэ та плаче», «Брив черэз ричку, тай нэ вмывався», «Стукотыть-грюкотыть кобыляча голова», «Шоб гарно колоть чурбаки, трэба хэкать», «Ны куде и ны мэлэ» (не собирается ничего делать), «Моя ж ты онучичка, влпыла, як коньк в кашу» (попасть в безвыходную ситуацию).

В павловской районной газете «Вести Придонья» был опубликован материал Андрея Ворфоломеева «Налыгач для телка: какие ещё диалектные слова употребляют в Русской Буйловке и Павловске» (29 июня 2021, № 44). Автор расшифровывает для читателей местные «словечки»: *балакать* – беседовать, *вечерять* – ужинать, *паняйте* – поезжайте, *гребовать* – брезговать, *нотный* – привередливый, *добавок* – дополнительный участок земли, *телок* – телёнок, *капустник* – огород для выращивания капусты, огурцов, *молодайка* – молодая женщина и многие другие.

Подобных лингвокраеведческих примеров можно привести великое множество по большинству региональных СМИ. Однако в настоящее время в учебных планах российских вузов, готовящих журналистов и специалистов по рекламе и связям с общественностью, нет предмета «Лингвокраеведение», хотя изучение данного предмета позволило бы выпускникам вузов профессионально вести лингвокраеведческую работу на страницах газет, готовить соответствующие рубрики на радио- и телеканалах, интернет-порталах. Это позволит работникам редакций региональных СМИ создавать и публиковать качественные материалы, связанные с историко-культурным наследием наших предков, которые впоследствии будут высоко оценены читателями, радиослушателями и телезрителями.

Библиографический список

1. Новичихин Евгений. «Подъём» – восемьдесят пять! // Подъём. 2016. № 1. С. 3-22.
2. Попов С.А. О роли лингвокраеведения в учебном процессе студентов факультета журналистики // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Материалы II Международной научно-практической конференции 2021 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ» [Электронный ресурс]. М.: Издательство «Перо», 2021. С. 165-169.
3. Верховых Л.Н. К вопросу о значении термина лингвокраеведение // Неофилология. 2022. Т. 8. № 1. С. 61-72. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-61-72>.
4. Майорова Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. 285 с.
5. Песков В.М. Дороги и тропы // Роман-газета. 1976. № 11 (801). 112 с.
6. Афанасьев Сергей. Откуда взялись названия улиц села Старый Курлак: Географию своей малой родины исследовала студентка Дарья Гальцова // Аннинские вести. 2020. 22 сентября. № 68. С. 5.
7. Афанасьев Сергей. Уроженец Анны командовал штурмом Рейхстага // Аннинские вести. 2019. 3 декабря. С. 7.
8. Аверьянова Ирина. Каким было Прибитюжье 300 лет назад: Бывшая жительница Левашовки Валентина Татаринцева исследует историю района и родословную семей // Аннинские вести. 2021. 7 сентября. № 64. С. 7.
9. Леднева Елена. Как менялись названия бобровских улиц: Из Дугиновской в Пугачёвскую // Звезда. 2021. 16 февраля. № 11. С. 4.
10. Высотин Александр. Земляки. Он ставил обелиски умершим хуторам: Памяти Ивана Алексеевича Письменного // Воронежская неделя. 2013. № 22. 29 мая. URL: <https://communa.ru/obshchestvo/zemlyaki-on-stavil-obeliski-umerшим-khutoram/> (дата обращения: 27.11.2022).
11. Попова Лина. В Мандровке – полувековая тишина: 46 лет назад исчез с лица земли хутор с необычным названием // Родное Придонье. 2020. 24 января. № 3. С. 8-9.

References

1. Novichikhin Evgeny. "Rise" – eighty-five! // *Rise*. 2016. No. 1. pp. 3-22.
2. Popov S.A. On the role of linguo-regional studies in the educational process of students of the Faculty of Journalism // *Epistemological foundations of modern education: topical issues of promoting fundamental knowledge in the educational process. Materials of the II International Scientific and Practical Conference 2021 of the Borisoglebsk branch of the VSU Federal State Educational Institution* [Electronic resource]. Moscow: Pero Publishing House, 2021. pp. 165-169.
3. Verkhovykh L.N. On the question of the meaning of the term linguocraevedenie // *Neophilology*. 2022. Vol. 8. No. 1. pp. 61-72. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-61-72>
4. Mayorova T.V. Linguistic local history and its role in the formation of personal qualities of a teenager. Tula: Publishing House of Tula State Pedagogical University. L.N. Tolstoy University, 2007. 285 p.
5. Peskov V.M. Roads and trails // *Roman-gazeta*. 1976. No. 11 (801). 112 p.
6. Sergey Afanasyev. Where did the names of the streets of the village of Stary Kurlak come from: The geography of her small homeland was explored by student Daria Galtsova // *Anninskie vesti*. 2020. September 22. No. 68. p. 5.
7. Sergey Afanasyev. A native of Anna commanded the storming of the Reichstag // *Anninskie vesti*. 2019. December 3. p. 7.
8. Averyanova Irina. What was Pribityuzhye 300 years ago: A former resident of Levashovka, Valentina Tatarintseva, explores the history of the district and the pedigree of families // *Anninskie vesti*. 2021. September 7. No. 64. p. 7.
9. Elena Ledneva. How the names of Bobrovsky streets changed: From Duginovskaya to Pugachevskaya // *Zvezda*. 2021. February 16. No. 11. p. 4.
10. Alexander Vysotin. Fellow countrymen. He put obelisks to the deceased farms: In memory of Ivan Alekseevich Pischny // *Voronezh Week*. 2013. No. 22. May 29. URL: https://communa.ru/obshchestvo/zemlyaki_on_stavil_obeliski_umershim_khutoram/ (accessed: 11/27/2022).
11. Popova Lina. In Mandrovka – half a century of silence: 46 years ago, a farm with an unusual name disappeared from the face of the earth // *Native Pridonye*. 2020. January 24. No. 3. pp. 8-9.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.39.17.020

*Челябинский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры
теории и практики английского языка*

*Самкова М.А.
Россия, г. Челябинск,
тел. +7-906-892-47-19
email: maria_samkova@hotmail.com*

*Chelyabinsk State University
The chair of theory and practice of the English lan-
guage
PhD, associate professor
Samkova M.A.
Russia, Chelyabinsk, tel. +7-906-892-47-19
email: maria_samkova@hotmail.com*

М.А. Самкова

ИНВЕКТИВА В ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОММЕНТАРИЯХ

(Исследование выполнено при поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2022)

Читательский комментарий как жанр интернет-дискурса отражает мнение общественности. В ходе исследования мы выяснили, что комментаторы чаще акцентируют внимание на негативных аспектах освещаемых СМИ вопросов. В связи с чем возникает потребность анализировать средства негативации в комментариях. Цель исследования – выявить инвективные единицы, выражающих вербальную агрессию, и инвектогенные средства в вызвавших реакцию читательских комментариях, размещенных на сайте влиятельной газеты «Комсомольская Правда – Челябинск» и в ее официальной группе в социальной сети ВКонтакте. Исследование инвективных единиц проводилось с использованием семантического, лингвопрагматического, контекстуального и функционального типов анализа. В результате выявлены лексические и фразеологические единицы, выражающие негативную оценку, эмоциональность и агрессию. Вербализация инвективы осуществляется посредством таких лексических единиц как сленгизм и жаргонизм, а также с помощью сниженной, просторечной и экспрессивной лексики. Наличие инвективы обусловлено полемичным характером жанра «читательский комментарий», в текстах которого зафиксирована речевая агрессия. Агрессивное речевое поведение выражено использованием инвективы для снятия эмоционального напряжения (катартическая функция) или с целью маркирования «своих» и «чужих», понижения социального статуса органов власти и представителей населения как акторов, ответственных за возникновение или решение проблемы (функция профанизации речи). Для характеристики, номинации объектов и обозначения отношения комментаторы прибегают к использованию имен существительных и прилагательных, выступающих в роли эпитетов-негативаторов, и глаголов, в которых произошла негативация значения в результате семантического преобразования предикатов действия в предикаты состояния. В читательских комментариях инвектива, относящаяся к группе пейоративных средств или негативаторов, выступает эффективной стратегией активизации внимания и провоцирование дискуссии.

Ключевые слова: медиадискурс; читательский комментарий; полемичность; негативация; речевая агрессия; инвектива.

М.А. Samkova

INVECTIVE VOCABULARY IN READERS' COMMENTS

(The study was carried out with the support of the Foundation for Advanced Scientific Research of the Federal State Educational Institution "ChelSU" 2022)

An online reader's commentary as a genre of Internet discourse reflects the opinion of the public. We found out that commentators often emphasize the negative aspects of the issues covered by media. That urged us to analyze the means of negativity in comments. The purpose of the study is to identify invective units that express verbal aggressiveness in the readers' comments which got 'Likes' on the website of the influential newspaper *Komsomolskaya Pravda-Chelyabinsk* and in its official group on the social network VKontakte. The study of invective units was carried out using semantic, linguo-pragmatic, contextual and functional analyses. As a result, we identified lexical and phraseological

units that express a negative assessment, emotionality, and expression. Verbalization of the invective is carried out through such lexical units as slang and jargon as well as substandard, colloquial, and expressive vocabulary. Online reader's commentary genre includes invective due to the presence of verbal aggressiveness and the polemical nature of the genre. Aggressive verbal behavior is expressed using invective to relieve emotional tension (cathartic function) or to mark 'friend' or 'foe', lowering the social status of the government, or authorities, or city dwellers as actors responsible for the problem itself or its solution (profanity function). To characterize, nominate objects and designate a relationship, commentators resort to the use of nouns and adjectives as negative epithets, and verbs in which negative has been a result of the semantic transformation of action predicates into state predicates. In an online reader's commentary, the invective, which belongs to the pejoratives, or negativators, becomes an effective strategy to activate attention and provoke discussion.

Key words: media discourse; online reader's commentary; polemic; negatvation; verbal aggression; invective.

Формирование языковой среды в связи с усилением агрессивности в любом типе общения и инвективного потенциала письменной формы общения требует анализа в рамках ряда научных направлений. В отечественной лингвистике исследователи конфликтологии работают в таких отраслях знания, как юрислингвистика (Н.Д. Голев, О.С. Иссерс, В.С. Третьякова, Б. Я. Шарифулин); политическая лингвистика и лингвистическая экспертиза текста (А.Н. Баранов, В.В. Дементьев, В.З. Демьянков, В.И. Жельвис, Г.Е. Крейдлин, К.Ф. Седов, Е.И. Шейгал); экология языка (Г.А. Копнина, А.П. Сковородников). Объединяют данные отрасли подход к интерпретации речевой агрессии, который заключается в том числе в описании семантического и прагматического характера определенного пласта лексики – инвективной.

Изучение проблемы стирания границы между разными пластами лексики, между сленгом и литературным вариантом языка в Интернете также является актуальной, так как, во-первых, общение в Интернете – это устно-письменная разновидность речи. В таком случае встает вопрос, какие нормы применять к данной разновидности. Во-вторых, такому жанру, как читательский комментарий, свойственно наличие критики, оскорблений, грубости, так как именно негатив вызывает отклик и провоцирует дискуссию [1]. Следовательно, отрицательные комментарии преобладают. В таких комментариях отмечается наличие речевой агрессии. К языковым средствам выражения речевой агрессии относят инвективную лексику.

В узком смысле под инвективной (бранной) лексикой обычно понимают пейоративную и эмоционально-оценочную лексику. Маркерами выражения инвективности могут служить и контекстуально обусловленные лексические средства. Инвектива как родовое понятие объединяет бранную лексику и обсценную (в том числе, мат), предназначенные для оскорбления; десемантизированные единицы просторечной лексики, сленгизмы, жаргонизмы, иногда: метафоры, эвфемизмы и дисфемизмы. Последние дают возможность избежать прямого оскорбления, но они по-прежнему будут нести инвективную информацию, как правило, отрицательную оценку. Инвектива всегда соотносится с семантикой оскорбления, обвинения, обличения, унижения, обиды, досады [2, с. 6; 3, с. 593] и используется для негативной оценки или как прием воздействия на эмоции реципиента. По утверждению И. А. Бодуэна де Куртенэ, такого рода лексика является частью общенационального русского языка, которая требует обязательного внесения в словарь живого языка.

Мы понимаем под инвективой «номинативную единицу, употребляемую с целью оскорбить, обидеть, унижить, дискредитировать адресата» [4, с. 4]. Инвектива имеет «пейоративную экспрессию и отрицательную оценку: неодобрение, пренебрежение, презрение» [4]. Так как инвективные лексические и фразеологические единицы являются уничижительными и/или дискредитирующими, они относятся к группе пейоративных средств, или негативаторов [5].

Объектом нашего исследования выступает читательский комментарий как жанр Интернет-дискурса. Материалом послужили 250 текстов читательских комментариев, размещенных на сайте региональной газеты «Комсомольская правда – Челябинск» и на ее официальной странице в социальной сети Вконтакте. Критериями отбора комментариев для исследования выступали количество отметок «Нравится» ('Like') и ответных комментариев, в которых мы отслеживали наличие инвективных средств и инвективных единиц, выражающих вербальную агрессию.

Читательские комментарии отражают реакцию общественности на социальные вопросы. Стоит отметить, что большинство комментариев носят полемический характер. Исходя из того, что полемичность как «расчет на возражающего собеседника» [6; с. 30] в значительной степени преобладает, мы делаем вывод, что читательский комментарий отражает общественное мнение частично и акцентирует преимущественно отрицательные стороны вопроса, так как именно они вызывают большую реакцию.

Наиболее широкий читательский резонанс в материалах вызывает такая тема, как вакцинация. В полемических текстах комментариев агрессия воплощается посредством инвективы, которая была зафиксирована в 17 % изучаемых текстах комментариев. Проиллюстрируем некоторые разновидности инвективной лексики (орфографию и стиль сохраняем).

*Михаил Иванов: скажу, что я лично выступаю за обязательную вакцинацию (исключение лишь у тех, кому нельзя делать). Ибо **задолбали**, в чем смысл ныть как плохо при коронавирусе, а потом ещё и теории придумывать. Власть в этом плане чета **сопли жуёт** [В Роспотребнадзоре рассказали, кого коснется обязательная вакцинация от COVID-19. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/28341.5/4486810/>].*

Лексема «задолбали» является эвфемизмом, заменяющим табуированную лексику. Источником данной номинативной единицы выступает сленг. Изначально семантика данного слова подразумевает физическое действие, а именно перемещение инструмента для совершения удара. Данная лексема как сленгизм имеет предикат состояния и значение ‘надоедать’. Существует целый класс глаголов с семантикой ‘надоесть’, у которых первоначальное значение – физическое действие: (за)долбать, (за)драть, (за)колебать, (за)парить, достать и т.д. Позже произошел семантический переход физического воздействия на экспериенцера. Предикат состояния у данных глаголов выражает причину такого состояния, которая является объектом оценки и за которой закрепилось отрицательное значение [7]. Будучи частью неопределенно-личного предложения, глагол «задолбали» выражает речевой жанр «обвинение». Комментатор отрицательно оценивает поведение жалующихся людей и сторонников теории заговора.

Наряду с эвфемизмами, явную речевую агрессию скрывают фразеологические единицы. Фразеологизм «сопли жевать» обозначает проявление нерешительности, промедление. Он является единицей молодежного сленга. По В.И. Жельвису, данная инвектива выполняет катартическую функцию [8]. В примере выше она используется для оценки действия власти. Высказываясь пренебрежительно и неодобрительно, автор комментария дает выход своим отрицательным эмоциям.

Инвективная лексика часто употребляется с целью оскорбить или унижить. В примере, приведенном ниже, комментатор проявляет речевую агрессию по отношению к адресату сообщения. В последующих примерах комментаторы используют инвективу, главная функция которой – номинация адресата.

*Михаил Петров: Артем, **кремлевская шавка** [В Челябинской области вводят обязательную вакцинацию от коронавируса! URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/28341.5/4486765/>].*

Словосочетание «кремлевская шавка» – инвектива, используемая для обозначения человека, находящегося в подчинении, выполняющего мелкие поручения и/или грязную работу. Данное обращение представляет собой метонимический перенос оценки животного на человека с целью указать на его иерархическое положение [9, с. 102]. Словосочетание используется в качестве пренебрежения и унижения, номинирующего образ сторонника действующей власти.

В читательских комментариях пренебрежительно характеризуются люди по роду их профессиональной деятельности. Слово «полицай» происходит от субстантивированного прилагательного «полицейский», является жаргонизмом, имеет презрительный оттенок и в комментариях выступает в качестве оскорбления:

*Михаил Петров: **Полицай** вышли на охоту [143 посетителя торговых центров в Челябинске оштрафованы за отсутствие маски. URL: <https://www.chel.kp.ru/online/news/4525272/>].*

В приведенном выше примере используется метафора охоты для характеристики деятельности полицейских по поиску нарушителей.

Вне зависимости от рода профессиональной деятельности, в комментариях люди презрительно именуются словом «быдло». Функция данной инвективы заключается в том, чтобы принизить уровень интеллектуального развития, образования и потребностей другого человека. Это слово можно встретить в лексиконе любого слоя общества. Поискковая система Google выдает 3,710,000 результатов упоминаний данного слова. Среди контекстов, в которых используется данная лексема, можно встретить как высказывания политиков и медиатексты, так и читательские комментарии:

*Таня Петрова: Теперь любое **быдло**-охранник вправе сказать: Тут моя власть. И вам по морде хрясть! (В Челябинской области охранникам дали право применить силу, если люди будут проходить без QR-кода. URL: <https://www.chel.kp.ru/online/news/4522269/>).*

Авторы комментариев ниже используют как прямые номинации (безмозглый), так и лексемы, образно номинирующие умственные способности человека (долболоб). Последняя является дисфемизмом, заменяющим бранную лексику в виде метафорической инвективной номинации, означающей «человек – дурак». Данные лексемы выступают в роли эпитетов-негативаторов. В упомянутых инвективах характеристика превалирует над номинацией, поэтому такого рода инвективы выполняют функцию профанизации речи [10, с. 218–221] и служат средством понижения социального статуса адресата [8, с. 109–110].

Олег Магазов: Arturo, нет, это не личное дело. В случае тяжёлого инфекционного заболевания “личные дела” мало значат. Но это в хороших домах. А в России сегодня правят бал безмозглые зажавшиеся обыватели <...> [Более 600 зараженных ежедневно и ограничения в ресторанах: последние новости о коронавирусе в Челябинской области. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/28359.5/4507144/>].

Arturo Ural: Олег, реально долболоб Эиди вакцину в мозг поставь [Там же].

Изучение инвектогенных единиц и средств агрессии является попыткой исследования феномена инвективы в читательских комментариях, размещенных в сети Интернет. Инвектива представляет собой средство снятия эмоционального напряжения (катарктическая функция) и средство речевой агрессии, которую комментаторы направляют на объект, адресата или третье лицо. Оскорбляющие слова и высказывания, в особенности, о физических и умственных особенностях, реализуют функцию профанизации речи и служат средством понижения социального статуса и негативного маркирования «чужих». В проанализированном нами материале инвектива реализует коммуникативную интенцию негативного характера по отношению, в первую очередь, к лицам и событиям, упомянутым в новостном тексте. К укрупненным тематическим группам объектов, которые подвергаются негативации, относятся власть (органы государственного и местного управления) и население, в особенности, сторонники действующей власти. Вербализация инвективы осуществляется посредством сленгизмов, жаргонизмов, фразеологизмов, сниженной, просторечной и экспрессивной лексики. В читательских комментариях инвектива выступает эффективной стратегией активизации внимания и чаще реализует интенцию выразить чувства по отношению к проблеме и акторам, несущим ответственность за возникновение или решение проблемы. Реже инвективная лексика используется, чтобы унизить или оскорбить другого комментатора.

Библиографический список

1. Астахова Г. Россияне рассказали, почему пишут негативные комментарии в интернете // *Общественная служба новостей*. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/rossiyane-rasskazali-rochemu-pishut-negativnye-kommentarii-v-internete/> (дата обращения: 06.04.2022).
2. Кулаков А.Е. Лингвокультурный и коммуникативный аспекты инвективного лексического инвентаря (на материале территориальных вариантов французского языка Франции, Канады и Африки): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 2000. 1222 с.
4. Заворотничева Н.С. Инвективы в современной разговорной речи (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.
5. Копнина Г.А., Кошкарлова Н.Н., Сквородников А.П. Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных массмедиа: постановка проблемы // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 4. С. 383–400. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-383-400> (дата обращения: 06.04.2022).
6. *Стилистика и литературное редактирование*. В 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Издательство Юрайт, 2016. 325 с.
7. Резникова Т.И. Слог у автора неплох, реально доставляет: о нестандартных семантических переходах в глагольной лексике (по данным интернета) // *Современный русский язык в интернете* / ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014. 328 с.
8. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
9. Балашова Л.В. Русский язык в разных коммуникативных сферах // *Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В.Е. Гольдина* / Отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л.П. Крысин. Москва – Саратов: Амирит, 2015. 343 с.
10. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.

References

1. Astakhova G. Russians told why they write negative comments on the Internet // Public News Service. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/rossiyane-rasskazali-pochemu-pishut-negativnye-kommentarii-v-internete/> (date of application: 04/06/2022).
2. Kulakov A.E. Linguocultural and communicative aspects of the invective lexical inventory (based on the territorial variants of the French language in France, Canada, and Africa): abstract of thesis ... PhD in Philology. Saratov, 2011. 23 p.
3. Efremova T.F. The new dictionary of the Russian language. Explanatory-educational. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, 2000. 1222 p.
4. Zavorotishcheva N.S. Invectives in modern colloquial speech (on the material of the Pyrenean national variant of the Spanish language and the American national variant of the English language): abstract of thesis ... PhD in Philology. Moscow, 2010. 26 p.
5. Kopnina G.A., Koshkarova N.N., Skovorodnikov A.P. Language consequences of modern psychological and information warfare in Russian mass media: problem definition // Russian Language Studies. 2021. Vol. 19. Iss. 4. P. 383–400. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-383-400> (date of application: 04/06/2022).
6. Stylistics and literary editing. In 2 volumes. Vol. 1: a textbook for academic undergraduate studies / ed. by L.R. Duskaeva. Moscow, 2016. 325 p.
7. Reznikova T.I. The author's style is not bad, it really delivers: about non-standard semantic transitions in verbal vocabulary (based on the Internet) // Modern Russian language on the Internet. Moscow, 2014. 328 p.
8. Zhelvis V.I. Battlefield: Swearing as a social problem in the languages and cultures of the world. Moscow, 2001. 349 p.
9. Balashova L.V. Russian language in different communicative spheres // Language in the space of speech cultures: to the 80th anniversary of V.E. Goldina / Ed. by O.Y. Kryuchkova, L.P. Krysin. Moscow – Saratov, 2015. 343 p.
10. Trofimova N.A. Expressive speech acts in the dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analyses. St. Petersburg, 2008. 376 p.

УДК 81`42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.80.28.001

*Юго-Западный государственный
университет,
аспирант кафедры теоретической и
прикладной лингвистики
Халина Е.Е.
Россия, г. Курск
тел. 89155136377
e-mail: khalinaliza@mail.ru*

*South-West State University
The chair of theoretical and applied linguistics
Postgraduate student
Khalina E.E.
Russia, Kursk
tel. 89155136377
e-mail: khalinaliza@mail.ru*

Е.Е. Халина

ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ГРАДАЦИЯ ТИПОВ

В статье проводится описание и систематизация жанров политического дискурса по признакам цели, предмета и функций. Актуальность данного исследования определяется отсутствием единого мнения в отношении понятия «политический жанр», что ведёт к неоднозначности принципов градации жанров политического дискурса. Цель работы заключается в представлении упорядоченной жанровой типологии политического дискурса. Для достижения поставленной цели с привлечением дескриптивного и сопоставительного методов были проанализированы отечественные и зарубежные работы в области политической коммуникации, определено базовое значение терминов «политический дискурс» и «жанр», выявлены критерии выделения жанров политического дискурса, в систематизированном виде представлена единая жанровая типология политического дискурса. Анализ жанровых классификаций политического дискурса отечественных и зарубежных лингвистов, в частности М.М. Бахтина Е.И. Шейгал, А.П. Чудинова, показал, что в настоящий момент в языкознании отсутствует точное определение термина «жанр». Однако большинство учёных подразумевают под жанром совокупность элементов речевой деятельности, отражающую коммуникативное намерение говорящего. Речевая ситуация представляет собой ключевую особенность жанров политического дискурса, наряду с чем широта интересов политических субъектов содержит в себе центральное значение для осуществления речевого воздействия. Исходя из целевого содержания рассматриваемого дискурса строится градация жанров политической коммуникации, так как именно коммуникативная цель высказывания является регулирующим фактором речевого общения. Наиболее актуальными и значимыми можно считать типологии Е.И. Шейгал, Т.В. Шмелёвой, А.П. Чудинова. В качестве базовых жанров в сфере политического дискурса нами были выделены информационные, убеждающие, призывные и жанры-оправдания.

Ключевые слова: жанр, дискурс, политический дискурс, политическая коммуникация, речевая стратегия.

E.E. Khalina

GENRE SPECIFICITY OF POLITICAL DISCOURSE: CRITERIA OF IDENTIFICATION AND GRADATION OF THE GENRES

The article describes and systematizes the genres of political discourse according to the characteristics of purpose, subject and functions. The relevance of this study is determined by the leading of consensus on the concept of «political genre», which leads to ambiguity in the principles of gradation of genres of political discourse. The purpose of the article is to present an ordered genre typology of political discourse. The article uses descriptive and comparative methods. The analysis of genre classifications of the political discourse of russian and foreign linguists, in particular M.M. Bakhtin, E.I. Sheigal, A.P. Chudinova, showed that at the moment there is no precise definition of the term «genre» in linguistics. However, most scientists mean by genre a set of elements of speech activity reflecting the communicative intention of the speaker. The key feature of the genres of political discourse is the speech situation, while the range of interests of the subjects of politics is of decisive importance for the speech impact. Based on the objective content of the discourse under consideration, the gradation of genres of political communication is constructed, since it is the communicative purpose of the statement that is the regulating factor of speech communication. The typologies of E.I. Sheigal, T.V. Shmeleva, A.P. Chudinov can be considered the most relevant and significant. As the basic genres in the sphere of political discourse, we have identified informational, persuasive, conscription and justification genres.

Keywords: genre, discourse, political discourse, political communication, speech strategy.

В настоящее время проблема жанровой типологизации политического дискурса занимает центральное место в работах отечественных и зарубежных исследователей, что подчёркивает актуальность исследования данного аспекта политического дискурса. Вопрос о критериях выделения жанров дискурса политики связан с неоднозначным пониманием самого термина «жанр». Тем не менее, большинство лингвистов сходятся во мнении, что при интерпретации жанра в качестве целеполагающей характеристики текста можно выделить жанровые типологии политического дискурса с опорой на его содержание.

Цель данной работы заключается в освещении и систематизации существующих типологий жанров политического дискурса. Для достижения поставленной цели были проанализированы наиболее значимые критерии классификации дискурса политики, описаны предложенные в их рамках типологии, после чего мы приняли попытку свести полученные данные к общей типологии жанров политического дискурса.

Источником фактического материала нашего исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов, прежде всего, М.М. Бахтина [1], Е.И. Шейгал [2], А.П. Чудинова [3], Н. Фэркло [4], В.Е. Гольдина [5], К.Ф. Седова [6], Е.А. Земской [7], Т.М. Шмелёвой [8]. В ходе сбора, анализа материала и интерпретации результатов исследования оказались востребованными общенаучные методы, в числе которых дескриптивный (описательный) и сопоставительный. При использовании описательного метода в процессе анализа теоретического материала мы обращались к таким приемам классификации, интерпретации и систематизации материала. Сопоставительный метод, в рамках которого был задействован приём параллельного изучения, использован нами при описании жанровых классификаций политического дискурса, предложенных отечественными и зарубежными лингвистами.

В нашей статье мы отталкиваемся от широкого понимания дискурса, предложенного Е.И. Шейгал, согласно которому «политическая коммуникация охватывает любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых имеет отношение к сфере политики» [2; с. 45]. В контексте данной работы политический дискурс понимается нами как коммуникативный феномен, выражающий определённые интересы участников политической деятельности в ситуации политической коммуникации. При данном определении центральным мотивом политики выступает интенция борьбы за власть.

Немецкий философ и основоположник этики дискурса Ю. Хабермас к важнейшим характеристикам политического дискурса причисляет: 1) тему текста, которая относится к сфере политики; 2) определение намерений политических субъектов; 3) речевую ситуацию, в рамках которой проявляются жанровые особенности политического дискурса [9; с. 91].

Дискурс политики имеет высокую степень манипулирования, что можно объяснить его основной целью – получение власти. Основываясь на этой же цели, язык в выбранном нами дискурсе обладает воздействующей функцией убеждения и контроля [2; с. 43].

Таким образом, в настоящем исследовании политический дискурс понимается нами как институциональное явление, поскольку система различных политических институтов (парламент, фракции, союзы, партии и т.д.) придаёт политике характерные особенности институциональной коммуникации. Тематика дискурса политики определена функционированием политического языка и целевыми установками участников коммуникации. Степень институциональности является существенным регулятором структурирования жанров политического дискурса.

Для выделения жанровых категорий политического дискурса необходимо дать определение понятию жанра.

Ведущим определением жанра, по мнению большинства отечественных и зарубежных учёных, является определение М.М. Бахтина, согласно которому «жанр является устойчивым типом высказывания, выработанным в определенной сфере использования языка» [1; с. 263]. Главная единица речевого общения – высказывание – имеет обязательную завершенность, связанную с коммуникативным намерением говорящего.

Британский лингвист Н. Фэркло к политическим жанрам причисляет широкий список жанров, как медиатизированных (предвыборные дебаты, интервью, политические теле- радиопередачи, рекламные лозунги), так и имеющих непосредственное отношение к политике (выступления политиков, программы партий, указы) [4; с. 33–34].

Следует отметить, что разногласия учёных касаются не только определения понятия «жанр», поскольку в настоящее время не существует единой точки зрения на вопрос того, что брать за основу речевого жанра – речевой акт или текст. Ряд отечественных учёных, такие как К.Ф. Седов [6], В.Е. Хализев [10], М.Н. Кожина [11], разграничивают эти понятия. Вместе с тем, многие языковеды, в числе которых Е.А. Земская [7], К.А. Долинин [12], М.Ю. Федосюк [13], к определению речевого жанра относят только текст, а не с речевые акты, которые имеют возможность реализоваться в одном высказывании [12; с. 9].

Необходимо также отметить, что значительная часть учёных причисляет контекст или ситуацию к перво-степенным аспектам организации речевого жанра в политической деятельности. Так, В.Е. Гольдин, К.Ф. Седов считают, что ситуация и речевое/неречевое поведение имеют тесную связь.

Таким образом, под жанром в нашей работе мы будем понимать совокупность элементов выражения речевой деятельности, заключающая в себе конкретное намерение говорящего. При таком определении жанра становится очевидна его связь с деятельностью человека. Главным жанрообразующим признаком является коммуникативная цель.

Перейдем непосредственно к рассмотрению жанровых категорий политического дискурса, классификация которых обуславливается различными параметрами и критериями.

Основываясь на концепции Е.И. Шейгал, изложенной в её диссертации «Семиотика политического дискурса» [2; с. 313–314], жанры интересующего нас дискурса можно изобразить в виде оси институциональности (официальности) – начиная с максимальной неформальности (анекдоты, слухи) до максимальной официальности (пресс-конференции, политические интервью, указы).

Рассмотрение жанра как формы речи коммуникативного события позволяет выявить еще одну классификацию жанров политического дискурса по событийной локализации: 1) циклические (ритуальные); 2) спонтанные; 3) календарные (текущие).

М.М. Бахтин в разделе «Постановка проблемы и определение речевых жанров» [14] своего собрания сочинений подразделяет жанры политического дискурса на:

1) первичный дискурс (политические речи, дебаты, заявления политиков, программы партий, переговоры, лозунги);

2) вторичный дискурс (политические анекдоты, аналитические статьи, карикатуры, интервью).

Согласно классификации Т.В. Шмелевой, изложенной в её статье «Модель речевого жанра» [8] по целевой установке жанры дискурса политики делятся на:

1) оценочные, целью которых является изменение самооощущений участников общения посредством соотнесения их поступков, качеств в рамках принятой в конкретном обществе шкалой ценностей (политическая реклама);

2) этикетные, направленные на реализацию какого-либо социального события в конкретном социуме (извинения, благодарности, поздравления, соболезнования);

3) информативные, в задачу которых входят различные операции с предоставлением, подтверждением или опровержением информации (парламентские слушания, дебаты, переговоры, интервью);

4) императивные, служащие для осуществления или неосуществления каких-либо событий, необходимых конкретным участникам коммуникации (лозунги, указы) [Там же; с. 93–97].

Считаем нужным добавить, что один и тот же текст может заключать в себе оценку, императив и информацию. Отдельные жанры обладают тенденцией к переходу, что является причиной возникновения промежуточных жанров. К таким жанрам можно отнести информационно-оценочные, чаще всего проявляющиеся в теледебатах.

Актуальность классификации речевых жанров по Т.М. Шмелевой подтверждается наличием у некоторых жанров особых грамматических форм (императива, интонаций). Перечисленные выше типы речевых жанров не удовлетворяют все коммуникативные задачи политической коммуникации, однако данные названные типы целей формируют основные, по мнению Т.М. Шмелевой, типы речевых жанров.

А.П. Чудинов является автором сразу нескольких значимых классификаций жанров политической коммуникации, раскрывая эти классификации в своей научной статье «Дискурсивные характеристики политической коммуникации» [3]. Далее приведём их.

По форме передачи информации исследователь различает устные (митинги, доклады, дебаты, интервью) и письменные жанры политического дискурса (предвыборные программы, листовки, статьи) [Там же; с. 53–54].

Классификация внешней формы подразумевает градацию жанров политического дискурса на:

- монологичные (теле- и радиообращения, статьи в СМИ);

- диалогичные (дебаты, интервью) [Там же; с. 54].

Объём информации является ещё одним критерием выделения жанров политического дискурса, в связи с чем А.П. Чудинов выделяет: 1) малые жанры (лозунги, слоганы, речёвки); средние жанры (выступления на заседаниях парламента, газетные статьи); крупные жанры (предвыборные программы, политические выступления, книга политических деятелей) [Там же; с. 54].

Структура жанрового политического пространства зависит от семиотической трёхступенчатой системы «интеграция – ориентация – агональность». По характеру основополагающего намерения (по цели высказывания) А.П. Чудинов выделяет следующие жанры политического дискурса:

1) ритуальные (предвыборные речи, поздравления с праздниками, теле- и радиообращения, приветствия);

2) ориентационные (программы партий, конституция, послания президента, отчетные доклады, указы);

3) агональные (лозунги, реклама, предвыборные дебаты, парламентские дебаты);

4) информативные (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ) [Там же; с. 54].

Жанры политического дискурса могут быть осложнены паралингвистическими средствами, что позволяет нам выявить ещё два жанра – паралингвистически осложнённый и вербальный. Первый вид жанра обладает преимуществом перед неосложнённым текстом. Это объясняется тем, что мимика, жесты и громкость звучания определяют силу воздействия сообщения и увеличивают степень восприятия текстов слушателем.

Средства массовой информации имеют важное значение в процессе трансляции текстов политической коммуникации, в связи с чем необходимо указать классификацию жанров по способам передачи информации. Среди них выделяют жанры: 1) опосредованные СМИ, в числе которых: телевизионные (телеинтервью, теледебаты), газетные (аналитические статьи, очерки), радио-жанры (радиоинтервью, радионовости), интернет-жанры (блоги политических деятелей); 2) не опосредованные СМИ (политические выступления, митинги) [4; с. 33–34].

Основываясь на выбранном выше понимании жанра как целеполагающей характеристики текста, в нашем исследовании мы допускаем разграничение политических жанров на следующие основные типы: информационные; убеждающие; призывные; жанр-оправдание/покаяние.

1. Главная цель текста информационного жанра состоит в предоставлении информации. К данной категории жанров принадлежат публичные выступления (инаугурационные речи, пресс-конференции, интервью политических деятелей). Сообщение может включать в себя оценку, выражаемую диктемами соответствующего типа.

2. К убеждающим жанрам относятся выступления политиков на заседаниях, политические дебаты, выступления кандидатов в президенты перед электоратом. К данной категории жанров политические деятели прибегают с целью убеждения слушателей в верности своей стратегии в конкретной сложившейся обстановке. Содержанием своей позиции автор подкрепляет диктемами обвинения и разоблачения.

3. Призывными жанрами могут являться публичные выступления, интервью, агитационные лозунги, обязательной целью которых является какое-либо побуждение. Дискурс рассматриваемого нами жанра обязан подкрепляться системой фактуально-оценочных диктем-утверждений, содержащих доказательное обоснование высказываний говорящего. Эти диктемы направлены на то, чтобы придать обращению политика большую убедительность. Речевые призывные акты включают в себя элементы аргументации и соперничества.

4. К жанрам-оправдания/покаяния имеют отношения публичные выступления политиков, чьими намерениями служит стремление признать свою вину и дать пояснение какой-либо конкретной ситуации. Этот жанр отмечается в речевых актах раскаяния и сострадания, сопровождающихся краткой информацией о будущих программах, а также просьбой к совместным усилиям.

Проведённый анализ жанровых классификаций политического дискурса позволяет сделать следующие выводы:

1. Основываясь на трактовках понятия «жанр» таких учёных, как М.М. Бахтин, О.А. Крылова, Н. Фэркло, В.Е. Голдина, К.Ф. Седова, мы предлагаем следующее определение данному термину: жанр – это совокупность элементов выражения речевой деятельности, отражающая коммуникативную цель говорящего, связанная с его деятельностью.

2. Речевая ситуация представляет собой ключевую особенность жанров политического дискурса. Наряду с этим личные цели и задачи субъектов политики при осуществлении их деятельности обладают основополагающим значением для речевого взаимодействия.

3. Предметный тип политического текста является причиной выделения критериев градации жанров политической коммуникации, служит средством регулирования политического речевого взаимодействия.

4. Наиболее актуальными и значимыми типологиями жанров политического дискурса, по нашему мнению, можно считать классификации, предложенные Е.И. Шейгал, Т.В. Шмелёвой, А.П. Чудиновым. В качестве базовых жанров дискурса политики нами были выделены информационные, убеждающие, призывные и жанры-оправдания.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 368 с.
3. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. №2 (40). С. 53–59.
4. Fairclough N. Language and Power // Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford, Elsevier, 2005. P. 30–33.
5. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе / Филология. Журналистика // Известия Саратовского университета. 2009. С. 3–7.
6. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
7. Земская Е. А. Язык как деятельность: морфема, слово. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 681 с.
8. Шмелева Т. М. Модель речевого жанра. Саратов: 1997. С. 88–98.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
10. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 438 с.
11. Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики. М.: Флинта: Наука, 2014. 620 с.
12. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия. Саратов, 1999. С. 7–13.

13. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи. Саратов, 1997. С. 66–87.
14. Бахтин М. М. Постановка проблемы и определение речевых жанров. М.: Русские словари, 1996. С.159–206.
15. Блох М. Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. №1. С. 5 –10.

References

1. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Iskusstvo, 1979. 423 p.
2. Sheigal E. I. Semiotics of political discourse: dis.. Doctor of Philology. Volgograd, 2000. 368 p.
3. Chudinov A. P. Discursive characteristics of political communication // Political linguistics. 2012. No. 2 (40). P. 53–59.
4. Fairclough N. Language and Power // Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford, Elsevier, 2005. P. 30–33
5. Goldin V. E. Narration in dialect discourse // Izvestiya Saratov University. 2009. (Ser. Philology. Journalism). P. 3–7.
6. Sedov K. F. Discourse and personality: the evolution of communicative competence. M.: Labyrinth, 2004. 320 p.
7. Zemskaya E. A. Language as activity: morpheme, word. M.: Yaz. Slavs. culture, 2004. 681 p.
8. Shmeleva T. M. Model of the speech genre. Saratov, 1997. P. 88–98.
9. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. SPb: Nauka, 2001. 382 p.
10. Khalizev V. E. Theory of literature. M.: Higher School, 2002. 438 p.
11. Kozhina M. N. Speech production. Theory of functional stylistics. M.: Flint: Nauka, 2014. 620 p.
12. Dolinin K. A. Speech genres as a means of organizing social interaction. Saratov, 1999. P. 7–13.
13. Fedosyuk M. Y. Research of means of speech influence and theory of speech genres. Saratov, 1997. P. 66–87.
14. Bakhtin M. M. Problem statement and definition of speech genres. M.: Russian dictionaries, 1996. P.159–206.
15. Bloch M. Ya. Discourse and system linguistics // Language. Culture. Speech communication. 2013. No. 1. P. 5 –10.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4(47) 2022

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 27.12.2022. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,7. Усл. печ. л. 21,1. Тираж 30 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84